Г. Ревзин
РИЭГО

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Г. Ревзин

РИЭГО

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

Основана в 1933 году М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК

7

[255]

МОСКВА — 1958

Г. РЕВЗИН

РИЭГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

В этой книге рассказывается о том, как в двадцатых годах прошлого века, в царствование испанского Бурбона Фердинанда VII, народ Испании поднялся на борьбу с абсолютизмом. Возглавлял народное восстание Рафаэль Риэго — «Свободы сеятель», как назвал его Пушкин.

Длившаяся три года испанская революция была подавлена соединенными силами внутренней и международной реакции. Герой восстания Риэго пал в этой неравной борьбе.

Книга написана членом Союза писателей СССР Г. И. Ревзиным, автором художественных биографий: «Подвиг жизни Ивана Черского», «Коперник», «Ян Жижка», «Колумб», «Творческий путь В. А. Обручева».

Настоящая книга — переработанное издание научно-художественной биографии, вышедшей в 1939 году в серии «Жизнь замечательных людей».

Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье!

РЫЛЕЕВ

ВСТУПЛЕНИЕ

«Чей голос достоин воздать
хвалу землям твоим, Испания?»
Клавдий Клавдиан

Словно крепость, возведенная руками гигантов, высится испанская земля над морями. С трех сторон твердыню лижут волны Атлантики, Средиземного моря.

А с севера, со стороны Франции, она прислонилась к стене Пиренеев.

Из середины крепости в густую небесную синь возносится Центральное плоскогорье. Это Кастилия — «Укрепленный замок», стоящий стражем меж рвов и бастионов. Безлесные, каменистые просторы... Триста тысяч квадратных километров — две трети всей Испании.

С какой резкостью сменяются здесь времена года!

Летом на кастильскую землю обрушивается ярость южного солнца: пересыхают потоки, выгорают пастбища. Под раскаленным добела небесным сводом плоскогорье кажется пустыней. Взгляд безнадежно скользит по бурым, сожженным пространствам. Разбросанные там и сям купы оливковых рощ, шатры фиговых деревьев лишь оттеняют суровую наготу края.

Истомленная долгой жаждой, земля Кастилии и осенью не получает вдоволь влаги. Но теперь все плоскогорье погружается в прохладу, приносимую ветрами с гор. Замирает долгая оргия сухого зноя. Звонкий воздух напоен бальзамической свежестью высот По остывшему небу высоко скользят пурпурные облака. Они бросают на прозрачные дали фантастические розовые и фиолетовые тени.

В эту пору облик старой испанской области величествен и суров.

Удивительны здесь зимы. Медный диск солнца начищен до блеска холодными, резкими ветрами. Оснеженные вершины горных цепей подпирают далекий горизонт. Под неизменно синим небосводом воцаряются жестокие холода. Долго не уступают они весне — мимолетной очаровательной улыбке хмурой кастильской природы.

С марта по май Кастилия зеленеет. Покрываются травами пастбища, цветы устилают ложбины и склоны Буйно колосятся поля.

В эту лучшую пору покинем сердце страны, плоскогорье. В какую сторону ни направимся — только не в Ламанчу или Эстремадуру, — нас поразит яркое разнообразие окружающих Кастилию провинций.

На северо-западе раскинулась Галисия, область изумрудных пастбищ и обильных вод. Крутые берега океана образуют бесчисленные заливы прихотливого излома, не уступающие в живописной прелести норвежским фиордам. Те же извилистые глубокие ущелья, поросшие зеленым руном. Так же спокойно по их дну голубой лентой стелются морские воды. Но галисийские фиорды залиты ярким южным солнцем.

Рядом с Галисией вдоль Бискайского залива тянется Астурия, страна журчащих потоков и снежных вершин. Это как бы кусок Швейцарии, перенесенный ради пущего декоративного эффекта поближе к океану. Между астурийскими горами и побережьем разбросаны цепи холмов. Всюду виноградные лозы, яблони, кукуруза.

Дальше к востоку, за одетыми хвоей холмами Наварры, в долине Эбро залегают сухие красноватые утесы Арагона. Суровый пейзаж этой древней испанской страны лишь изредка оживляется пышной зеленью садов.

У берега Средиземного моря цветет Каталония, край пахарей, рыбаков и торговцев. Она, как родная сестра, походит на итальянские и греческие побережья. В густую синеву моря смотрятся пинии, мирты и кипарисы. Среди них — желтая россыпь рыбачьих деревушек.

Соседние Валенсия и Мурсия отмечены неизгладимой печатью Востока. Давние хозяева, мавры, вдохнули жизнь в эти засушливые земли. Они обуздали бегущие с гор реки, проложили густую сеть каналов. Арыки выпивают до капли горные потоки и отдают драгоценную влагу полям, садам, огородам.

Апельсиновые массивы Валенсийской Уэрты [1], пальмовые рощи и библейские колодцы Мурсии вызывают в воображении картины Месопотамии, Палестины.

На юг и на запад отсюда, в долине Гвадалквивира,

---

[1] Валенсийская Уэрта — область поливных садов Валенсии.

лежит прекрасная Андалузия. Рядом с ней — напоенная солнцем Гранадская Вега[1]. Города и деревни соперничают в белизне с искрящимися ледниками Сьерры-Невады. Это уже Африка. Здесь пейзаж и климат совсем марокканские.

* * *

Велико разнообразие испанских земель. Резко различны высоты отдельных провинций над морем, их почвы и климаты. Испания на три четверти засушливая и на одну четверть с избытком влаги; низменная, рассеченная горными кряжами — и высокая, плоская; голая — и покрытая лесом.

Но в многообразии этом есть нечто, делающее испанскую природу единой, — это могучая жизнеспособность, столь характерная для всего облика страны.

В горах Испании, на выветренном граните, борется за жизнь великое множество трав, цветов. Они лепятся по обрывам, устилают расселины скал. Разновидностей их великое множество[2]. Невзрачны они, не радуют взора путника, но отдают обжигающему их знойному воздуху острый, хмельной аромат. Моряки говорят, что чувствуют запах Испании задолго до того, как перед их глазами откроются ее берега.

* * *

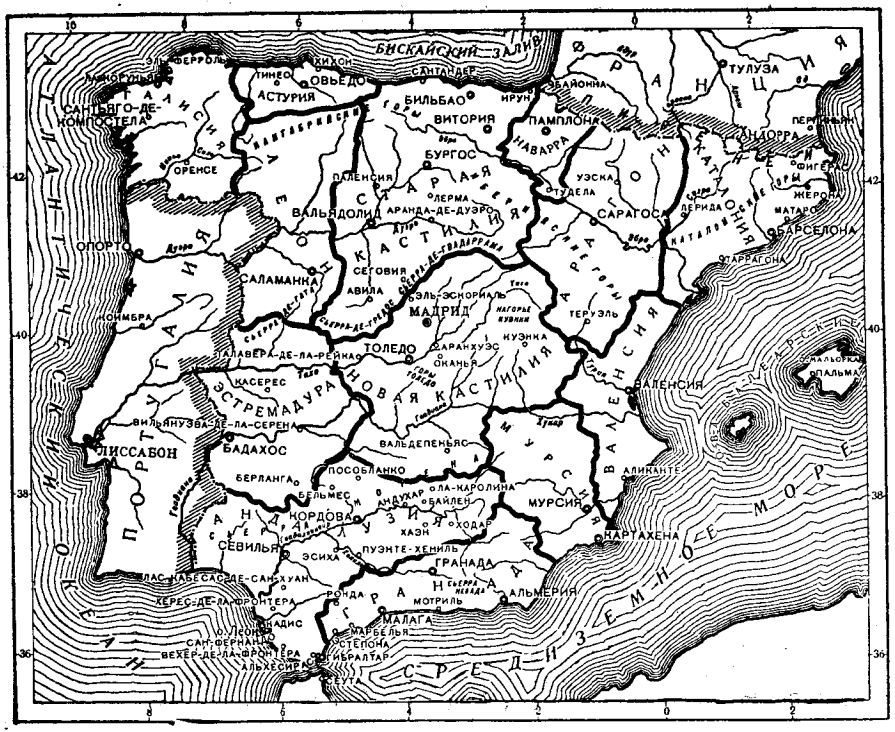
Казалось бы, что народ, живущий за крутыми горными цепями, под прикрытием естественных рвов и стен, должен быть навеки защищен от прихода непрошеных гостей. Как далеко от истины подобное предположение! Полуостров лежит на перекрестке мировых путей, и необоримые силы истории не раз преодолевали возведенные природой преграды.

В седую старину, за две-три тысячи лет до нашей эры, здесь жило племя иберов. Пришлое ли это племя, или оно искони обитало на полуострове — никто не

---

[1] Гранадская Вега — плодородная долина близ Гранады.

[2] Ботаники утверждают, что из десяти тысяч растений Европы пять тысяч произрастает только в Испании.



Карта Испании.

знает. Известно, что иберы мужественно защищали свою независимость, были трудолюбивы и предприимчивы.

Очень рано у берегов Иберии появились на весельных галерах чернобородые торговцы из Финикии. Они заложили в устье Гвадалквивира Таршиш. Неподалеку от него основали Гадир — жемчужину океана, один из древнейших городов Европы, нынешний Кадис.

Вслед за финикиянами пришли их ученики и соперники в торговле — греки, раскинувшие торговые фактории по средиземноморскому берегу полуострова.

Финикияне и греки держались у побережья, избегали распрей с коренными жителями, откупались от иберийских вождей дарами и данью.

Но вот на полуостров проникли с африканского берега сыны Карфагена: Баркиды[1] задумали поход на Рим, а путь к нему лежал через Иберию. Ганнибал двинул свою армию во внутренние иберийские земли, истребляя непокорных, насильно вербуя в свои отряды туземную молодежь.

Сопротивление иберов поразило весь античный мир. По всему свету прогремела доблесть Сагунта, осажденного войсками Ганнибала в 218 году до нашей эры. Несметные полчища обложили город. Но ничто не могло принудить Сагунт к сдаче: ни отказ союзников-римлян в помощи, ни атаки слонами, ни даже захват крепостных башен.

Осажденных стал мучить голод. Тараны карфагенян валили стены. Тогда старейшины Сагунта велели развести на площади костры и вместе с семьями нашли смерть в пламени. Победителя приветствовали голодным воем псы, бродившие среди обугленных трупов. Тех немногих, кто остался в живых, разъяренные враги перебили или продали в рабство.

С великим трудом отряды Ганнибала пробились через полуостров к италийским землям. Владеть Иберией Карфагену пришлось недолго — не больше трети века. На плечах разбитых карфагенских полчищ

---

[1] Баркиды — династия карфагенских полководцев, основанная Гамилькаром Баркой.

в иберийскую землю вторглись железные римские когорты.

Снова завязалась жестокая борьба коренного населения с завоевателем. И вновь во все концы разнеслась молва о мужестве свободолюбивых жителей Иберии, о сопротивлении города Нумансии в 134 году до нашей эры.

Вся иберийская земля дрожала от тяжелой поступи римских легионов. Но нумансийцы не открыли перед ними ворот. Дрались все, кто способен был носить оружие: старики сбрасывали камни на головы осаждавших, женщины ослепляли их кипящей смолой.

Когда же в римский стан прибыл Сципион, будущий покоритель Карфагена, и город был обложен сплошным кольцом, сила сопротивления стала падать. Изнемогающий от голода, пораженный мором, город прибег, подобно Сагунту, к массовому самоубийству.

Сагунт и Нумансия — кровавые зарницы неукротимой ярости сопротивления испанского народа. Их полыхание бросает свет на всю последующую историю испанцев. От них тянутся нити к XIX и XX векам, к Сарагосе и Мадриду...

* * *

Не могли устоять иберийцы против ударов римского тарана. И все же около двухсот лет мировая Римская империя не вкладывала меча в ножны. В постоянной боевой тревоге отряды римских воинов колесили по горным тропам Испании, жгли и убивали, прежде чем повергли к ногам Рима непокорный народ. Двести лет... Что в сравнении с этим восьмилетнее сопротивление соседней Галлии легионам Юлия Цезаря!

Рим принес на Иберийский полуостров не только войну и разрушение, но и свою рабовладельческую культуру. Вслед за латинскими воинами пришли строители дорог и мостов, акведуков, городов и храмов. По их стопам шли римское право, администрация, наука. К началу нашей эры почти все население говорило на языке завоевателей.

Иберия стала богатейшей провинцией Римской империи. На форумах городов плодородной Бетики (Андалузии) подвизались местные поэты и ученые. Оба Сенеки, географ Мела, целая плеяда латинских поэтов, многие римские императоры были уроженцами Испании.

Но вот пришли исторические сроки, пало мировое могущество Рима. В 409 году нашей эры через Пиренеи на полуостров устремляются варварские германские племена: вандалы, аланы, свевы. Второй волной движутся вестготы. Они разрушают древнеримскую цивилизацию, ввергают страну в анархию. Теперь Испания представляет собой мозаику из мелких вестготских королевств и княжеств, раздираемых феодальными распрями. Примечательным событием этого времени было принятие христианства вестготскими королями и их подданными.

Недолго тянулся и вестготский период испанской истории. К началу VIII столетия страна стояла на пороге новых испытаний.

По северному берегу Африки двигались орды смуглолицых конников в бурнусах, храбрых, но жадных до грабежа воинов. Старинные испанские летописи красочно повествуют о том, как вестготские удельные князьки в пылу междоусобных раздоров сами накликали беду на свою землю, призвав арабов к себе на помощь против врагов-единоверцев.

Как смерч, ворвались берберийские всадники на полуостров весной 711 года. В семидневной кровавой сече у Хереса-де-ла-Фронтера полег весь цвет вестготского воинства. Белые арабские скакуны полетели на крыльях победы на север, одолели перевалы Сьерры-Морены, растеклись лавиной по плоскогорью. Завоеватели вышли к Леванту, пронесли зеленое знамя пророка до Кантабрийских гор.

В несколько лет Испания подпала под власть мусульман. Только в труднодоступных горных теснинах Астурии горстке христианских князей удалось отстоять свою независимость. Сюда стали стекаться все, кто не желал идти под власть нового завоевателя.

Началось восьмивековое господство мавров[1] в Испании.

Арабы поселились в испанских долинах и горах, оросили бесплодные земли, возвели новые города, украсили их дворцами непревзойденной красоты.

Мавры переняли духовное наследие Афин и Рима. Они углубились в тайны неба, науку чисел, алхимию, в законы жизни человеческого тела. Им открылась сокровенная гармония музыки, поэзии, танца.

К тысячному году нашей эры Кордовский халифат был светильником культуры для всей Западной Европы. Кордова с ее миллионным населением вмещала десять тысяч дворцов, мечетей, бань, школ. Ее библиотека насчитывала шестьсот тысяч рукописей. Кордова влекла к себе людей так, как за тысячу лет до того притягивал Рим.

Однако сколь широко ни раскинуло свои ветви древо мавританской государственности, корни его были слабы. Кончились завоевания, прекратился приток добычи — и начало хиреть гордое царство.

Укрывшиеся в астурийских горах потомки христианских владетелей Испании постепенно отвоевывали потерянные их предками земли. Проходили века. Бургос и Сарагоса, потом Толедо и Валенсия, затем Севилья и Кордова сменили полумесяцы своих минаретов на кресты, эмиров халифа — на епископов и губернаторов. Выросли два королевства — Кастилия с Леоном и Арагон, охватившие почти весь полуостров. В течение двухсот лет им еще противостоял арабский островок — Гранадский эмират. К началу XV века пал и он. Арабы были изгнаны из Испании.

* * *

Вехой на историческом пути испанцев стал 1492 год. В этом году генуэзец Христофор Колумб, как начертано на его гербе, «дал Кастилии и Леону новый мир» — американский континент. Маленькая, захолустная Испания стала первой державой мира.

---

[1] Так испанцы называли завоевателей — арабов и берберов.

Королева Испании Изабелла, расплачиваясь с церковью за помощь в борьбе с дворянами и городами, незадолго до того, в 1480 году, подписала высочайшее повеление о введении в ее владениях инквизиции.

Глава инквизиции Торквемада зажигает первые костры. В течение двух лет сжигают двадцать тысяч католиков-«еретиков», мусульман, евреев. Обнародован эдикт о доносительстве. Под угрозой отлучения от церкви все верующие обязаны доносить Святому присутствию [1] на своих родных и друзей, как только они заметят отсутствие в тех должного рвения в делах веры.

В подземных темницах инквизиторы пытают, истязают, полосуют, рвут на части тела своих жертв, заподозренных в религиозном свободомыслии. В церквах, в тиши исповедален, подавленные видением вечных мук, рисуемых духовными пастырями, женщины шепчут омертвелыми губами доносы на мужей, братьев, отцов. В пятнадцати городах заседают трибуналы инквизиции. Они жгут богопротивные книги, жгут тысячи и тысячи вероотступников.

* * *

На испанский трон в 1516 году восходит Карл I.

Ограбление недавно открытых земель далекой Америки достигает теперь апогея. Из-за моря, из Мексики и Перу, в королевскую казну, в дворянские карманы широкой струей течет золото, обагренное кровью индейцев. Литые из драгоценного металла пучеглазые ацтекские уродцы-идолы, тончайшие дворцовые украшения инков, наспех сплющенные молотками в увесистые бесформенные куски, плывут в трюмах каравелл в Севилью. Навстречу этим кораблям несутся другие, битком набитые головорезами, идущими воевать индейские земли, добывать себе богатство, «обращать в веру» краснокожих.

Монетный двор без устали чеканит дублоны. Карл богат. И в голове коронованного фантазера роятся проекты, один другого смелее и сумасброднее: золо-

[1] Так называлась инквизиция.

тым рычагом он опрокинет европейские троны, станет властелином мира.

А тем временем народ задыхается под гнетом фанатической монархии. Полноценным испанцем почитается только королевский солдат да еще конквистадор — подвизающийся в Новом Свете завоеватель.

Пахать землю, трудиться за верстаком, торговать — это унизительно, почти что зазорно. В глазах не только дворян, но и горожан такие занятия достойны лишь мавров, евреев и скрытых еретиков, тайных сторонников Лютера, что прячутся от инквизиции по городам королевства. Испанец, верный сын католической родины, должен найти богатство и уважение сограждан на острие своей шпаги.

* * *

Как вывезенная из тропиков птица, дрожит, не может согреться укутанный в меха горбоносый старый король Филипп II. Уже долгие годы безвыездно пребывает в Эскориале преемник Карла I. Дворец этот — самое бездушное, мрачное творение, когда-либо созданное рукою зодчего. В промозглую сырость бесчисленных зал не проникают ни звуки жизни, ни луч солнца. В каменной громаде Эскориала чувствуешь себя погребенным, хоть и бьется еще сердце и дышит грудь. Здесь король предвкушает обещанное ему святыми отцами загробное блаженство.

Филипп замыслил довершить земные дела свои великим подвигом. Снаряжен невиданный дотоле флот — армада в 160 кораблей при 2 600 пушках. Флоту приказано подойти к Англии, высадить десант в 30 тысяч солдат, захватить Лондон.

Когда осенью 1588 года в испанские гавани вернулись жалкие остатки растрепанной бурями и разгромленной англичанами «Непобедимой армады», то Филипп, как рассказывает летописец, принял страшную весть внешне спокойно: ни один мускул не дрогнул на его каменном лице.

А удар был сокрушительный, смертельный. С поражением армады началось падение былого могущества испанской монархии. Мировая империя испанских Габ-

сбургов теряет постепенно свои европейские владения: Португалия становится независимой, отделяются Нидерланды, к Франции отходит Франш-Контэ.

На море теперь безраздельно господствует Англия, на континенте тон задают французы. Испания все больше и больше становится провинцией, окраиной Европы, старомодной, претенциозной. Испанские короли и испанские дворяне еще рядятся в свои пышные средневековые титулы, но центр политической и хозяйственной мощи Европы переместился на север.

В 1700 году умер жалкий последыш испанских Габсбургов немощный и полоумный Карл II. Корона Испании перешла к анжуйской ветви Бурбонов.

К этому времени бедствия страны достигли предела.

Вместо 15 миллионов испанцев, населявших страну два века тому назад, теперь на запустелой земле Испании прозябают лишь 5,5 миллиона. Испанцы забыли, как строятся корабли. В пустых гаванях царит мертвая тишина. Почти вся торговля с американскими колониями испанской короны находится в руках чужеземцев. Постоянные нападения сильнейших конкурентов ослабили связь монархии с ее заморскими владениями, свели до ничтожных размеров доходы от них. Дерзкие флибустьеры [1] — англичане, голландцы — безнаказанно грабят берега самой Испании.

Внутри страны тысячи поселений вымерли либо оставлены обитателями. Улицы поросли травой, как заброшенные кладбища. Полные суеверного ужаса, окрестные жители далеко объезжают эти мертвые селения, боясь привидений, гнездящихся в покинутых лачугах.

В эти страшные годы опустели целые области. Оросительные каналы Валенсии и Мурсии забиты песком, частью разрушились. В Андалузии, где каждая пядь земли была некогда заботливо обработана, теперь на десятки лиг [2] поля лежат невспаханными. Эстремадура уподобилась безлюдным прериям Америки. Чуть при-

---

[1] Флибустьеры — морские разбойники, грабившие Испанию и ее колонии.

[2] Лига — испанская мера длины, равна 5,5 километра.

метно бьется еще пульс торговых портов Каталонии.

Умерли, ушли в прошлое прославленные испанские ремесла — знаменитая некогда выделка кож, тонких шерстяных тканей, цветного стекла. Почти все потребные им изделия испанцы стали получать из чужих стран.

Испанский народ влачил жалкую жизнь. У ворот монастырей ежедневно выстраивались длинные цепи голодных людей. Монахи раздавали им монастырский суп. Монастырь, его сытая, безмятежная жизнь, стал мечтой разоренных крестьян, нищих обитателей городов. Устроить сына или дочь в орден — значило обеспечить их навек, да и самим подкармливаться около них.

* * *

Проходят десятки лет. Страна понемногу приспособляется к новым условиям существования, к роли второстепенной, окраинной державы. Вместо дорогостоящих мировых авантюр начинают заниматься устроением дел внутренних: строят дороги, налаживают судоходство, создают налоговую систему. Проводится реформа хозяйственных отношений империи с ее огромными колониями. Хозяйство страны постепенно восстанавливается.

Новые времена — новые песни. Из соседней Франции веет свежим воздухом свободомыслия. Философское движение эпохи Просвещения, родившее Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, захватывает лучшую часть испанского дворянства.

* * *

Вольнодумное дворянство, французская философия... Но это — на верхах общества, для ста тысяч счастливцев. А земледельцы, основа нации, ее костяк, — как живут они теперь, на грани XIX века? Что дали им все эти реформы, эти новые идеи?

Испанец из народа так же скудно ест, так же убого одет, так же мыслит и верует, как сто, двести лет тому назад. По-прежнему темна и тяжела жизнь народа.

Новые дороги и каналы преобразили Испанию, но они мало что дали крестьянину — ему по этим дорогам нечего возить. Новые школы — но ни грамотность, ни умение считать не могут дать бедняку хлеба.

На Пиренейском полуострове крепостная зависимость крестьян отошла в прошлое уже давно, много веков тому назад. Крестьянин был свободен распоряжаться собою, но эта свобода немногого стоила. Тройной гнет давил мелкого земледельца: феодальные повинности, бремя государственных налогов и сверх того тяжелейшая дань — десятина, уплачиваемая церкви.

Сведения о численности и составе испанского крестьянства начала XIX века очень неточны. Сопоставление ряда источников позволяет заключить, что из 10,5 миллиона человек, составлявших тогда население Испании, 8 миллионов были крестьянами. Но владела землей лишь малая часть крестьянства — вместе с семьями около одного миллиона человек. Основная же масса земледельцев делилась примерно поровну — на лишенных собственной земли мелких арендаторов и батраков, работавших на помещичьих и церковных землях.

Крестьянам принадлежало только шесть-семь процентов всех земельных угодий страны. Подавляющая часть земель находилась во владении королевского дома, грандов, поместных дворян, монастырей, церковных капитулов, богатых купцов.

Кормильцем Испании был крестьянин, арендовавший землю у феодала-сеньора, светского или духовного. Множество законов регулировало земельную аренду. Все эти законы посягали на скудные доходы земледельца. Обычно контракт арендатора с помещиком предусматривал взимание в натуре в пользу сеньора трети или четверти урожая каждого продукта. И хотя закон давно отменил отработку барщины на полях сеньора, тот же закон обязывал крестьянина-арендатора уплачивать в возмещение барщины особый денежный взнос помещику.

Помещик, светский или церковный, обладал рядом сеньоральных прав, происхождение которых было столь же туманным, сколь сами они нелепыми и же-

стокими. Сеньор имел монопольное право на помол зерна, выпечку хлеба, выжимание масла из оливок, забой скота, ловлю рыбы, сбор валежника в лесу, заготовку дров, на кузнечные работы и на многое другое. Свои монопольные права сеньор обычно уступал арендатору за денежную мзду.

Тяжелой для крестьян сеньоральной привилегией было и право суда. Помещики имели обыкновение продавать это право профессионалам-законникам, которые выжимали последние соки из бедняков, искавших у суда защиты. Процессы у таких судей тянулись годами.

Все крестьяне, как собственники земли, так и арендаторы, платили еще и церковную десятину — десятую часть урожая.

Государственные налоги и повинности крестьянин уплачивал деньгами.

Терзали крестьянина-арендатора и краткие сроки аренды. Он жил в вечной тревоге: не сгонит ли его помещик с земли? Прахом пойдут тогда все труды земледельца, положенные на удобрение поля, придется покинуть возведенные им постройки.

Испанский хлебопашец жестоко страдал и оттого, что не мог арендовать достаточно земли, чтобы досыта накормить свою семью. Характерной особенностью Испании начала XIX века были огромные земельные пространства, вполне пригодные для распашки, но лежавшие невозделанными. Герцог Медина Сели, герцог Медина Сидониа и другие владетельные гранды нередко оставляли нетронутой часть своих латифундий, разбросанных по всей стране, использовали их как охотничьи угодья или как пастбища, на которых выращивали скаковых коней и быков для арены. Высшее испанское дворянство, получавшее большие доходы от эксплуатации заокеанских колоний и от всяких придворных синекур, часто пренебрегало доходами от сельского хозяйства.

Среднее дворянство, монастыри, церковные капитулы, а также богатые горожане обычно сами вели хозяйство в своих поместьях, используя дешевый труд батраков. Ряды этой наемной рабочей силы непрерывно пополнялись выходцами из разоренных деревень —

«лишними ртами» в бедных крестьянских семьях. Рынки испанских городов были заполнены голодными людьми, готовыми продать свой труд за жалкий кусок хлеба. Два раза в год, весной и осенью, в городах появлялись вербовщики, набиравшие батраков на работу в поместья. Работа длилась два-три месяца в году. А остальное время эти выброшенные из деревни люди нищенствовали, побирались на папертях церквей, а то и грабили на больших дорогах.

* * *

Присмотримся к жизни этих Хуанов и Диэго из деревенской глуши. Того, что останется им после уплаты сеньоральных повинностей и налогов государству, еле хватит на полуголодную жизнь, как ни бейся над своей полосой. Зачем же проливать пот, зачем весь век гнуть спину?

В праздники деревенский труженик подолгу выстаивает в храме. Церковь не пожалела ни золота, ни самоцветов, ни дорогих тканей, чтобы поразить воображение и пленить душу своего убогого, задавленного нуждою сына. В его лачуге голо, темно, а здесь жарко горят свечи и в их сиянии мерцают, переливаются ризы на иконах и одежды статуй.

В неверном свете восковых свечей статуи как будто живут мистической жизнью. Нежно улыбающаяся мадонна может поспорить пышностью одежд с самой королевой. Один венец на ее главе стоит труда десяти деревенских поколений.

Кончается служба, положенный крестный ход, и крестьянин бредет к себе домой.

Сурова улица кастильской деревни. Кругом ни деревца, ни цветка. Стены домов сложены из грубого, не связанного известкой камня. На улицу глядит маленькое окошко за железным переплетом. Тяжелая, на крепком железном засове дверь... В доме ни кровати, ни стола. Спят вповалку, не раздеваясь, на устланном сеном полу. Едят у очага, присевши на корточки или поджав под себя ноги, из общей миски.

Знатные путешественники — англичане, французы,

посещавшие Испанию в конце XVIII века, — не могли надивиться воздержности испанцев в еде и питье. Пригоршня жареных каштанов, запиваемых водой, ломоть грубого хлеба, немного луку, гороху. В праздник — суп из овощей, заправленный оливковым маслом, да глоток вина, вот и вся пища.

Но вековая нищета не лишила испанца чувства своей человеческой значимости, не сломила его внутренней стойкости.

Испанец из народа поражал иностранца-путешественника. Завернут по самые глаза в ветхий плащ, голова повязана цветной тряпкой, поверх нее нахлобучена широкополая, потерявшая цвет и форму шляпа. К босым ногам веревкой прикреплены подошвы. И поди же! — этот бедняк не раболепствует перед расшитым кафтаном, держится непринужденно, умеет в гордой, несколько надменной позе, в полном достоинства поклоне, в свободной речи показать себя равным.

Часами сидит испанец неподвижно на пороге своего жилища или стоит, прислонившись к стене. По лицу его бродят сумрачные тени. Может показаться, что это самое угрюмое и бесстрастное существо в мире. Но надо видеть народные увеселения, чтобы понять, какой живостью, какой бурной страстностью наделена нация.

В деревне по вечерам у посады[1] собираются в круг стар и млад. Под гитару и кастаньеты пляшет молодежь. Остальные смотрят на пляску серьезно и сосредоточенно. Танец не забава, это исполненное значения действо. Парень выступает, гордо избоченясь, закинув голову. Он — сама Кастилия, суровая и воинственная. А вокруг него вьется и протягивает руки, манит и отступает девушка.

* * *

Когда к концу XVIII века испанские экономисты стали прикидывать число и состав населения Испании, они получили не очень точные, может быть, но красноречивые цифры. Население страны возросло до

[1] Посада — постоялый двор.

10,5 миллиона душ. Стало быть, за три четверти века оно почти удвоилось.

В Испании насчитывалось 400 тысяч дворян, 300 тысяч священников и монахов, да еще до одного миллиона людей без постоянных занятий и без средств к существованию — голытьбы, лишенной жизненных корней. В этой огромной армии деклассированного люда, вербовавшейся главным образом из крестьян, которым опостылел их неблагодарный труд, немало было и разоренных горожан.

По дорогам толпами бродили нищие, при удобном случае сменявшие суму на кистень. Горы кишели контрабандистами, а города полны были людей подозрительных профессий: чесальщиков мулов, барышников, гадалок, канатных плясунов, нищенствовавших на папертях лжекалек и просто воров.

У всех этих испанцев, выброшенных за борт жизни, припасена была про черный день монастырская похлебка Это скромное подаяние обратилось в руках церковников в политическое оружие, которое дало им впоследствии немало побед.

На рубеже XVIII и XIX веков, в течение многих десятилетий судьбами страны управляли бездарный и жалкий Карл IV, а затем сын его, Фердинанд VII — презреннейший из самодержцев Европы. Их царствование — страшные годы Испании, отмеченные безмерным падением ее правящего класса. Вместе с тем это пора великих порывов и немеркнущей славы народа.

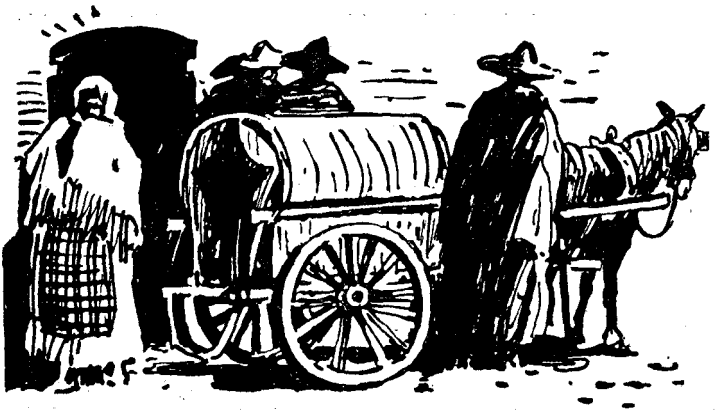
Герой этой книги Рафаэль дель Риэго жил и боролся в то грозное время Он рос в атмосфере нарождающейся первой испанской революции, а затем пережил величайшую катастрофу своей родины — наполеоновское нашествие.

В этой книге личная судьба Риэго сначала тонет в бурном потоке жизни испанского народа. Затем он все чаще появляется на поверхности описываемых событий, чтобы со второй испанской революцией заполнить собою все повествование.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Монарх то строг, то слаб, а иногда
И строг и слаб; бездельем знать горда;
Унижены дворянские сыны,
А пахари вконец разорены.
Народ бежит с заброшенных полей,
Изломаны кормила кораблей,
Пришли в расстройство стойкие войска,
Померкла сталь толедского клинка.

Байрон, «Бронзовый век»



ЦАРСТВО МРАКА

I

ВЕНЦЕНОСЦЫ

Заносчивая, тщеславная девчонка—такова Мария-Луиза, дочь герцога Филиппа, владетеля мелкого итальянского княжества, затерянного среди Апеннин.

Мария-Луиза некрасива. В остром личике подростка привлекают внимание злые, беспокойно бегающие глазки, всегда чего-то ищущие.

Юной герцогине прожужжали уши об ожидающем ее славном будущем: ей суждено восседать на троне рядом с великим государем. Что из того, что Мария-Луиза не красавица? Она ведь внучка Людовика XV и племянница испанского короля Карла III. Скоро, говорили ей, в Пармское герцогство прибудут послы от

знатных и блистательных дворов — сватать ее за инфанта кастильского, а то, может быть, и за французского дофина.

В один из дней 1765 года герцог Пармский и посол Карла III подписали контракт о бракосочетании тринадцатилетней Марии-Луизы с наследником испанского трона, восемнадцатилетним инфантом Карлом.

Будущая королева стрелою вылетела из большого, празднично убранного зала отцовского замка, где только что, преклонив колено, поцеловал ей руку испанский посол. В коридоре она наткнулась на брата:

— Послушай, Фернандо! Ты должен научиться встречать меня с почтением. Я скоро стану испанской королевой! А ты... ты весь свой век будешь не чем иным, как ничтожным пармским герцогом!

* * *

На западном рубеже испанской провинции Эстремадура лежит городок Бадахос. Он раскинулся по склонам живописного холма, увенчанного замком — свидетелем многочисленных осад, изранивших его толстые стены. Рядом — собор, огромный и такой же крепкий. Собор и замок, как две серые наседки, подобрали под себя маленькие домишки города.

В Бадахосе родился в 1764 году дон Мануэль Годой — многолетний диктатор Испании и злой ее гений.

Отец Мануэля, дон Хосе Годой, был бедным, разорившимся дворянином, полковником в отставке. Ворчливый вояка считал, что мальчишку до самого поступления его в войско надо почаще стегать: это поможет ему стать выносливым солдатом.

Мануэль научился в приходской школе молитвам, грамоте, счету. Старый Годой полагал ненужным отягчать голову сына дальнейшим учением. Он сам посвятил его в необходимое дворянину искусство ездить верхом и владеть шпагой. В бадахосском обществе юный гидальго усвоил изысканные манеры и умение играть на гитаре.

Когда Мануэлю исполнилось семнадцать лет, дон Хосе снарядил его в Мадрид. Влиятельные столичные друзья добились для молодого Годоя места во фламандской гвардии. Эта гвардейская часть несла службу при дворце и вербовалась, подобно французским мушкетерам, из сыновей обедневших дворян.

Мануэль на редкость красив. На смуглом сарацинском лице с сизоватым румянцем поражают синие глаза. В глубине их то вспыхивают, то потухают зеленые кошачьи огоньки. На крутой лоб ниспадают шелковистые белокурые пряди. Непринужденная грация движений, певучий грудной голос...

Это неспокойная, раздражающая, как говорили в старину, «погибельная» красота.

* * *

Карл III умер в 1788 году.

Уже на другой день Мария-Луиза пригласила министров к себе и от каждого из них потребовала подробного доклада. Всем стало ясно, что страной будет управлять не Карл IV, а его супруга.

Поначалу Мария-Луиза обо всем советовалась с первым министром графом Флоридабланкой, следовала его указаниям. Идя навстречу настояниям своей новой повелительницы, граф утвердил назначение фаворита Марии-Луизы гвардейца Мануэля Годоя капитаном гвардии.

Карлу IV теперь сорок лет. Это высокий, дородный мужчина, силач, любитель охоты и лошадей.

Жизнь короля размеренна и безмятежна. Он поднимается с постели в пять часов утра, слушает в своей спальне мессу. После завтрака Карл направляется в устроенные для него мастерские, сбрасывает кафтан и, засучив рукава, в течение часа-другого с большим увлечением строгает, точит. Затем его ждет другое, более важное дело. Он идет в конюшни, подолгу ласкает своих лошадей, расспрашивает служителей, как его любимцы провели ночь. Невнимание к ним наказуется строго — не раз на головы нерадивых конюхов обрушивается свинцовый королевский кулак.

Но вот настает час обеда. Гофмейстеры и пажи торжественно шествуют по анфиладе дворцовых покоев, неся фазана, суп, дыню. Все, кто встречается на их пути, отвешивают королевским яствам низкие поклоны.

За обедом Карл поглощает все подаваемое ему. Но пьет он только воду. Придворные шутят:

— Укажите нам другого короля, который вставал бы не позже пяти часов, не пил бы никогда ни вина, ни ликеров и не знал других женщин, кроме своей жены!

После обеда, какова бы ни была погода, король отправляется на охоту. Это сильнейшая страсть Карла и средоточие всех его интересов. Неутомимо до самой ночи рыщет он со своей свитой по окрестностям Мадрида, травит волков, лисиц, зайцев. Если приходится возвращаться во дворец с пустой сумкой, король злится, как голодный браконьер.

Тут наступает час государственных дел, вернее полчаса, в течение которых король принимает министров. Он, собственно, только присутствует при беседах с ними Марии-Луизы.

Эту скучнейшую часть своего дня Карл любит оживлять шуткой: подкрадется сзади, хлопнет министра по плечу и простодушно радуется его испугу:

— Напугал!

Подобные знаки августейшего расположения всегда принимаются с подобострастной улыбкой.

* * *

Годой настоял на том, чтобы его представили королю. Забавляя Карла болтовней, притворно интересуясь его охотничьими историями, даря ему лошадей на деньги, полученные от королевы, он сумел добиться доверия короля, за которым последовала и дружба. Простодушный Карл постепенно так привязался к Годою, что не мог пробыть без него и часу. Как только приезжал он с охоты, его первым вопросом было:

— А где мой Мануэлито?

* * *

Лето 1789 года. Весть о взятии Бастилии парижским людом произвела в Мадриде ошеломляющее впечатление. На испанском небосводе заалели отсветы пламени, пожиравшего устои феодальной Франции.

В Европе появилась новая, дотоле неведомая сила. Она сокрушала веками заведенный порядок, угрожала привилегиям дворян и прелатов.

Через Пиренеи в страну хлынули потоки бегущих от революции французских эмигрантов. Они требовали от испанского двора вооруженного вмешательства для восстановления во Франции старого порядка.

Уже более четверти века царствующие дома обоих королевств были связаны тесным союзным договором, бурбонским фамильным пактом. Пакт торжественно провозглашал, что «отныне Пиренеи перестали существовать» и обе страны составляют как бы единое целое.

Все чувства первого министра графа Флоридабланки восставали против «исчадий ада», завладевших Францией. Он намеревался было побудить Карла IV к немедленному военному походу против бунтарей, посягнувших на суверенные права его дяди. Но, увы, такому воинственному решению противился холодный рассудок, простой политический расчет. Первый министр Испании прекрасно знал, как слабо управляемое им государство, сколь непосильны для его истощенной казны военные предприятия.

Превыше всего, однако, был страх перед Англией, перед ее стремительно растущим морским могуществом. Достаточно Испании ввязаться в сколько-нибудь серьезную войну, и английский флот не преминет напасть на ее американские колонии. Что может сделать Испания, обладающая 60 судами, против 160 кораблей английского флота?

Флоридабланка не находил себе покоя, принимал решения и отменял их. Между тем положение во Франции становилось все более серьезным. Тщетными оказались тайные надежды министра на то, что «чернь во

Франции образумится» и все само собой придет в порядок.

Революционные идеи грозили перешагнуть через Пиренеи и свить себе гнездо в самой Испании. Испанцы выказывали страстный интерес к происходившему в соседней стране. Французская революция служила темой нескончаемых разговоров в буржуазных и дворянских домах, особенно среди молодежи. В Барселоне, Севилье, Кадисе, оживленных торговых портах Испании, по рукам ходили памфлеты на Карла IV, на его двор и министров.

Флоридабланка принялся искоренять дух революции. Он начал свирепствовать с усердием, достойным самой инквизиции. Были закрыты границы для иностранных газет, журналов, книг. Все, что печаталось в Испании, стало подвергаться суровой цензуре. В армии обсуждение французских дел грозило теперь телесными наказаниями. Газетам строжайше воспрещалось печатать какие бы то ни было сообщения из Франции.

* * *

В эти трудные для страны времена, поглощенная своей страстью, королева Испании помышляла только о том, чтобы проложить путь карьере фаворита. Но первый министр по мере своих сил мешал осуществлению ее планов.

Мария-Луиза не сомневалась больше в том, что, пока старый граф у власти, ей не удастся провести Мануэля к верхам государственного управления: в решительную минуту Флоридабланка этому воспрепятствует. Королева сумела добиться его отставки. Первым министром был назначен граф Аранда.

Новый глава правительства отбросил соображения этикета, поступился своим самолюбием и в первый же день отправился к гвардейцу на поклон. Подобный шаг главы правительства не оставлял больше ни в ком сомнений насчет того, кто истинный владыка Испании.

У королевы, наконец, развязаны руки. Не прошло и месяца, как Мануэль Годой по королевскому декрету получил в дар поместье Алькудиа стоимостью в сорок

«Кастильский крестьянин» (Г. Доре).

«Гитарист и танцовщица в Севилье» (Г. Доре).

миллионов песет. Вскоре он был награжден титулом герцога Алькудиа, маркиза де Альварес, возведен в гранды первого класса и назначен членом Совета Кастилии. Важнейшие дела государства отныне обсуждались в доме Годоя, куда каждое утро направлялся Аранда.

Дряхлый, почти выживший из ума граф часто засыпал на заседаниях Совета Кастилии. Его могли вывести из состояния дремоты только вопросы внешней политики. При обсуждении отношений с Францией он проявлял большую живость. Тут в нем загорался старый вольтерьянец, масон и франкофил. Он и слушать не хотел о каком-либо вмешательстве в происходившие во Франции события. Даже заточение Людовика XVI с семьею в Тампль не изменило его миролюбивого настроения. По настоянию первого министра, были прекращены пособия французским принцам и прочим эмигрантам. Россия, Пруссия, Австрия и римский папа требовали, чтобы Испания приняла участие в «правом деле»[1] восстановления французской монархии. Но Аранда не сдавался и настойчиво уговаривал своего короля не оставлять выжидательной позиции. Он намерен был воспользоваться первой же военной неудачей коалиции, чтобы заключить с революционным Конвентом договор о нейтралитете.

Одобряли внешнюю политику Аранды королева и ее фаворит — правда, по соображениям совершенно особым. Они желали мира любой ценой, потому что война истощила бы государственную кассу, в которую всесильный временщик привык запускать руку, как в собственный карман.

Вот как прусский посол описывал испанские дела в середине 1792 года: «Извлеченный из небытия Аранда служит посмешищем при дворе. Он получает в сотрудники людей непригодных, не могущих служить ему помощью. Весь авторитет королевства сосредоточен в персоне любимца королевы. Он замещает своими людьми все посты, раздает все отличия и награды без

[1] Так именовали монархическую контрреволюцию ее приверженцы.

всякого отношения к заслугам. Все гнется под могуществом фаворита. Король и королева еще далеки от того, чтобы исчерпать свои милости в отношении герцога Алькудиа. Для него будет воссоздан пост, уже давно не существовавший: лейтенант-полковника гвардии. Он будет также назначен адмиралом Кастилии. В ближайшие дни он получит высший военный чин капитан-генерала. Три года тому назад он был простым гвардейцем. Можно сказать, что королева, засыпая свое божество почестями и дарами, издевается над нацией. Король держится с герцогом весьма дружественно и оправдывает такую быструю, блестящую карьеру тем, что Мануэль Годой будто бы потомок древних вестготских королей».

Недолго пробыл у власти старый Аранда — менее девяти месяцев. Он помог возвеличить фаворита королевы и становился ей далее ненужным. Почему бы не заменить его Годоем?

Королевский декрет оповестил испанцев о том, что в связи с преклонным возрастом первого министра король решил освободить его от бремени управления. Граф сохранит все свои чины и отличия. В качестве председателя Совета Кастилии он и впредь будет «служить Испании своей мудростью».

Последующим декретом Мануэль Годой был назначен первым министром и министром иностранных дел.

III

ВРЕМЕНЩИК

Управлять внешними делами Испании — задача поистине непосильная для Годоя, человека молодого и не зело грамотного, все заслуги которого были совершенно интимного свойства. Мануэль не знает, где находятся иностранные государства, представителей которых ему приходится принимать, даже как эти го-

сударства называются. В разговоре с послами он немилосердно путает Россию («Русиа») с Пруссией («Прусиа»), ганзейские города с азиатскими островами.

Между тем политический горизонт все сильнее заволакивается грозовыми тучами. Из Парижа идут вести о готовящемся суде над Людовиком XVI. Свергнутому королю угрожает гильотина.

Чтобы спасти дядю Карла IV, Годой решает прибегнуть к подкупу. В Париж посланы крупные суммы, которые испанский посол должен раздать членам Конвента. Это, конечно, побудит их поддержать настояния испанского двора о высылке Людовика и его семьи в Испанию.

Взятки берут Буасси д'Англа, Ривьер и ряд других членов Конвента. Но когда министр Лебрен оглашает с трибуны требования Карла IV, сопутствуемые угрозами, со всех сторон несутся крики возмущения. Настроение Конвента хорошо выразил его член Тюрио: «Мы не можем потерпеть, чтобы послы иностранных дворов передавали нам приказы коронованных бандитов. Пусть испанский деспот поостережется угрожать нам!»

План Годоя провалился. В конце января 1793 года Людовик XVI взошел на эшафот.

Известие о казни французского короля достигает Испании. Церковь и аристократия требуют немедленного объявления войны Франции. По всей Испании падре с амвонов проповедуют священный поход против «безбожных якобинцев». Они засыпают столицу петициями, призывают к истреблению французов.

Годой уже давно стянул войска к северным рубежам королевства, но не решается двинуть их. В феврале против Франции выступают Англия и Голландия. Риск для Испании становится как будто меньше, и в начале марта Годой объявляет войну.

Теперь все границы молодой республики объяты огнем. Французы смогли выставить у Пиренеев лишь слабые заслоны. Все силы направили они к берегам Рейна и к северным, наиболее уязвимым своим границам. Это дает возможность испанцам вступить в пре-

делы Франции, в Русильон. Но здесь испанское войско, руководимое бездарными генералами, начинает топтаться на одном месте. Его ослабляют эпидемии, подтачивает дезертирство.

В Мадриде не знают об истинном положении дел. Там почти ежедневно устраиваются парадные шествия по случаю какой-нибудь воображаемой победы испанского оружия.

В середине этого же года Годой укрепляет позиции Испании союзным договором с Англией. Короли английский и испанский обязуются совместно вести войну против Франции. Ни одна из сторон не имеет права сложить оружие без согласия союзника.

В августе объединенная англо-испанская эскадра заняла Тулон. Но уже через четыре месяца французские войска под командой молодого артиллерийского офицера Бонапарта прогнали из этого порта вторгшиеся с моря неприятельские силы.

Армия Конвента отразила на северо-востоке первый грозный натиск армий контрреволюционной коалиции. Навстречу испанской армии по дорогам Прованса и Лангедока зашагали отряды народного ополчения. Мало было у них пороху, еще меньше провианта и одежды. Но над колоннами реяли знамена Вальми и Жемаппа и победно звучала «Марсельеза»:

Смелей вперед, сыны отчизны!
Для нас день славы наступил!

Уже к началу 1794 года испанцы отступали по всему фронту. Вести с театра военных действий становились все печальнее. В мае армия потерпела разгром уже на испанской земле.

Карл IV потрясен таким поворотом событий.

— Эти люди должны быть под покровительством самого сатаны, если могут побеждать меня! — изрекает он, почесывая свой багровый затылок.

На первых порах пытались скрыть от народа военную катастрофу, но число поражений росло. Из оккупированных провинций начали прибывать беженцы, и все стало известным. В стране поднялся ропот.

В Мадриде и Барселоне были раскрыты заговоры, в которых участвовали горожане разных положений и профессий. Заговорщики добивались свержения Годоя, коренного переустройства управления и прежде всего мира с Францией.

Французская революция завоевывала симпатии все более широких кругов испанцев. По улицам Мадрида разгуливали франты в камзолах «а-ла-гильотина», увешанных красными лентами. Повсюду открыто говорили о том, что приход французов положит конец царству «колбасника» [1], как стали в народе называть фаворита Марии-Луизы.

«Нет лавочника, — доносил в это время своему правительству прусский посланник, — который не высказывал бы вслух неудовольствия. Годоя засыпают анонимными письмами, угрожая ему смертью, если он тотчас же не выйдет в отставку».

Годой был ловок и на редкость удачлив. Он сумел благополучно выйти и из затеянной им опасной военной авантюры. Временщик уразумел, что для сохранения его собственной шкуры нужен мир, — возможно скорее и любою ценой. В мае 1795 года он начал в Базеле секретные переговоры с французами.

Неожиданно для Годоя требования Конвента оказались очень умеренными. Одержав полную победу, высший орган республики как будто отказывался от ее плодов. Французы соглашались не вмешиваться во внутренние дела Испании и готовы были очистить занятые их войсками испанские земли. Они требовали лишь возмещения понесенных военных расходов, а также испанскую часть острова Сан-Доминго.

Базельский мир был подписан 22 июля 1795 года. Известие об окончании разорительной войны вызвало по всей стране взрыв восторга.

Королевским рескриптом Годою пожалован был титул Принца Мира. Временщик получил новые поместья близ Гранады с доходом в миллион реалов. Таким образом, даже эта проигранная война послужила к его дальнейшему возвеличению.

---

[1] Родина Годоя, Эстремадура, славилась своими колбасами.

* * *

Французская республика стояла на пороге тяжелого испытания: пришло время померяться силами с могущественнейшим из ее врагов — с Англией. Конвент стремился вербовать друзей всюду, где только возможно. Предоставив Испании столь легкие условия мира, французы рассчитывали привлечь на свою сторону всесильного испанского диктатора. И они не ошиблись в своих расчетах.

В Мадриде появился новый посол Франции — Периньон. Еще недавно этот человек командовал армией, разгромившей испанцев. Теперь он сменил генеральский мундир на фрак дипломата.

В беседах с Годоем Периньон стал на свой лад освещать жгучие вопросы европейской политики. Он показал Принцу Мира, перед каким решающим выбором стоит теперь Испания. Если Годой и впредь будет придерживаться антифранцузской политики, ему придется снова искать защиты от французов в союзе с Англией. Но Испания дорого заплатит за новую дружбу с этой державой: ведь англичане никогда не откажутся от давнего стремления захватить заморские владения Испании.

Дружба Испании с Англией, ее извечным соперником, была бы противоестественным союзом. Но с Англией можно быть только в союзе или же бороться с нею. Дону Мануэлю поэтому не остается ничего другого, как заключить с Францией союз, направленный против Англии.

Таким образом, выбор, перед которым в течение стольких лет отступал в нерешительности Флоридабланка, был сделан Годоем в пользу Франции. Более чем вероятно, что ловкий генерал увлек временщика на этот путь соблазнами новых почестей и обогащения. Как бы то ни было, в августе 1796 года в Сан-Ильдефонсо, под Мадридом, был подписан договор — Испания вступала в оборонительно-наступательный союз с Францией против Англии. Оба государства гарантировали друг другу их владения. Испания обязыва-

лась заставить Португалию закрыть гавани для английских судов.

Этот договор принес Испании неисчислимые бедствия. Он вверг ее в долгую, разорительную войну.

Как только англичане узнали о союзе Испании с Францией, война между недавними союзниками стала неизбежной. Уже в октябре 1796 года начались столкновения на море. Испанский флот был атакован и разбит у мыса Сан-Винсент. Неприятельская эскадра могла теперь безнаказанно блокировать Кадис. Англичане захватили остров Тринидад. Торговля Испании с ее заморскими колониями оказалась парализованной.

С прежней силой вспыхнуло недовольство испанцев временщиком, усыпленное было Базельским миром. Снова стали появляться стихотворные памфлеты, призывавшие к свержению «колбасника».

Дошло до того, что в Совете Кастилии разразился неслыханный скандал. Карл IV зачитал советникам проект закона по шпаргалке, составленной, как обычно, Годоем. И тут ему пришлось выслушать дерзкие слова: «Совету хорошо известно, чье презренное перо написало этот проект. Автор его злоупотребляет священным именем вашего величества. Совет с прискорбием предвидит падение трона. Восстаньте же, ваше величество, от глубокой летаргии, в которую вы уже давно погрузились. Пора вам свергнуть с себя гнетущее вас иго ничтожных развратников».

Недовольны были первым министром Испании и французы. Они не могли добиться от него выполнения договорного обязательства в отношении Португалии. Испания через своего посла в Лиссабоне неоднократно требовала закрытия португальских гаваней для английских кораблей. Но регент Португалии неизменно отклонял эти домогательства. Португальцы хотели жить в мире со страной, державшей их столицу под прицелом орудий своих кораблей.

Хотя Годой обязался перед французами добиться закрытия портов любыми средствами, но прибегнуть к оружию он не решался. Фаворит боялся недовольства короля, на дочери которого был женат регент Португалии.

Временщик неспокоен: его пугает нарастающее негодование народа. Он знает, что нация все с большей ясностью видит в его диктатуре корень всех своих бед. Он мог смирить недовольство при дворе, ему удается отделываться посулами в сношениях с французским послом, но перед народной ненавистью он бессилен.

Годой решает, что пришло время убраться с авансцены. Он настойчиво просит короля отпустить его с поста государственного секретаря. Карл долго упрямится, но в марте 1798 года принимает отставку.

Это ни в какой мере не опала. Годой сохраняет все свои титулы. Он остается при дворе и ежедневно видится с королем и Марией-Луизой. В королевском рескрипте говорится: «Я, Карл IV, король Испании, в высокой степени доволен рвением, любовью и успехом, с которым вы исполняли доверенные вам обязанности. В течение всей моей жизни я буду вам за это бесконечно благодарен».

* * *

Стремительно несется поток событий во Франции. Республика выносит далеко за свои пределы бои с феодальной Европой. Французы повсюду наступают.

Восходит звезда Наполеона. Лоди, Милан, Венеция, египетские пирамиды... К концу 1799 года молодой генерал Бонапарт при поддержке армии поверг к своим ногам Францию. Он — всесильный Первый консул.

Интерес Наполеона к Пиренейскому полуострову все возрастает по мере того, как в его голове созревает план кампании против Англии. Внимательно выслушивает он доклады министра иностранных дел Талейрана о внутренних делах Испании, об интимной жизни ее царствующего дома.

Наполеон умеет использовать в своих интересах и человеческие слабости. Он сразу решает, что Годой будет не последней картой в его игре. Бонапарт шлет герцогу Алькудиа, удалившемуся на время в свои поместья, богатый подарок — драгоценный набор восточ-

ного оружия. Все должны видеть, что Первый консул считает ушедшего министра еще сильным и ищет дружбы с ним.

За Годоем теперь ухаживает посол Франции Люсьен Бонапарт, брат Наполеона. На посла возложена важная задача — понудить испанский двор к выполнению союзного договора в отношении Португалии.

Усиленное давление посла и настояния Годоя, а более всего сокрушительные победы наполеоновской Франции сломили в конце концов сопротивление Карла. Он пошел войной на родную дочь.

Годой получил титул генералиссимуса испанских войск. Во главе 50-тысячной армии, подкрепленной французским корпусом в 15 тысяч человек, вступил он в пределы Португалии.

Португальцы были захвачены врасплох предательским ударом. Уже через три недели после начала военных действий они попросили мира. Португалия обязалась расторгнуть союзный договор с Англией. Для английских военных и торговых судов прекращался доступ в португальские гавани.

* * *

Испанцы чувствительны к воинской доблести. После успехов португальской войны Карл IV счел момент благоприятным для того, чтобы еще раз передать кормило государственного управления в руки своего любимца.

Фаворит принимается грабить Испанию с удесятеренной алчностью. Опустошив казну, он пожирает колониальные доходы. Первый министр выпускает займы, понуждает состоятельные круги подписываться на них и кладет поступающие деньги в собственный карман. Он предусмотрительно помещает «свои средства» в иностранные банки: 40 миллионов реалов в Лондоне, 20 миллионов в Генуе, 10 миллионов в Париже. Не брезгует он и ролью ростовщика. По Испании им роздано под проценты не меньше 20 миллионов реалов.

Но главные богатства Годоя не в деньгах. Его земли, дворцы, замки, драгоценности, картины трудно и оценить. Сведущие люди определяли его состояние в полмиллиарда реалов.

* * *

Амьенский мир, заключенный между Англией и Францией в начале 1802 года, оказался лишь кратковременным перемирием. Уже в 1803 году военные столкновения возобновились с пущей силой.

Правители Испании решили на этот раз любой ценой добиться нейтралитета. Но это противоречило договору в Сан-Ильдефонсо. Взбешенный таким вероломством, Наполеон решил свалить самонадеянного испанского диктатора. Он поручил своему послу в Мадриде передать из рук в руки конфиденциальное письмо королю. Отбросив дипломатический этикет, Бонапарт разоблачал роль Годоя при дворе и его отношения с королевой.

Наполеон не мог, однако, предвидеть всей ловкости фаворита — у того были шпионы и во французском посольстве. Королева узнала от Годоя о грозящей им обоим беде. Она внушила Карлу, что Наполеон хочет рассорить его с Мануэлем.

Когда посол на аудиенции протянул королю личное письмо Первого консула, тот вернул его со словами:

— Наши отношения улажены договором. Поэтому нет нужды, чтобы я читал это письмо. Я даже уверен, будет предпочтительнее, чтобы я не читал его.

На этот раз Годой испугался не на шутку. В тот же день он заявил французскому послу, что Испания будет точно следовать условиям договора.

Но Бонапарт предъявил ряд новых требований — в сущности, это были приказы, подкрепленные угрозами. Он уведомлял Годоя, что у самой границы, в Байонне, сконцентрирована армия, которая вступит в Испанию в случае повторного невыполнения Карлом договорных обязательств. Эта же армия займет Португалию, если та не будет придерживаться дружествен-

ного Франции нейтралитета. Наполеон соглашался на нейтралитет Испании, но налагал на нее большую контрибуцию. Испания должна была открыть свои гавани для французских судов.

Кроме того, Бонапарт требовал, чтобы мадридским газетам запрещено было печатать направленные против Франции статьи, а также чтобы были немедленно заменены все враждебные ему капитан-генералы испанских провинций.

Эти условия были крайне тяжелы. Более того, они оскорбляли национальное достоинство Испании. Наполеон распоряжался союзной страной, как завоеванной территорией. Но Годоя заботила лишь его собственная судьба, и он безропотно подчинился.

Выполнение предписаний Первого консула неизбежно приводило к войне с Англией. Когда французские военные суда зашли в испанские гавани, английский премьер Питт ультимативно потребовал, чтобы их немедленно изгнали оттуда. Он настаивал также на гарантии недопущения прохода французских войск через Испанию.

Испания оказалась между молотом и наковальней. Годой не смог ответить англичанам сколько-нибудь удовлетворительно на их требования — и тотчас последовали репрессивные меры. Английские каперы начали топить испанские торговые суда и захватили фрегаты с золотом из американских колоний Испании. Теперь Карлу ничего не оставалось, как самому объявить войну Англии.

Наполеон, ставший императором французов, предложил своим союзникам-испанцам смелый стратегический план: объединенная франко-испанская эскадра нападет на английские владения в Америке, чтобы отвлечь туда британский флот, а тем временем французская десантная армия беспрепятственно переправится через Ламанш и овладеет британскими островами.

Попытка осуществления этого плана привела к катастрофе. В октябре 1805 года союзная франко-испанская эскадра потерпела полный разгром в морском бою у испанского мыса Трафальгар.

Англичане надолго прогнали с морских путей французов вместе с испанцами.

Сокрушительное поражение французского флота при Трафальгаре ободрило всех старых врагов Франции. Они решили снова померяться силами с Наполеоном. В 1806 году против Франции объединились Англия, Россия, Пруссия и Саксония. Новая коалиция делала секретные предложения и испанскому двору.

Годой воспрянул духом: наступило, наконец, время вырваться из объятий тиранического союзника. Но на открытый переход на сторону коалиции он никак не мог решиться: нетрудно ведь и просчитаться. А в отношении такого врага, как император французов, ошибка могла стоить головы.

Первый министр избрал путь извилистый и очень уж хитрый. В начале октября 1806 года на стенах Мадрида появилась «прокламация к испанскому народу». В напыщенных и туманных выражениях Годой призывал народ подняться. «Придите, любезные соотечественники, поклясться на знаменах благодетельнейшего из монархов. Придите, и я покрою вас мантией благодарности, исполню то, что теперь вам обещаю, если бог дарует нам такой счастливый и продолжительный мир, какого мы просим».

Читая воззвание, «любезные соотечественники» диву давались — против кого это должна восстать испанская нация?

Наполеону передали прокламацию Годоя через несколько дней после его триумфа при Иене, где он наголову разбил пруссаков. Для Бонапарта не было сомнений в подлинных намерениях автора прокламации.

Попавший впросак Принц Мира напрасно стал засыпать императора поздравлениями по случаю победы его армии, тщетно пытаясь выдать свою прокламацию за противоанглийскую. Мера терпения Наполеона переполнилась. Он решил разрубить испанский узел.

Новый властелин Европы ненавидел Бурбонов. Созданная им Французская империя построена была

в значительной части из былых владений этого дома. И пока хотя бы в одной из стран Европы на троне восседает отпрыск Бурбонов, император Франции будет неизменно наталкиваться на его враждебную политику.

Что, говорил он, представляют собой испанцы? Управляемый прогнившей насквозь династией, погруженный в невежество народ весь во власти средневековых суеверий, инквизиции. А Испания? Испании нет — она вся в прошлом. Чтобы возродить ее, нужны новые правители, которые перестроили бы страну от фундамента до кровли.

Наполеон стал подумывать о присоединении Испании к своим владениям. Это должно быть вассальное королевство с просвещенным, преданным ему королем или даже попросту провинция Франции.

III

ЮНЫЙ РИЭГО

— Ну-ка, Риэго, посрами этих безмозглых телят, докажи, что ты знаешь историю своей страны. От стола, за которым сидят два десятка ребят, отделяется мальчик лет одиннадцати. Он подходит к длинному как жердь священнику, стоящему у окна. Следует поклон. Затем ученик взбирается на кафедру.

— Ну же, Рафаэлито!

Падре нацеливает на мальчика толстые стекла очков.

— Я был с отцом в пещере и...

— Ты ответь на вопрос, откуда пошла слава Астурии, матери всей Испании.

Мальчик самолюбив. Его волнует сосредоточенное на нем внимание сверстников и отца Хулиана. Нервно щурятся большие серые глаза, вздрагивают ноздри прямого, своевольно поднятого кверху носа.

— Стойкость астурийского народа спасла от гибели Испанию. Наша Астурия дала пример, как следует бороться с завоевателями при помощи... владея...

— Так, Рафаэлито... бороться с завоевателями гордым духом, мужественной преданностью и энергичной волей.

— Да, да... мужественным духом, гордой волей...

Память Рафаэля не может удержать этих слов, таких красивых и так легко ускользающих, словно угри, которых он ловил вчера в Налоне. Кое-как справившись с обязательным ораторским вступлением, Рафаэль может перейти к части урока, более близкой его сердцу:

— Недалеко от Овьедо есть горы Вердойонта и Ансена. К ним тысячу лет назад сбежались со всех концов Испании разбитые маврами воины. Астурийцы с радостью приняли Пелайо и всех других христиан, спасшихся от меча арабов. Пелайо укрылся в пещере Ансена... Когда я зашел туда с отцом, отец держал в руках...

— Это после, это не имеет отношения к делу!

Отец Хулиан сегодня строг. Мальчик, сбитый с толку, умолк. Но он так ярко видит то, о чем надо рассказать, что через мгновение слова сами срываются с обиженно поджатых губ:

— Пелайо спрятался в пещере и с ним многие князья и воины, которые спаслись от мавров. Они стали кричать... и требовать, чтобы он немедля повел их в бой. Кучка христианских храбрецов налетела сверху на полчища мавров, которые забрались в горы. Они встретились в узкой... вот в такой... теснине, в которой я... в которой они дрались так отчаянно, что испугали мавров своим безумством...

— Беззаветным мужеством!

— ...беззаветным мужеством. Арабы бросились наутек...

Отец Хулиан неодобрительно покачал головой: в героическом рассказе — такое грубое слово!

— ...и оставили всю Астурию христианам, которые спаслись. Астурия сделалась с тех пор крепостью для всех, кто пошел за Пелайо, за пастухом, который стал первым королем... который сумел победить арабов и...

Рафаэль споткнулся. Учитель подсказал:

— И спас светильник веры!

Вот из-за этих несуразных, не относящихся к делу слов Рафаэль вновь потерял нить рассказа. Какую такую лампу спас Пелайо? Но он хорошо помнит, что сразу же после этой лампы надо перейти к ораторскому заключению. Это самая предательская часть урока — ряд непонятных, вызубренных в классе выражений.

— Так, поспешествуя делу вселенской апостольской римско-католической церкви, Астурия промыслила победу, вниз посланную...

— Ниспосланную! Ты, Риэго, уже второй раз перевираешь это слово!

— ...победу, вниз посланную...

— Садись, упрямец, и напиши сто раз «нис-посланный»!

Рафаэль сконфуженный плетется на свое место. Он сильно огорчен неудачей. Но когда отец Хулиан отворачивается на минутку, мальчик ко всеобщему удовольствию показывает ему язык и строит страшную рожу.

* * *

Рафаэль дель Риэго-и-Нуньес родился 3 апреля 1784 года.

Отец его дон Эухенио, мелкопоместный дворянин, в молодости жил на Канарских островах. Там, под раскаленным солнцем, среди очарований тропиков, Эухенио Риэго навещала муза поэзии. Его стихи ценились в узком кругу любителей классического стиля. Строфы, не лишенные старомодной грации, полны были нравоучений и несколько напыщенного идеализма. В рифмованных своих излияниях дон Эухенио осуждал лицемерие, ложь, эгоизм и интригу и звал к жизни простой и чистой.

Нередко дон Эухенио оставлял Канарские острова ради родной Астурии. Здесь на протяжении веков проживали его предки, родовитые дворяне, чопорные и нетерпимые, ревностно оберегавшие свое доброе имя и католическую веру. Дед его достиг поста губернато-

ра Астурии. Много было в роду монахов и монахинь, настоятелей собора и профессоров университета.

В одну из поездок в Астурию Эухенио дель Риэго женился на дворянской девице Тересе Флорес Вальдес. Он надолго осел в деревне Тунья. Молодая супруга принесла ему в приданое старинный дом астурийских гидальго с огромным каменным гербом над дверью. С годами в доме появились Хосефа, Хоакин, Рафаэль, Хосе, Мигель, Франсиско, Габриэла и Мариа — шумливый выводок маленьких Риэго.

Детство Рафаэля протекало счастливо. Мать его, ласковая, тихая женщина, всю свою жизнь посвятила заботам о детворе и муже. Когда дети подросли немного, семья переехала в Овьедо: дон Эухенио получил должность начальника почты.

Семья жила безбедно. Дон Эухенио купил загородный дом в горной деревушке Тинео, где Риэго обычно проводили долгое жаркое лето.

Вместе с городским платьем дон Эухенио сбрасывал с себя привычную чопорность чиновника. Вооружившись суковатой палкой, в длинном пастушеском плаще и берете, он предавался своей страсти—скитаниям по горам. Его часто сопровождал Рафаэль.

Добрый, смышленый мальчик, живой и грациозный — любимец отца. «Рафаэлю-другу» посвятит дон Эухенио плоды многих своих поэтических вдохновений.

Дон Эухенио увлекался учением Руссо и был сторонником естественного воспитания. Он стремился развить ум Рафаэля «живым общением с натурой». Уводя с собой мальчика в горы, учил его распознавать травы, насекомых, ориентироваться по тени, по звездам.

Путники склонялись к каждому ручью, заходили в каждый встречавшийся им грот. Углубляясь дальше к югу, они поднимались все выше, пока не добирались до величественной гряды Кантабрийских Пиренеев, вонзавших в небо свои пирамидальные, покрытые снегом вершины.

Странствуя по холмистой астурийской земле, юный Рафаэль приобщался к жизни родного племени, учился старинному «бабле» горцев — астурийскому наречию. Словечками из этого простонародного говора он

любил пересыпать свою речь к великому негодованию школьных учителей.

Достаточно взглянуть на Рафаэля, чтобы признать в нем сына Астурии. Он высок, строен, тонок в талии. Все движения, поступь сильны и плавны — это типичный горец. Круглая голова, мягкие линии лица — весь его облик характерен для астурийцев да еще их соседей басков.

Когда старый, седой Риэго и его подросток-сын, укутанные в грубые плащи, расположившись у обочины горной дороги, подкрепляли свои силы кукурузными лепешками с овечьим сыром и запивали скромную трапезу кислым яблочным вином, эту сцену можно было бы перенести во времена седой древности, за две тысячи лет назад. Но стоило прислушаться к их разговору, чтобы иллюзия пропала: отец с сыном вели беседу о Французской революции.

* * *

Великая драма, которая разыгрывалась по ту сторону Пиренеев, для старого Риэго была полна животрепещущего интереса. Подрастающих сыновей дон Эухенио мало-помалу посвящал в свои «крамольные мысли», навеянные Французской революцией.

— Да, сын мой, придет время — наш народ повесит эстремадурского колбасника и всех его приспешников! После этого нужно будет нам перестроить Испанию. Но как? Вот ведь даже французы не сумели удержать у себя республику... Я бы уж примирился хоть с Наполеоном, да только со своим.

— Что ж, отец, разве среди наших королей не было равных Наполеону? Ведь Испания некогда повелевала половиной мира!

— Скажу тебе, Рафаэлито, что в годы, когда почти весь свет принадлежал Карлу I, испанцам жилось очень трудно. Нам нужна не пустая военная слава, а лучшая жизнь для народа. Кто знает, может быть, среди детей безвольного Карла и найдется достойный принц, который встряхнет нацию, даст людям то, что принадлежит им по праву...

— А что же самим испанцам делать, чтобы у нас установились справедливые порядки? Ждать, пока появится мудрый король?.. — Рафаэль с сомнением смотрит на отца. — Или нашему народу следует поступить с Карлом так, как они поступили со своим Людовиком?

— Я, мой мальчик, не потерял веры в нашу старую Испанию! Испанцы будут жить — с Бурбонами или без них. Короли уходят, а народ и страна остаются... Знаешь ли ты, что депутаты французов объявили всех людей равными от колыбели? Ты вот дворянин, но у последнего пастуха в Кантабрийской сьерре не меньше прав на жизнь и счастье, чем у тебя. Если ты поймешь это хорошенько, все твое будущее станет ясным, как майское утро.

Такие беседы, пусть и лишенные стержня, сильно будоражили юношу и рано развили в нем интерес к политической жизни родины. Они сыграли немалую роль и при выборе Рафаэлем жизненного пути. Шестнадцати лет закончил он городскую школу. Послать его в университет многодетной семье было не по средствам. Выбор оставался небольшой: идти в армию или надеть сутану.

Рафаэль избрал военную службу. Ему казалось, что в рядах армии он сможет быть полезным родине, когда, как говорил отец, «пробьет час решения ее судеб».

IV

ГАДЕНЫШ

Тщедушного своего сына Фердинанда, родившегося в 1784 году, Мария-Луиза не любила с его младенческих лет.

Все помыслы королевы устремлены были в то время на устройство карьеры любовника. Своего ничтожного супруга она крепко прибрала к рукам, и с этой

стороны нечего было опасаться. Но рос наследник трона. Не вздумает ли он со временем вмешиваться в их дела?..

Королева и фаворит решили отгородить мальчика от двора глухой стеной. Для Фернандо были созданы строгие, поистине тюремные условия жизни.

Среди преданных ему людей Годой тщательно подбирал воспитателей для инфанта. Главная задача гувернеров и учителей — привить принцу чувство покорности, трепетного преклонения перед всемогущим доном Мануэлем.

Характер у инфанта ничтожный. Пойманный на какой-нибудь проделке, он нелепо лжет, отпирается, несмотря на явную вину. Перед угрозой наказания трусливо дрожит, плачет. Зато, когда может незаметно причинить кому-нибудь боль, он делает это с отталкивающей жестокостью. У него хранится целый арсенал предательских орудий: булавок, осколков стекла.

Изо дня в день мальчик испытывал на себе злобу матери, равнодушие отца, терпел бесконечные придирки гувернеров — и сжимался в комок. Когда случалось ему выходить из своих комнат, он словно попадал на вражескую территорию. Принц Астурийский крался по коридорам дворца, тесно прижавшись к стене, втянув голову в плечи, будто ожидал удара. Заслышав шаги, вздрагивал. Черные, как сливы, глаза мгновенно потухали, инстинктивно поджималась сильно выступающая, бурбонская, нижняя губа.

В выборе воспитателей для своего узника Годой ошибся один лишь раз, но это была тяжелая ошибка. Он приставил к Фердинанду каноника Хуана Эскоикиса. Каноник оказался человеком способным, смелым и предприимчивым. Крепко поразмыслив, взвесив все «за» и «против», он решил поставить свое будущее на карту инфанта.

Эскоикису нетрудно было разжечь в юноше острую ненависть к его тюремщику и к бессердечной матери. Каноник не утаил от инфанта и народных толков о пленении «беззащитного наследника трона». Испан-

цы, уверял он, ждут не дождутся часа, когда возмужавший принц Астурийский освободит их от ига презренного временщика.

* * *

Фердинанду исполнилось восемнадцать лет, когда его женили на дочери неаполитанского короля Марии-Антонии. Энергичная молодая женщина поставила себе целью покончить с унизительным положением мужа.

Фрондирующие против временщика придворные образовали маленький двор инфанта. Нетерпеливый Эскоикис толкал их на открытое возмущение.

Но от глаз Годоя ничто не могло укрыться, и он вовремя принял надлежащие меры: Эскоикис был выслан в Толедо.

В 1806 году, после четырех лет замужества, Мария-Антония внезапно скончалась. Через некоторое время после ее смерти покончил самоубийством придворный аптекарь. При дворе шептались, что принцесса отравлена.

Годой задумал женить овдовевшего Фердинанда на сестре своей жены, принцессы Марии-Тересы. Этот брак связал бы наследного принца по рукам и ногам.

Эскоикис, извещенный друзьями Фердинанда о коварном плане, в октябре 1807 года бежит из Толедо и переодетый пробирается в Мадрид.

Каноник добивается тайного свидания с новым французским послом Богарнэ. Он просит передать Наполеону о горячем желании принца Астурийского вступить в брак с одной из принцесс дома Бонапарта.

Эскоикису удается проникнуть и к Фердинанду. Каноник диктует принцу длинное письмо к Наполеону. Инфант просит «героя, посланного самим провидением, чтобы спасти Европу от анархии», отдать ему руку какой-либо из его родственниц.

Письмо принца — не только просьба об установлении родственных отношений. Оно доносит Наполеону о неурядицах в королевской семье и просит императора — правда, очень глухо — вмешаться.

Об этом послании стало известно Годою. Прежде чем император французов получил его, в Париж уже прибыл курьер с собственноручным письмом короля. Карл IV жаловался на нелояльные действия французского посла и предупреждал императора об интригах недостойного инфанта.

Можно себе представить, как обрадовался этим двум письмам корсиканец. Для его испанских планов семейные раздоры мадридских Бурбонов были бесценным кладом: династия сама давалась ему в руки.

* * *

Неутомимый Эскоикис замышляет и дворцовый переворот. В группу заговорщиков входят богатейший герцог Инфантадо, которого Годой лишил всех придворных должностей, гранды Оргас, Севальос, Сан-Карлос.

При новом свидании с принцем Астурийским каноник уговаривает его пойти напролом:

— Ваше высочество, время размышлять и колебаться прошло! Вы имеете сейчас за собой большинство испанского народа. За вас и святая церковь. При дворе многие открыто выражают свое недовольство Годоем. Еще больше у него тайных врагов. Я уверен, что и французский император будет рад избавиться от него.

И Эскоикис излагает свой план. Он составил записку, в которой ярко изобразил беды Испании, порабощенной временщиком. Фердинанд войдет ночью в спальню отца, прочтет перед ним эту записку и потребует немедленного смещения Годоя. Если бы король остался глух к его доводам, принц должен впустить в спальню своих сообщников...

— Нет, нет, нет!..

Фердинанд в ужасе отталкивает протянутую ему записку. Эскоикис спешит его успокоить:

— Ваше высочество, ни один волос не упадет с головы августейшего монарха! Гранды Испании должны всего лишь принудить государя подписать отставку узурпатору.

— А если король не согласится?.. Ведь сразу всё узнает дон Мануэль!

Каноник видит, что ему не удастся подтолкнуть Фердинанда на смелый шаг.

Эскоикису приходит в голову новая мысль:

— Следует подумать о будущем. Ваш августейший отец не так уж молод. Господь может призвать его к себе... Принц Мира, будучи начальником гвардии, воспользуется преимуществом своего положения, чтобы объявить вас нуждающимся в опеке и назначить себя регентом королевства. Нужны будут быстрые и решительные действия!

Каноник тут же пишет приказ о назначении герцога Инфантадо начальником гвардии, Севальоса, Оргаса, Сан-Карлоса — на другие доверительные посты.

Он просит Фердинанда подписать. Принц колеблется, упирается: он ненавидит риск, боится провала, мести Годоя. Но бывший воспитатель знает, как воздействовать на его слабую волю:

— Вашему высочеству нет оснований так тревожиться. Это ведь не опасно... На всякий случай... на будущее.

После долгих уговоров дрожащая рука принца выводит: «Я, король Фернандо». Даты на приказе нет: он будет помечен днем смерти Карла IV.

* * *

Несмотря на все предосторожности, принятые Эскоикисом и принцем, — секретные места свиданий, пароли, шифры, — всеведущий Годой узнал о заговоре и поспешил сообщить о нем королю. Он представил Карлу все дело как подготовку к захвату короны и к убийству королевы.

Среди ночи у дворца выстраивается отряд гвардии. При свете факелов, гремя оружием, гвардейцы входят в крыло Эскориала, занимаемое наследным принцем. Во главе их сам король.

С трудом отыскав сына, забившегося в дальний угол гардеробной, Карл требует у принца шпагу, объявляет

ему об аресте и приказывает отвести его в комнату, обращенную во временную тюрьму.

В апартаментах принца собрались вызванные сюда министры. В их присутствии производят обыск.

Находят злосчастный недатированный приказ: «Я, король Фернандо...» Лучшего доказательства подготовлявшегося переворота Карлу не надо.

В ту же ночь конца октября 1807 года Карл IV пишет Наполеону: «Государь и брат! Как раз в это время, когда я занимался разработкой мероприятий для совместных с вами действий, я с ужасом узнал, что коварный дух интриги проник в лоно моей семьи... Мой старший сын, наследный принц, задался чудовищной целью свергнуть меня с трона. Он дошел до того, что замыслил лишить жизни свою мать. Такое неслыханное преступление должно быть наказано со всей строгостью. Закон, объявивший его наследником престола, будет отменен. Я уверен, что вы придете мне на помощь своими соображениями и советами».

Уже назавтра после ареста сына Карл обнародовал декрет о лишении Фердинанда права наследования трона.

К инфанту явился один из министров, посланник Годоя.

— Ваше высочество, если вам дорога жизнь, вы должны раскрыть королю все подробности заговора и выдать всех его участников.

Измученный бессонницей, хныча и захлебываясь, Фердинанд назвал имена всех причастных к затее, передал все разговоры с каноником и, сверх того, отдал не найденную при аресте записку Эскоикиса.

И, наконец, принц предстал перед дворцовым судом. Его допрашивали король, королева, Годой, министры, председатель Совета Кастилии.

Когда Фердинанда увели из зала суда в тюрьму, к нему пожаловал сам Принц Мира. Со слезами бросился Фердинанд к Годою на шею и стал молить заступиться за него перед родителями.

Состряпанная фаворитом трагикомедия уже пришла к нужной развязке. Годой обещает Фердинанду добиться для него полного прощения.

Не колеблясь больше, принц написал под диктовку нежданного благодетеля покаянное письмо к матери, униженно выпрашивал милости пасть к родительским ногам.

Разыгралась неподражаемая сцена примирения «изверга-сына» с «великодушными» родителями. По этому случаю Годой сочинил манифест короля к народу. Испанцам сообщалось о том, что голос природы превозмог возмущенные чувства короля, что монарх внял мольбам дорогой супруги и простил заблудшего сына.

Население столицы с неописуемой тревогой следило за всеми подробностями происходивших при дворе событий. Оно стояло безраздельно на стороне Фердинанда. В народном воображении принц был единственным честным и мужественным человеком в выродившейся, погрязшей в мерзости и разврате династии.

V

ЛЕВ В ЛИСЬЕЙ ШКУРЕ

Летом 1807 года после победы у Фридланда Наполеон стал теснить войска Александра I на восток, к берегам Немана. У этого рубежа он остановился. Углубляться в дебри литовских лесов не входило в его планы — слишком много недовершенных дел оставалось за спиною. Поэтому он с большой готовностью принял предложение русского самодержца о свидании.

В Тильзите Бонапарт пришел с Александром к соглашению о разделе между ними власти над Европой. Царь будет управлять Востоком, а Наполеон — Западом.

При вторичном свидании французский император открыл царю свои намерения в отношении Испании и не встретил возражений. В секретных статьях Тиль-

зитского соглашения среди множества других пунктов, менявших лицо Европы, был и такой, который гласил, что «Бурбонская и Браганская [1] династии на Пиренейском полуострове будут заменены принцами из семьи Наполеона».

После Тильзита Талейран не раз пытался узнать, как император собирается претворить в жизнь пиренейский пункт соглашения. Наполеон отделывался загадочными улыбками. Но однажды, в минуту откровенности, он сказал своему министру:

— Я умею, когда это полезно, сменить шкуру льва на лисью.

Осенью того же года Бонапарт передал Годою предложение направить во Францию особо доверенное лицо для ведения совершенно секретных переговоров — втайне даже от испанского посла.

Уже 22 октября в Фонтенебло под Парижем был подписан договор между Францией и Испанией о разделе Португалии. Эта независимая страна подвергалась разделу на три части. Северная часть должна стать владением изгнанного Наполеоном из Италии герцога Пармского, брата Марии-Луизы. Среднюю часть оккупируют союзные франко-испанские войска впредь до заключения общего мира, когда Наполеон и Карл совместно решат ее участь.

А как же договорились распорядиться южной частью Португалии? Император французов объявлял ее независимым владетельным княжеством Альгарва и отдавал новое княжество Годою. Это была плата за то, что Принц Мира вырвет у своего монарха согласие на изгнание из Португалии родственной Карлу династии.

Испанскому диктатору, все еще опасавшемуся мести Наполеона за злополучную прокламацию, вдруг привалило нежданное счастье: владыка Европы возлагал на его голову корону.

К подписанному договору присовокуплялось небольшое, с виду чисто техническое приложение. В нем

---

[1] Бурбонская династия владела Испанией, Браганская — Португалией.

оговорено было право Франции свободно вводить войска на территорию Испании для содействия осуществлению принятых сторонами решений.

Наполеон заранее сосредоточил несколько дивизий у Пиренеев. Сразу же после подписания Карлом IV соглашения он двинул свои силы через испанскую границу.

Армия маршала Жюно форсированным маршем проследовала через северо-западные области Испании в сторону Португалии. Маршалу был дан приказ захватить принцев Португальской династии.

Претерпевая всяческие лишения, преодолевая сопротивление португальцев, 20-тысячная французская армия совершала большие переходы по трудной горной местности. Когда Жюно пробился к португальскому побережью, к Опорто, он увидел готовые скрыться за горизонтом суда. Это уплывал в Бразилию весь дом Браганса вместе с португальской знатью.

Однако в Испанию вошла не одна только армия Жюно. Из-за восточного края Пиренеев вдоль средиземноморского берега в страну был переброшен корпус Дюшена, части которого располагались в городах и крепостях Каталонии. Другая 20-тысячная армия под командой любимца Наполеона генерала Дюпона и маршала Монсея взяла направление прямо на Мадрид.

Французские войска занимали испанские провинции без единого выстрела, без какого-либо проявления недовольства со стороны населения. Трудно себе представить, что испанцы могли так относиться к вступившим на их землю вооруженным чужеземцам. Между тем все предшествовавшие события подготовили именно такую встречу. Сторонники Фердинанда устами сотен тысяч церковников заверяли народ в дружественных намерениях французов и предвещали близкое провозглашение Фердинанда королем Испании.

Но Принцу Мира вторжение французов раскрывало глаза на нечестную игру императора. Наполеон больше не вспоминал об его, Годоя, португальском княжестве. Временщик пишет своему представителю при французском дворе: «Я в великом ужасе. Договора больше

нет! Королевство полно французских войск. Что будет в результате всего этого?»

Наполеон постепенно раскрывает свои карты. Он вскоре передает Карлу IV требование — уступить французам весь север Испании, до реки Эбро: «Вследствие опасного положения в Европе этого требуют жизненные интересы Франции». Неслыханное домогательство со стороны союзника! Но Карл и Годой выполняют его безропотно: не смеют протестовать.

Король, королева и фаворит чувствуют себя в эти дни как на готовой взорваться пороховой бочке.

* * *

Бегство — единственное, что остается обанкротившимся королям.

Годой настаивает на том, чтобы королевская семья немедля направилась в Кадис, а оттуда морем в американские колонии. Карл и Мария-Луиза льют горючие слезы в объятиях своего верного слуги. Да, да, прочь из Испании, подальше от неблагодарного народа и от коварного союзника! Нельзя терять ни минуты!

Никто, кроме нескольких особо доверенных лиц, не должен знать об этом плане. Из осторожности не сообщают о нем до последней минуты и Фердинанду. Чтобы скрыть от подданных свой малоцарственный поступок, король объявляет о временном переезде двора на юг Испании, в Севилью. В действительности же королевская семья вместе со свитой, не доезжая Севильи, должна повернуть в сторону близлежащего Кадиса, чтобы там сесть на суда.

Министр юстиции Кавальеро возражает против плана Годоя. Он считает, что бегство преждевременно и трудноосуществимо. Если народ дознается о подлинной цели этой «поездки в Севилью», могут произойти нежелательные события. Однако Годой, пользуясь властью генералиссимуса, стягивает войска к Аранхуэсу, где находится королевская семья, велит расставить воинские караулы вдоль дорог, по которым предполагается проследовать к югу. В Кадисе уже стоят суда,

готовые поднять паруса по прибытии туда коронованных беглецов.

Но Кавальеро — тайный сторонник Фердинанда. Он предупредил партию инфанта о готовящемся бегстве. Немедленно священники и монахи всполошили окрестное население. В аллеях Аранхуэса расположились тысячи крестьян, вооруженных дрекольем. Они силой помешают отъезду своих государей:

— Место испанских королей не в Мексике, а в Мадриде!.. Пусть колбасник сам сожрет изготовленное им блюдо!

При каждом появлении Фердинанда на дворцовом балконе толпа испускает восторженные крики.

Подзадоренный бурными проявлениями народного обожания, принц заявил родителям, что не последует за ними и останется в Испании.

Пока во дворце стараются уговорить Фердинанда, события развиваются совсем не так, как предполагал Годой.

Уже давно шло брожение в войсках. 18 марта 1808 года гвардейские роты присоединились к толпе, манифестировавшей перед окнами инфанта.

Партия Фердинанда поднимает голову. По наущению ее агентов солдаты оцепили тесным кольцом дворец Годоя, расположенный напротив королевского дворца.

Временщику едва удалось ускользнуть из рук бунтовщиков: он зарылся в кучу разного хлама, наваленного на чердаке.

Полтора суток пробыл Принц Мира в таком жалком положении. Не выдержав, наконец, мучившей его жажды, он решился осторожно спуститься вниз по лестнице. В протянутой руке был зажат кошелек, полный золота. Внизу стоял часовой.

— Все это — за глоток воды... — прохрипел поверженный диктатор.

Солдат швырнул кошелек наземь:

— Сюда! Ко мне! Я держу колбасника!

Со всех сторон сбежались солдаты, крестьяне...

Крики о поимке Годоя достигли ушей Карла и Марии-Луизы. Они стали слезно молить Фердинан-

да заступиться за их любимца. За его спасение они предлагали сыну хорошую цену — корону Испании.

Фердинанд с несколькими гвардейцами бросился в гущу разъяренного народа:

— Отдайте его мне! Годой не убежит от суда!

Растерзанный, трепещущий от страха, Годой валяется в грязи. Фердинанд пинает его ногой:

— Дарую тебе жизнь!

Принца Мира заточают в маленькой каморке в подвале королевского дворца.

* * *

Даже тупице Карлу IV стало ясно, что при создавшемся положении ему остается лишь отказаться от власти.

Карл подписал свое отречение в пользу «возлюбленного нашего сына Фернандо, принца Астурийского». Народ встретил отречение ликующими кликами.

Как из рога изобилия посыпались воззвания Фердинанда к испанцам, полные нежных чувств и щедрых посулов.

Все происходившее в Аранхуэсе как нельзя более отвечало видам Наполеона. Он спешно направил на полуостров маршала Мюрата, назначив его главнокомандующим французскими войсками в Испании. Мюрат должен был возможно скорее достигнуть Мадрида и взять в свои руки все нити дворцовых интриг.

Мюрат стремительно двигался вперед. В сопровождении лишь штаба и небольшого кавалерийского отряда он почти незамеченным въехал в испанскую столицу: население города поглощено было приготовлениями к предстоящей на другой день встрече нового короля.

24 марта Фердинанд торжественно вступил в Мадрид. Это дало повод к шумным проявлениям народной радости. Мадридцы неистовствовали: расстилали свои плащи под ноги королевскому коню, лобызали колена «Желанного».

* * *

Еще не умолкли на площадях Мадрида приветственные крики, когда Карл IV, поддавшись внушениям Мюрата, объявил свое отречение вынужденным. Трон, утверждал он, был насильственно захвачен Фердинандом.

Мюрат с первой же встречи показывает Фердинанду, что не считает его законным королем Испании. Прямолинейный, грубый солдафон даже перехватывает через край. Он отказывает Фердинанду в почестях, обязательных в отношении любого члена королевского дома, — позволяет себе сидеть в его присутствии, при обращении к нему опускает королевский титул.

Гранды возмущены. Фердинанд трусит. Не значит ли все это, что Мюрат поддерживает претензии его отца, требующего обратно «похищенный у него трон»?

Враждующие стороны засыпают Наполеона просьбами о вмешательстве. Он неизменно отвечает, что не намерен вторгаться в домашние дела испанской династии, однако в ближайшее время рассчитывает посетить Мадрид и постарается уладить на месте спор между отцом и сыном.

* * *

Бонапарт и не помышлял о путешествии в Испанию. Это была лишь новая импровизация все той же лисьей политики. Наполеон посылает в испанскую столицу генерала Савари со специальной, весьма щекотливой миссией: обманным путем завлечь Фердинанда и всю королевскую семью на французскую территорию, в Байонну. Он говорит Савари:

— Если мне не удастся уладить дело так, как я того хочу, я смету их обоих. Я соберу кортесы и доведу дело Людовика XIV до конца. Я приготовился к этому и скоро выеду в Байонну. В Мадрид я отправлюсь только в самом крайнем случае, если это окажется неизбежным.

Савари действовал в Мадриде много тоньше и дипломатичнее рубаки Мюрата. Он стал всячески обхаживать молодого короля, заверял его в дружеских чув-

ствах Наполеона. Фердинанд сможет убедиться в этом и сам при предстоящем в ближайшие дни личном свидании с императором, который спешит теперь из Байонны в Мадрид.

В это время Наполеон прибыл из Парижа в Байонну — французский город у самой границы, и остановился здесь, словно бы на пути в Мадрид.

Фердинанд намеревался встретить «своего покровителя и друга» с пышностью и великолепием, достойными покорителя Европы.

Он выслал к границе навстречу гостю трех именитейших грандов. К великому удивлению посланцев, они на своем пути по занятой французскими войсками территории не видели никаких приготовлений к предстоящему проезду императора.

Бонапарт все не едет. Фердинандом овладевает смутная тревога. Он не может скрыть ее от Савари. Тут генерал впадает в пафос:

— Пусть моя жизнь будет залогом того, что император выполнит все свои обещания! Его слово нерушимо, как гибралтарская скала!

Характер у Фердинанда слабый, и заверения Савари действуют неотразимо. Тревога сменяется новым приливом доверия. Чтобы сократить томительное ожидание, он решает сам выехать навстречу Наполеону.

* * *

В начале апреля молодой король в сопровождении Савари отправляется в Бургос, надеясь застать там императора. В столице он оставляет Хунту[1] под председательством своего дяди дона Антонио.

Мадридцы встретили весть об отъезде короля с тревогой и подозрением. Что все это значит?! Жители столицы шепчутся между собой. Они смотрят с нескрываемой враждебностью на расставленные по городским перекресткам пикеты французских гренадер.

Наполеона в Бургосе не было. Не было его и в рас-

---

[1] Хунта — союз, в данном случае — временное управление.

положенной близко от границы Витории, куда переехал затем Фердинанд со своим двором на колесах. Савари притворился крайне изумленным и заявил, что едет к императору выяснить положение.

В городе стоял сильный французский гарнизон. Покидая Виторию, Савари отдал распоряжение командующему ни в коем случае не допускать отъезда Фердинанда обратно в Мадрид.

Мышеловка была захлопнута.

18 апреля Савари привез в Виторию письмо от Наполеона.

Свое длинное послание Фердинанду император французов составил в двусмысленных, туманных выражениях. Он «не берется быть судьею в споре между отцом и сыном», но предостерегает Фердинанда от намерения предать суду Годоя. «Можно ли привлечь к суду Принца Мира, не затронув королевы и короля, вашего отца? Этот процесс вызовет ненависть и поддержит мятежные страсти, что будет пагубно для вашей короны». Права Фердинанда на трон он соглашается признать лишь условно: «Если отречение короля Карла добровольно, если оно не вынуждено бунтом в Аранхуэсе, то я не препятствую ему и готов признать вас королем Испании».

Все эти ухищрения сопровождались философическими прикрасами: «Жалкие мы люди! Слабость и заблуждение — вот наш удел!»

Это письмо сильно поколебало доверие молодого короля к чести и слову Наполеона. Однако ни протеста, ни отказа ехать дальше навстречу «августейшему гостю» не последовало.

А для намерений Бонапарта было очень важно избежать открытого насилия. Он хотел довести авантюру до конца так, чтобы испанские Бурбоны сами, «добровольно» отказались от своих прав на трон. Император рассчитывал, что это поможет впоследствии установить добрые отношения между испанцами и тем правителем, которого он им даст.

21 апреля Фердинанд и его свита приготовились отбыть в пограничный испанский городок Ирун. Напрасно жители Витории, окружив королевский кортеж,

«Горшечник» (Г. Доре).

«Похороны крестьянина» (Г. Доре).

умоляли Фердинанда не покидать пределов королевства. Король поднялся со своего сиденья и заверил своих подданных, что в ближайшие же дни вернется в Виторию.

В Ируне к Фердинанду явились местные судовладельцы с предложением доставить его тайком на борт английского военного судна, крейсировавшего в открытом море. Но этот трусливый, запуганный человек не мог уже выйти из повиновения сильной, управлявшей им воле.

* * *

Королевский кортеж пересек французскую границу. В Байонне не было заметно никаких приготовлений к приему иностранного суверена. Фердинанд встретился здесь с посланными вперед инфантом Карлосом и тремя грандами. То, что они сообщили своему королю, должно было лишить его всех иллюзий: с ними обращались почти как с пленниками.

В отведенные Фердинанду апартаменты пожаловал Наполеон. Он был в прекрасном настроении, обнял царственного гостя, вел с ним любезную беседу и сыпал комплиментами. В тот же вечер император пригласил Фердинанда и ближайших его придворных к обеду.

Но обед прошел в мрачном молчании. Приглядываясь к своим гостям, Наполеон все больше убеждался в ничтожестве и самого Фердинанда и его приближенных. Он решил не тянуть с развязкой.

На другой день к Фердинанду явился Савари. От имени императора он объявил ему, что царствование династии Бурбонов в Испании прекращается. На испанский трон вступит государь из фамилии Бонапарта. Фердинанд должен отречься от всех прав на корону Испании и Западных Индий [1].

Фердинанд колебался, упорствовал. Так прошло несколько дней. Потеряв терпение, Наполеон объявил своему пленнику, что если тот до вечера не примет нужного решения, то будет расстрелян как соучастник мадридских бунтовщиков.

---

[1] Так назывались испанские колонии в Америке.

Фердинанд струсил. 6 мая 1808 года он подписал отречение от престола в пользу своего отца Карла IV.

Вслед за тем и Карл IV, прибывший в Байонну, подписал документ, по которому уступал свои королевские права на Испанию Наполеону — «единственному государю, способному восстановить там порядок».

* * *

Наполеон любил показать себя при случае великодушным и щедрым. Он подарил Фердинанду замок во французской Наварре и назначил ему поистине королевскую пенсию. Карлу, его супруге и Годою была предоставлена богатая резиденция в императорском замке в Компьене.

Удивительно, с какой легкостью примирились с положением изгнанников отрекшиеся от своих прав испанские Бурбоны. Старая Мария-Луиза стала прихорашиваться и наряжаться. Карл перенес в новую резиденцию все свои привычки и причуды. Освобожденные от царственных забот, оба наперебой ухаживали за своим бесценным Мануэлито.

Не унывал и Фердинанд. Принц тайно получил из Испании крупную денежную сумму на организацию побега из Франции. Но он рассудил, что может потратить золото соотечественников с большей приятностью. Эти деньги не будут лишними, помогут веселей коротать время в Валансее — имении Талейрана, где он должен был поселиться вместе с братом, доном Карлосом.

* * *

Бонапарт мог, наконец, сбросить с себя лисью шкуру. В эти весенние дни 1808 года он испытывал чувство величайшего торжества: Испания была теперь в его руках! Оставалось лишь дать ей хорошего короля и добротное внутреннее устройство.

Наполеон остановил свой выбор на старшем брате Жозефе, правившем Неаполитанским королевством. Он вызывает брата в Байонну: «19 мая ты получишь это

послание, 20-го ты выедешь, 1 июня будешь здесь». Распоряжение короткое и вразумительное.

С королями, даже и своей крови, император французов не любил церемониться. Все же он прибавляет к этому приказу: «Испания не то что Неаполь: 11 миллионов жителей, да более 150 миллионов дохода, кроме неисчислимых сумм из Америки. К тому же эта корона приведет тебя в Мадрид — три дня езды от Франции. Мадрид — почти Франция, а Неаполь — край света».

Император велит Мюрату созвать в Мадриде хунту, Совет Кастилии, муниципалитет, чтобы они высказались, кого из членов фамилии Бонапарта желают видеть у себя на троне. Заседая под лязг французских штыков, эти органы единодушно призывают Жозефа. Совет Кастилии шлет Наполеону подобострастный адрес: «Всякий принц императорской фамилии будет для Испании оплотом ее могущества. Но Испания имеет право на привилегию: так как ее трон стоит на огромной высоте, то нам кажется, что на нем подобает восседать старшему из высоких братьев вашего величества, мудрость и добродетели которого внушают всем чувство уважения».

Наполеон созвал Генеральную депутацию из представителей трех сословий — духовенства, дворянства и горожан, приглашенных из Испании в Байонну для выработки нового Основного закона страны. Были здесь также депутаты от флота, университетов, суда, от американских колоний.

После многих заседаний депутация приняла конституцию, почти точную копию тех хартий, которыми Бонапарт имел обыкновение наделять покоренные им страны.

Байоннская конституция должна была способствовать рождению новой Испании. Уничтожались сеньоральные привилегии землевладельцев, был коренным образом реорганизован суд, отменялись пытки. Устанавливалось равное податное обложение. Колонии уравнивались в правах с метрополией.

В начале июля в Байонне испанцы приносили торжественную присягу новой конституции и королю Жо-

зефу. Гранды, дворяне и другие видные лица спешили сюда со всех концов Испании. Герцог Инфантадо, выступивший с речью от грандов, сказал Жозефу:

— Государь, гранды Испании всегда отличались верностью своему суверену. Ваше величество испытает эту испанскую верность так же, как и нашу личную привязанность.

9 июля 1808 года Жозеф в сопровождении членов нового правительства, окруженный блестящей толпой испанской знати, сверкающей мундирами и орденами, и высшим духовенством, с почетным эскортом из четырех полков, вступил в пределы своего нового королевства — «почти Франции».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кто хочет изучить испанцев нравы,
Тот пусть их войн историю прочтет.
Чтоб мстить врагу кровавою расправой,
Они пускали даже пытки в ход...

Вооружась ножом иль ятаганом,
Чтоб жен спасать, сестер и дочерей,
Они боролись насмерть с вражьим станом,
Струилась кровь врагов ручьем багряным...
Так следует встречать непрошеных гостей.

Байрон, «Чайльд Гарольд»

БУРЯ

I

ГЕРИЛЬЯ

Уже с утра 2 мая 1808 года улицы Мадрида заполнились народом. Жители столицы толпились на площадях и оживленно обсуждали пришедшие из Франции вести. Ни у кого не оставалось больше сомнений: молодого короля заманили в западню, хотят силою разлучить с его подданными. И это сделали союзники французы! Как воры, забрались они в чужой дом, воспользовавшись доверчиво отданными им ключами.

В полдень разнесся слух, что Наполеон приказал отправить в Байонну и всех остальных членов королевского дома: председателя правительственной хунты дона Антонио — брата Карла IV, сестру Фердинанда

королеву Этрурии с дочерью и его малолетнего брата Франсиско.

К дворцу были поданы кареты. Первой покинула свои апартаменты королева Этрурии. Окружавшая подъезд толпа расступилась и молча пропустила ее к карете. Но дальше произошла какая-то заминка. Засуетились дворцовые лакеи. От них стало известно, что принц Франсиско не хочет ехать. Мальчик плачет и отбивается от французского офицера, готового вытащить его из дворца силой. Действительно, через несколько минут адъютант Мюрата вынес на подъезд извивавшегося в его руках инфанта.

Толпа, до того момента сдержанная, внешне спокойная, забурлила гневом. Накопившаяся ненависть внезапно прорвалась наружу. Люди бросились к карете и обрубили навахами[1] постромки. Замахнувшегося хлыстом адъютанта сбили с ног и жестоко помяли. Началась свалка. Нескольких французских офицеров ранили кинжалами.

Случившееся было как нельзя более на руку Мюрату. Он уже давно грозился, что «вправит мадридцам мозги». Великий герцог был уверен, что располагает для этого более действенными средствами, чем воззвания и призывы к благоразумию.

По приказу Мюрата был тотчас двинут к дворцу отряд пехоты при двух пушках. Офицеры получили от главнокомандующего точные инструкции: по безоружным людям стали бить картечью без предупреждения.

Не ожидавшая нападения толпа мгновенно очистила дворцовую площадь. На мостовой остался десяток трупов и много истекающих кровью раненых.

Офицеры испанского артиллерийского полка, расположенного в казармах поблизости от дворца, возмущенные постыдным избиением народа, решили стать на его защиту. Выкатили пушки и навели их на французскую пехоту.

Солдаты Мюрата ринулись в атаку и перекололи пушкарей.

---

[1] Навага — широкий складной нож.

Как только по столице разнеслась весть о расправе на дворцовой площади, мадридцев охватила бешеная ярость. Со всех сторон начали сбегаться жаждавшие мести люди. В церквах ударили в набат.

Народное возмущение искало выхода. Но плохо вооруженные горожане не решались напасть на войска, расставленные на площадях. Они подстерегали отдельных французов на боковых улицах, поражали их кинжалами, рубили саблями, душили накинутыми на шею арканами. Обуреваемые гневом, врывались они в дома, где находились на постое французские офицеры, и выбрасывали их через окна на мостовую.

Мюрат приказал провести широкую карательную операцию. По улицам города с барабанным боем растеклись отряды солдат с ружьями наперевес.

Восставшие отбивались, как могли: обстреливали солдат из-за угла, с крыш, из окон. Каратели срывали двери с петель, учиняли в домах жестокие расправы — кололи, рубили без пощады женщин, детей и стариков.

К вечеру французам удалось подавить восстание. Они потеряли 300 человек, мадридцев было убито около 200.

Однако Мюрат не считал дело законченным. Решив дать «голоштанникам» примерный урок, он создал военно-полевые суды. Военные патрули рыскали по городу, задерживали и обыскивали прохожих. Всякого, кто был пойман с оружием, вели на суд, выносивший всем поголовно смертные приговоры. Казнили даже за наваху, с которой многие испанцы никогда не расставались.

Надвинувшаяся на столицу ночь была полна ужасов. До утренней зари гремели залпы. Город содрогался от воплей расстреливаемых, стонов умирающих.

* * *

В часы, когда мадридцы падали под пулями Мюрата, алькальд[1] Мостолеса, маленькой деревни в двух лигах от столицы, разослал во все концы гонцов с на-

[1] Алькальд — староста.

писанным им наспех призывом. Он гласил: «Мадрид в настоящую минуту является жертвой французского вероломства. Отечество в опасности! Испанцы, восстаньте все для его спасения!»

Энергичные слова разнеслись по всей стране. Это была искра, брошенная в пороховой погреб. Мирная жизнь сразу оборвалась. Оставив повседневные свои дела, крестьяне и ремесленники вооружились саблями, старыми пищалями. По всему широкому тылу оккупационной армии — от Мадрида до Пиренеев — заполыхал мятеж. Отряды повстанцев стали нападать на обозы, лазареты, фельдъегерей и на мелкие воинские части.

Представители высших классов отнеслись с нескрываемой враждой к самочинным выступлениям народных масс. Большинство дворян, высшего духовенства и чиновничества, ожидавших обещанной Наполеоном конституции, считало «бунт черни» глупым и преступным делом, изменой жизненным интересам государства. Восстание, говорили они, безнадежно. Испании грозит участь насекомого, которое обозленный Бонапарт раздавит тяжелым, поправшим всю Европу сапожищем.

В эти роковые дни, решившие судьбу страны и народа, по всей Испании можно было наблюдать одну и ту же картину. К городским и сельским аюнтамиенто[1] подходили бушующие толпы с криками: «Смерть французам! Да здравствует король Фердинанд! Выдайте нам оружие!» Там, где представители местной власти грозили силой унять возбужденных сограждан, над ними учиняли скорый суд и расправу — избивали до смерти или вешали на первом попавшемся суку.

Безмерная ярость, как река в половодье, сметала со своего пути и всех тех, кто взывал к благоразумию и выжиданию. Народные массы, объединенные чувством пламенной любви к родине, готовы были дать отпор наглому чужеземцу, вторгшемуся в страну. Их не мог уже остановить ни страх перед пушками французов, ни боязнь их численного превосходства.

Вслед за деревнями и захолустными городками поднялись и крупные центры: 22 мая восстала Картахена,

[1] Аюнтамиенто — местное самоуправление.

на следующий день Валенсия провозгласила, что она признает королем Испании только Фердинанда. Астурийские патриоты 25 мая объявили войну Наполеону и отправили послов в Англию с просьбой о помощи. К концу месяца к народному движению присоединилась Севилья, а за нею последовали Корунья, Бадахос, Гранада, Вальядолид и Кадис.

В Испании находилась 100-тысячная французская армия. Она занимала почти всю Кастилию, Каталонию, Наварру, часть Астурии, Эстремадуры, Валенсии. Среди французских войск были и необстрелянные части, укомплектованные из новобранцев, но основная масса состояла из ветеранов войны — наполеоновских гренадеров и кирасиров. Это были солдаты, прошедшие пятнадцатилетнюю суровую школу на полях битв всей Европы. И командовали ими Мюрат, Жюно, Монсей, Дюпон — лучшие полководцы Бонапарта.

Вот на эту-то армию и осмеливались нападать повстанцы, вооруженные допотопными ружьями и заржавленными дедовскими саблями.

Наполеоновские командиры поначалу пожимали плечами. Противно, говорили они, заниматься усмирением мужичья. Императору следовало бы направить в Испанию людей, привыкших действовать плетью и розгами да намыливать веревки.

Однако презрительные шутки скоро прекратились — события приняли грозный для оккупантов оборот.

* * *

Французы стремились поскорее занять еще свободные от их гарнизонов юг и запад королевства.

После мадридских событий продвижению французской армии начали оказывать сопротивление и регулярные испанские войска. Но эти войска, главой которых в течение десятилетий был Годой, не представляли собой сколько-нибудь серьезного противника. Выстроенные для боя испанские батальоны нередко обращались в бегство при первых же выстрелах.

Однако за столь легкими для французского оружия победами не следовали обычные в подобных случаях

сдача и разоружение побежденных. Разбитые испанские части рассеивались и таяли, как снег на солнце. Вылавливать отдельных солдат в гористой местности — дело трудное и неблагодарное.

Вначале французы считали, что распылившиеся отряды переставали существовать. Но странное дело — эти беглецы вновь соединялись в отряды, которые появлялись в других местах. Такая тактика была возмутительным нарушением привычных военных правил.

Наполеон полагал, что занятие всей испанской территории положит конец изнурительной «погоне за тенью», и потому торопил своих генералов. Большое значение он придавал скорейшей оккупации Андалузии. Это дело было возложено на корпус генерала Дюпона. Император объявил генералу, что в Кадисе, конечном пункте андалузского похода, его ждет маршальский жезл.

Борьба с регулярным испанским войском была бы закончена в короткий срок, если бы тыл французской армии не пришел в состояние глубокого расстройства, причин которого оккупанты долго не могли себе уяснить. Сначала, когда в штаб какой-либо части приходило сообщение о нападении вооруженных крестьян на обоз или лазарет, эти враждебные действия окрестного населения считали местью за жестокие реквизиции или мародерство. Производилось следствие, долго и обстоятельно допрашивали пойманных бунтовщиков.

Но нападения множились с угрожающей быстротой. По всему огромному тылу армии расползлась герилья — «малая война».

Французам приходилось остерегаться даже детей: на конюшне мальчишка помогает конюху, а наутро у лошадей подрезаны сухожилия.

Нельзя напиться воды: того и гляди в кружку подсыплют отравы.

Пойманного герильера ведут на расстрел. Ни слез, ни мольбы, ни покорности перед лицом смерти. До последнего издыхания он сопротивляется, и никакой пыткой не заставишь его рассказать о расположении отряда односельчан.

Поседевших в боях французских солдат мороз подирает по коже: за каждым кустом, за поворотом дороги притаился разведчик. О движущейся колонне войск, об обозе, о военной почте передаются донесения на много лиг вперед. И вот уже в горной теснине, в ложбине, в лесу ждет засада. Со всех сторон с ужасающими воплями набрасываются на чужеземцев герильеры, бесстрашно лезут на штыки, рубятся в бешеном исступлении.

Они наряжаются в мундиры попавших к ним в плен солдат. Это их излюбленные трофеи. Герильер с гордостью носит французскую треуголку, доломан, гусарскую куртку, хотя рискует при этом головой, — испанца, пойманного во французской форме, расстреливают на месте.

Пришельцы не имеют друзей в народе. Вся нация поднялась на поработителей, во всех глазах они читают смертельную ненависть.

Наполеоновские солдаты проникаются невольным уважением к своим врагам: мужества нельзя не уважать. А герильер беззаветно храбр. Он дик и жесток, но борется-то он с чужаком-захватчиком.

Вот кучка вооруженных саблями крестьян врезается в войсковую колонну. Храбрецы рубятся до тех пор, пока всех их не подымут на штыки.

Старуха проносит под передником бомбу и бросает ее в отряд драгун...

Герилья ставила перед французским командованием неразрешимую, в сущности, задачу — обеспечить тыловую связь среди враждебного и готового на все населения. Дошло до того, что приходилось отряжать целую роту для передачи приказа другой роте. Связь между отдельными войсковыми частями прерывалась на месяцы. Французы чувствовали себя в безопасности только в больших, хорошо вооруженных соединениях.

Сложный военный механизм не в состоянии осуществлять свою задачу без разветвленных сообщений. Может ли тело жить без кровеносных сосудов? А герилья рассекала эти сосуды, и оккупационная армия кровоточила всеми своими артериями.

* * *

Неустанно тревожимый герильерами, корпус Дюпона продвигался на юг, к Андалузии. Войска перевалили через Сьерру-Морену и спустились в долину Гвадалквивира.

В начале июня, в то время как в Байонне Наполеон совместно с грандами писал для Испании конституцию, солдаты Дюпона захватили и мародерски разграбили Кордову.

Генерал стремился пробиться поскорее к Кадису, где стояла небольшая французская эскадра, доставившая туда амуницию и провиант для пополнения запасов корпуса. Тут Дюпона постигла первая неудача: он получил донесение о том, что испанцы захватили французские суда. Это опрокидывало все его планы.

За одной бедой пришла и другая: измученные походом, солдаты стали болеть дизентерией.

А тем временем генерал Кастаньос, объединив отряды герильеров с остатками испанских регулярных войск, сформировал армию и начал активные действия против французов.

Испанские патриоты крепко зажали фланги корпуса Дюпона. Попав в весьма трудное положение, Дюпон после некоторых колебаний вынужден был начать отступление.

Под непрерывными ударами неприятеля войска оккупантов, отягченные кордовской добычей — картинами, дорогой мебелью, ценной утварью, медленно отходили назад, к перевалу через Сьерра-Морену. Весь путь отступления усеяли тела умерших от эпидемии и убитых герильерами. Растянувшиеся на большое расстояние части корпуса потеряли связь между собой.

Дивизия, которой командовал непосредственно Дюпон, достигла Байлена у подножья Сьерры-Морены. Здесь ее ждали ужасные вести: дорогу через горы отрезали части Кастаньоса. Дюпон знал, что где-то поблизости бродят дивизии Дюфура и Веделя, однако все усилия установить связь с ними кончались плачевно: разведчики неизменно попадали в руки герильеров. Оставалось только штурмовать перевал. Но

с больными, измученными людьми Дюпон не решился на такое дело.

Видя безнадежное положение французов, войска Кастаньоса 19 июля перешли в атаку. Бой длился десять часов. Окруженные, теснимые со всех сторон, полки Дюпона не могли вести правильной обороны.

И тогда произошло неслыханное: наполеоновский генерал попросил мира!

В это время к месту сражения подошла привлеченная гулом канонады дивизия Веделя. Ведель готов уже был атаковать испанцев, но Дюпон, как командир корпуса, запретил ему это.

Назавтра французы отправили к Кастаньосу парламентеров договориться о капитуляции. Согласились на том, что дивизия Дюпона сложит оружие, а дивизии Веделя и Дюфура немедленно покинут Андалузию и направятся к Мадриду.

Но тут испанцы перехватили приказ главной квартиры оккупационных войск. Всем трем генералам предписывалось спешить на помощь основным французским силам, занятым подавлением волнений на севере Испании.

Кастаньос решил, что при таких обстоятельствах нельзя выпускать и Веделя, и прервал переговоры. Тогда Дюпон приказал Веделю уходить поскорее на север, предоставив окруженную дивизию ее судьбе.

Но Дюпон решал без Кастаньоса. Испанский генерал направил орудия на дивизию Дюпона и пригрозил перебить всех, если только части Веделя тронутся с места.

Сознавая безвыходность положения, Дюпон приказал Веделю подчиниться. Обе дивизии 22 июля сдались на милость победителя. Испанцы взяли в плен 7 генералов и 20 тысяч солдат.

Уйти из Андалузии удалось лишь Дюфуру.

Байленская капитуляция произвела громадное впечатление далеко за пределами полуострова: императорские орлы впервые склонились перед знаменами неприятеля. Обнажилось уязвимое место наполеоновской военной машины. В борьбе с восставшим героическим народом она оказалась бессильной.

В самой Испании байленская победа вызвала смену настроений в средних слоях населения: торговое сословие, низшее духовенство и лица свободных профессий в большинстве своем начали теперь искать связи с народным противофранцузским движением. Ему стала сочувствовать и значительная часть дворянства.

* * *

Король Жозеф предстал перед мадридцами в критическую минуту: новый монарх прибыл в столицу на другой день после байленского боя. Ободренные вестью о пленении дивизии Дюпона и Веделя, многочисленные отряды герильеров, оперировавшие вокруг Мадрида и во всех северных провинциях, с удвоенной силой набросились на французов. Смелее стали действовать и регулярные воинские части.

Армия оккупантов оказалась в опасном положении. Элементарная осторожность требовала сокращения фронта и тыловых сообщений. Французы решили отступить на север, за линию Эбро.

После десяти дней пребывания в своей новой столице король Жозеф вынужден был покинуть ее вместе с отходившими французскими частями. С Жозефом отступали и довольно многочисленные его испанские помощники и сторонники, которых народ прозвал «офранцуженными».

Если бы действия распыленных воинских сил и партизанских отрядов направлялись в это время единым умом и волей, если бы они имели достойного и авторитетного вождя — деморализованным, отступавшим в беспорядке французским войскам не удалось бы удержаться и на линии Эбро. Они неминуемо были бы отброшены за Пиренеи.

Байленские события оказали немалое влияние и на Англию, ставшую решительно на путь военной помощи Испании. В июле на португальском берегу высадился английский экспедиционный корпус. Части Уэлеслея — будущего герцога Веллингтона — и Мура разбили армию Жюно и выгнали французов из Португалии.

* * *

В середине октября 1808 года Наполеон встретился с Александром I в Эрфурте. Русский император подтвердил свое согласие на владычество Наполеона над всем Европейским Западом и признал права Жозефа на испанскую корону.

Бонапарт решил, что пришло время взять военные дела на Пиренейском полуострове в собственные руки. Байлен, говорил он, оказался возможным из-за нерешительности генералов и грызни их между собой, да еще из-за излишней мягкости в обращении с испанцами. Император готовился дать своим маршалам урок усмирения непокорных.

Наполеон перебросил к Пиренеям семь свежих корпусов, отдыхавших в Польше и Силезии после Тильзитского мира. Во главе их стали Сульт, Ланн, Ней, Виктор, Сен-Сир, Мортье и Жюно — лучшие его полководцы. С этими силами Бонапарт двинулся в Испанию на помощь отступившим частям.

Стремительно спускаясь к югу, эта громадная армия мимоходом разгромила части Палафокса, Кастаньоса, Куэсты, взяла с налету и разграбила Бургос.

Места, по которым проходили теперь французские дивизии, подвергались жестокому, опустошительному разгрому. По всяким поводам, а то и по прихоти отдельных командиров предавали огню целые селенья, расстреливали всех подвернувшихся под руку жителей.

Наполеон умышленно давал свободу худшим инстинктам своих солдат. Он считал, что, разнуздав всех «бесов войны», скорей приведет население к покорности.

Варварская жестокость вновь вторгшегося врага не произвела, однако, на испанцев воздействия, которого ждал Наполеон. Он оказался здесь плохим психологом. Бесчинства завоевателя лишь разжигали смертельную ненависть к нему и закаляли волю народа к беспощадной борьбе.

При первой вести о приближении неприятеля жители все поголовно покидали деревни и уходили в го-

ры к герильерам. В опустевших селениях французские мародеры сбивали с дверей замки и засовы и уносили все, что еще оставалось в домах. Добыча была невелика. Испанские крестьяне с поразительным единодушием и решимостью уничтожали все, чего не могли унести с собой. Они хладнокровно сжигали весь урожай хлеба, выливали наземь многолетний запас вина и масла.

Народу, решившемуся на такое отчаянное сопротивление, путь к примирению с насильником был отрезан. Оставалось только прогнать его или погибнуть.

Кулак, обрушенный Наполеоном на Испанию, сокрушал испанские и английские регулярные части. Зарвавшийся в своем движении в глубь Испании английский десантный корпус Джона Мура еле унес ноги. Сульт разбил его, погнал через Леон и Галисию и прижал к морю. Только большое мужество и военный талант Мура спасли его людей. В тяжелом бою у Ла-Коруньи Мур поплатился жизнью за свою отвагу, но все же успел усадить войска на суда.

Испанцы стянули лучшие свои силы к горной цепи Гвадаррама, прикрывающей Мадрид. Сильные отряды заняли перевал Сомосьерру и за возведенными укреплениями стали ждать неприятеля.

Вскоре появились французские полки. Ими командовал сам Наполеон. Императору представлялся случай поразить противника военным своим искусством и дерзостью. Он бросил на узкий укрепленный перевал легкую кавалерию. Это было крайне рискованное, если не сказать безумное, предприятие.

Волны конницы налетали на укрепления и, не выдержав убийственного огня, с большим уроном скатывались вниз. Но рассеянные эскадроны строились вновь и снова шли в атаку. В третий раз, сквозь густую картечь, по трупам товарищей, кавалеристы прорвались к брустверам, перебили стрелков и овладели орудиями. Сопротивление было сломлено.

Операция у Сомосьерры внесла панику в ряды испанцев. Уже через три дня, 4 декабря, французские колонны вновь заняли Мадрид.

* * *

Бонапарт не был бы самим собою, если бы в испанскую кампанию полагался только на силу оружия. Ненасытный завоеватель ни на минуту не забывал о своей роли «преобразователя». Его действия вылились в конце концов в старую, испытанную политику «кнута и пряника». Разгромив регулярные англо-испанские военные силы, терроризовав беспощадными карательными действиями население, он не замедлил налечь на рычаг государственных реформ.

Уже в день своего вступления в Мадрид Бонапарт опубликовал ряд декретов, шедших по пути разрушения старого испанского уклада гораздо дальше, чем Байоннская конституция. В Байонне Наполеон осторожно обхаживал церковников, стремясь привлечь их на свою сторону, — теперь же он убедился, что низшее и среднее духовенство ушло в лагерь врага, стало вдохновителем и нередко вожаком герильи. Ничто уже не мешало обрушить удары закона на «бездельников в рясах». Он хотел наказать и «вероломное» дворянство, успевшее забыть свои торжественные клятвы в Байонне.

Наполеоновские декреты, данные в Мадриде в начале декабря 1808 года, упразднили инквизицию. Имущество ее подлежало конфискации. Число монастырей сокращалось на одну треть. Все феодальные права, помещичьи суды, всякие сословные ограничения объявлены были упраздненными навеки.

Наполеон обнародовал длинный список прелатов, грандов, членов Совета Кастилии и высших чиновников, повинных в подстрекательстве народа к возмущению, к борьбе против французских оккупантов. Они подвергались изгнанию, заточению и другим карам. В то же время объявлена была амнистия главарям герильи и командирам войск — тем из них, кто сложит немедленно оружие и порвет с англичанами.

* * *

И все же подавляющее большинство испанцев с негодованием отвергло эти реформы, отказываясь принять их из рук насильника и поработителя.

Достойным ответом Бонапарту была оборона Сарагосы, столицы Арагона. Чтобы окинуть взором борьбу за Сарагосу с самого ее начала, следует вернуться несколько назад к первым дням патриотического движения в стране.

Вспыхнувший 2 мая мятеж в Мадриде послужил для многих других городов Испании сигналом к восстанию против оккупантов. Поднялась и Сарагоса, в которой французского гарнизона тогда еще не было.

Сарагосцы, следуя за двумя вожаками — дядюшкой Иорго и Марино, окружили дворец губернатора с криками: «Да здравствует Фердинанд! Смерть Мюрату! Раскройте арсенал!» Вышедшего на балкон капитан-генерала Гильерми, пытавшегося призвать народ к благоразумию, без дальних слов связали и бросили в тюрьму. Тут же на площади горожане выбрали себе нового военачальника двадцативосьмилетнего Палафокса.

Всем было ясно, что скоро нагрянут французы. Они примутся усмирять Сарагосу так, как усмиряли столицу. Нельзя терять ни часу. Перед лицом такой опасности сарагосцы сумели навести у себя порядок, строгую дисциплину.

В распоряжении Палафокса было только 300 солдат и 16 пушек. Почти совсем не оказалось ни пороху, ни ядер. Хунта обороны обратилась к населению с призывом пополнить ряды защитников города.

Вскоре уже по берегу Эбро маршировали отряды добровольцев с ружьями, саблями и пиками из арсенала. Их обучали военному делу старые отставные офицеры. Много было здесь студентов, монахов, немало и смелых женщин, учившихся наравне с мужчинами стрельбе из ружей и пушек.

К городским стенам выкатили все орудия. Палафоксу удалось в короткий срок наладить изготовление пороха и литье ядер.

Между тем главная французская квартира двинула к Сарагосе отряд генерала Лефевра и части польского легиона — всего около 4 тысяч человек при 6 орудиях.

Выставленные Палафоксом на подступах к городу заградительные отряды были смяты. Глядя на опоясавшую Сарагосу четырехметровую кирпичную стену с пятью широкими воротами в ней, Лефевр не мог ожидать, что встретит здесь сколько-нибудь значительное сопротивление. Город был невелик, тесен, полон церквей и монастырей. Не имелось никаких крепостных сооружений, а несколько десятков тысяч горожан не могли заменить обученного гарнизона.

Утром 15 июня Лефевр приказал построить штурмовую колонну и ударить на выставленное впереди ворот Энграсиа прикрытие, чтобы на плечах этого слабого отряда проникнуть в город. В завязавшемся сражении колонне французов удалось добраться до самых ворот, но здесь она была встречена градом картечи.

Тогда французы пошли в атаку на орудия. Усилия их долгое время были тщетны. Но в конце концов нападающие заставили замолчать пушки и прошли ворота.

Это был решительный момент — неприятель грозил прорваться в город. Тут несколько десятков храбрецов, жертвуя жизнью, бросились ему навстречу. Закипел жестокий рукопашный бой. Дрались прикладами, падали под ударами штыков.

Атакующих удалось задержать лишь на несколько минут, но эта задержка решила все дело. К воротам устремились защитники других позиций. С крыш, из окон, изо всех щелей на французов полился густой дождь свинца. Враг не выдержал и отступил за ворота.

Еще более неожиданным для французского командования было поражение, понесенное в тот же день другой колонной, штурмовавшей ворота Кармен. Она легко форсировала ворота и пробилась внутрь города, но плодами своего успеха воспользоваться не смогла. Медленно, с трудом продвигался этот батальон по изрытой волчьими ямами улице. Дома с заколоченными наглухо дверями и окнами обращены были в кре-

постные бойницы. Оттуда французов обстреливали перекрестным огнем, обливали кипятком, обрушивали на их головы камни. Продержавшись некоторое время на пустой улице, таившей смерть на каждом шагу, они вынуждены были убраться из города.

Первый день обороны Сарагосы закончился поражением осаждающих. Глядя на трупы врагов, усеявшие мостовые, сарагосцы предавались неистовой радости. Они уверовали в свои силы. Руководившая обороной хунта приказала немедленно укрепить все церкви и монастыри, перекопать рвами все площади и перекрестки. Город покрылся густой сетью фортов, крепостных сооружений, непроходимых завалов.

В депешах императору Лефевр не скрыл своей неудачи и просил срочной присылки подкреплений людьми и особенно орудиями.

Наполеон выслал в Сарагосу дивизию Вердье и отборные гвардейские части — всего 11 тысяч солдат, а также большое количество пушек.

Общие силы французов все же не были достаточными для того, чтобы обложить город глухим кольцом. Из всего Арагона по долине Эбро на помощь Сарагосе спешили вооруженные отряды. По реке подвозили продовольствие, амуницию, в город стекались остатки испанских войск, разбитых в полевых сражениях.

Помогли Палафоксу и англичане. Они направили в столицу Арагона несколько десятков орудий.

Наполеон из Байонны торопил Вердье, требовал немедленной атаки. Надо было скорее сломить сопротивление слабо защищенного города, столь унизительное для чести покорителя Европы.

Вердье готовил общий штурм на 2 июля. За день до этого 20 мортир и гаубиц начали осыпать город снарядами. Им помогали многочисленные полевые орудия.

Испанцы отвечали огнем 40 пушек. 10 тысяч вооруженных арагонских крестьян, пришедших на зов осажденных сарагосцев, расположились в ожидании неприятеля вдоль стен Сарагосы в наспех возведенных укреплениях.

Осадные орудия пробили две широкие бреши в городской стене у замка инквизиции. Туда ринулись

штурмующие части. Но в проломах им преградила путь непроходимая завеса пуль и картечи. Французы откатились назад.

В это время отряд генерала Абера, действовавший на правом фланге, стремительной атакой захватил пристроенный к городской стене монастырь Сан-Хосе и оттуда легко проник внутрь города. Однако, как и при первой атаке, ворвавшиеся в город солдаты не смогли ни на шаг продвинуться вперед. Наглухо заколоченные окна и двери... Улицы, изборожденные глубокими рвами, непроходимы.

Ценою огромных усилий и тяжелых потерь атакующим удалось разрушить забаррикадированные входы нескольких домов. Здесь их ожидала встреча, от которой содрогнулось сердце не одного закаленного в боях солдата. Осажденные словно потеряли рассудок. Безграничная ненависть к насильнику порождала беспримерную отвагу и делала этих людей равнодушными к смерти. С призывом «вперед!» бросались они на штыки и гибли, дорого продавая свою жизнь.

И все же численное их превосходство подавляло французов. К концу дня атакующие были повсюду отбиты и вынуждены снова покинуть город.

Вердье, как раньше и Лефевр, убедился, что дело у Сарагосы совсем не походит на осады крепостей, в которых ему довелось отличиться в прежних наполеоновских войнах. Это была новая война — «война домов», ужасом своим превосходившая все, что испытали до сих пор армии императора.

Наполеон бросил на помощь Вердье новые части. Силы осаждающих достигли теперь 17 тысяч человек. Их поддерживала мощная осадная артиллерия.

На рассвете 4 августа 60 тяжелых орудий снова сеяли разрушение и смерть в многострадальном городе. К полудню перед приготовленными для штурма двумя колоннами открылись широкие пробоины, и французы устремились туда с криками: «Да здравствует император!»

Вмиг одна из колонн была уже на Косо — широком бульваре, пересекающем весь город. Вторая колонна прорвалась глубоко внутрь города через пер-

пендикулярную Косо улицу Энграсиа и зашла в тыл испанской батарее. В жестоком штыковом бою солдаты этой колонны уничтожили всех защитников баррикад, завладели расположенными за ними 19 пушками и соединились с первой колонной.

Атакующие прорвались к центру Сарагосы. Казалось, одержана решительная победа. Но врагу рано было торжествовать. Он попал в настоящий ад. Из теснившихся вокруг центральной площади домов-крепостей лились на них потоки пуль, камней, кипящей смолы, обрушивались бомбы, бревна. Никто в Сарагосе и не помышлял о сдаче.

И на этот раз французам пришлось повернуть вспять.

Ничего не оставалось больше, как повести планомерную осаду на каждый дом, каждую церковь, монастырь и шаг за шагом выбивать оттуда их защитников.

Французы совершенно изменили свою тактику. Они начали подводить под дома мины, пробивать ходы сообщения внутри дворов, в стороне от улиц.

Между тем в лагерь осаждающих пришла весть о байленской катастрофе и об общем отступлении императорской армии. Надо было спешно отходить и от Сарагосы, оставив вокруг неприступного города тысячи французских могил и унося с собой тягостное воспоминание о стальном, несгибаемом мужестве испанского народа, о беспощадной его ненависти к непрошеным «освободителям».

Так закончилась первая осада Сарагосы.

* * *

Героический город оправлялся от перенесенных им бедствий. Хунта обороны правильно оценила положение: то была лишь короткая передышка. Ее использовали для возведения вокруг всего города земляного вала и рва, для сооружения предмостных укреплений и фортов на окрестных высотах. Разрушили все дома, прилегавшие к городской стене, вырубили опоясавшие город сады и оливковые рощи.

Приказом хунты на защиту города были призваны все способные к ношению оружия. Гарнизон Сарагосы увеличился до 50 тысяч человек при 160 пушках с большим запасом снарядов.

Когда в конце 1808 года началось второе общее наступление французских войск, Сарагоса была снова осаждена. Наполеон направил к ее стенам корпус маршала Монсея — 32 тысячи человек при 60 осадных орудиях. В состав его входили сильные саперные части. Никогда ни против одной крепости французы не посылали таких сил.

Военные действия возобновились 20 декабря. На город посыпались бесчисленные снаряды, производившие огромные опустошения.

Монсей послал хунте предложение сдаться. «Безрассудно, — писал он, — продолжать сопротивление — французы снова овладели Мадридом, а испанцы и англичане повсюду разбиты».

Хунта, не колеблясь, отвергла требование маршала: «Укрепления Сарагосы еще целы. Но если бы рухнули и они, жители и гарнизон предпочтут гибель под развалинами позорной сдаче».

Сарагосская хунта рассчитывала на действия арагонских партизан в тылу корпуса Монсея. Герилья могла сильно облегчить оборону. Посланцы хунты направились во все концы Арагона поднимать крестьян на борьбу с французами.

Положение в Сарагосе было очень тяжелым. Донесения французских шпионов говорили о начавшейся в городе эпидемии, вызванной плохой пищей, крайним физическим истощением бойцов, множеством раненых, умиравших от недостатка ухода.

В конце января к Сарагосе прибыл маршал Ланн, принявший руководство осадой. Он решил, не теряя времени, повести общую атаку.

27 января начался генеральный штурм города.

На рассвете французы открыли ураганный огонь, а в полдень войско устремилось на приступ через три широких, пробитых ядрами пролома. Сарагосцы взрывают перед правым проломом мины, но это не удерживает осаждающих. Под градом пуль французские

пехотинцы пробиваются к нему вплотную. Здесь по ним бьет батарея, установленная в самом проломе.

Грозный набат сзывает жителей. Все соседние дома наполняются вооруженными людьми. Пули и гранаты сыплются из окон и с крыш. Часть осаждающих, прорвавшихся в город, гибнет. Истощив все силы, они успевают захватить только самый пролом и укрепляются в нем.

Атакующие левый пролом не встречают столь сильного сопротивления. Они занимают пролом и стоящее поблизости здание. Вышибая двери и разрушая стены в соседних домах, отряд пробивается на боковую улицу.

Средний пролом открывает доступ в монастырь Энграсиа. Две французские роты под сильным огнем бросаются к нему и после горячего боя прорываются в монастырь. При вести об этом толпы вооруженных сарагосцев со всех сторон устремляются к монастырю. Прорвавшиеся в город французские солдаты окружены плотным кольцом — им грозит гибель. На выручку спешит целый батальон, штыками пробивает себе путь и прогоняет испанцев.

Соединив свои силы, французы двигаются дальше, овладевают смежным монастырем, всеми домами близлежащей площади и установленными на ней пушками, которые они обращают против осажденных.

Испанцы отступают за речку Уэрбу, взрывая за собой мосты. Они отдали врагу часть своей оборонительной линии. Между тем неумолчно гудит набат. Жители устремляются на крыши, заборы. Под смертоносным обстрелом французский отряд теряет половину своих людей. Он готов уже отступить, но получает помощь и закрепляется в завоеванном квартале.

Борьба протекает теперь внутри городских стен. В части города, занятой французами, кипит работа саперов. В стенах захваченных домов пробивают ходы сообщения, выламывают бойницы, роют окопы, приготовляют лестницы, набивают мешки шерстью для защиты от жестоких обстрелов.

Осажденные зорко следят за всяким движением врага, колокольный звон призывает к угрожаемым ме-

стам бойцов, готовых ценою жизни отстоять родной город.

Перед лицом гражданской доблести сарагосцев и арагонских крестьян профессиональное мужество маршала Ланна подвергается тяжелому испытанию. Глубокой ночью, когда несколько стих уличный бой, он пишет Наполеону: «Никогда, государь, я не встречал ожесточения, подобного тому, каким охвачен неприятель, защищающий этот город. Я видел двух женщин, павших в пробоине стены, которую они прикрывали своей грудью. Осада Сарагосы не похожа на войну, которую мы знали до сих пор. Мы вынуждены брать приступом или минами каждый дом. Эти люди защищаются с остервенением, которое нельзя себе представить. Это жуткая война, государь!.. Сейчас город горит в трех или четырех местах, он буквально раздавлен нашими снарядами. Но это не устрашает врага...»

Недостаток продовольствия и эпидемия довели жителей до самого отчаянного положения. Уже три недели на город сыпались тяжелые бомбы. Тиф губил каждый день сотни людей. Сотнями гибли они от вражеского оружия. Все дома превращены были в лазареты. Больные валялись без пищи и лекарств на полусгнившей соломе. Перед церквами и повсюду на улицах рыли глубокие рвы, куда сбрасывали трупы.

Французы, наученные прежними неудачами, не предпринимали больше штурма. Медленно, расчищая себе путь взрывами, завладевали они домами и со всех сторон подвигались к центру города.

Но на каждом шагу храбрость жителей Сарагосы воздвигала непреодолимые преграды. «Война домов» дошла до величайшей степени ожесточения. Сарагосцы гибли в борьбе за пустые развалины. Они зарывались глубоко в землю и вместе с собой взрывали на воздух своих врагов. Фугасы и мины сотрясали все вокруг, дома горели.

Погребальный звон и тревожный набат вторили грому орудий. Вопли торжества или отчаяния попеременно раздавались в рядах испанцев и французов.

Однако силы сарагосцев были на исходе. В хунте обороны начались разногласия. Одни склонялись

к необходимости сдать город, другие же, хотя и сознавали безнадежность дальнейшей борьбы, отвергали всякую возможность сдачи: они сжились с мыслью о смерти и предпочитали гибель иноплеменному игу.

Тем временем неприятель готовился решить дело крайними средствами — взорвать весь город на воздух. На центральной улице Косо французские саперы вырыли шесть подземных галерей и намеревались заложить в каждую из них по полторы тонны пороху. Взрыв был назначен на 21 февраля.

И вот на рассвете этого дня передовые французские посты получили приказ прекратить огонь: хунта выслала к Ланну парламентеров. Город готов был пойти на капитуляцию, если только она не будет унизительной для испанского оружия. Ланн принял условия хунты: гарнизон выступит из города с военными почестями, после чего будет отправлен во Францию, в плен.

Грохот борьбы сменила могильная тишина. Из Сарагосы вышли и сложили оружие перед французами 12 тысяч изнуренных, больных солдат.

Вступившим в город войскам представилась страшная картина. Развалины домов были усеяны трупами. По улицам, как привидения, брели полуживые люди, словно не видя угасшими глазами своих победителей.

В продолжение 52 дней осады погибло 54 тысячи защитников города. В самый день капитуляции на улицах лежало 6 тысяч непогребенных трупов.

* * *

Наполеон стал получать донесения об интригах против него в Париже. Усиленно вооружалась Австрия, готовясь к новому столкновению с французами. Императору надо было спешить навстречу надвигающимся событиям.

Успехи наполеоновских дивизий позволяли оккупантам рассчитывать, что они скоро станут безраздельными хозяевами Испании. В Каталонии войска Сен-Сира взяли крепость Росас, вошли в Барселону,

овладели Таррагонской провинцией. После победы над Муром дивизии маршала Сульта вступили в марте 1809 года в Португалию и заняли весь север этого государства. В марте же колонны маршала Виктора нанесли испанским войскам, сражавшимся под началом главнокомандующего, старого Куэсты, тяжелое поражение при Медельине, в Эстремадуре. А войска генерала Себастьяни, разгромив при Сьюдад-Реале крупные соединения герильеров, преграждавших им путь в Андалузию, перевалили через горы и вступили в долину Гвадалквивира.

Но ни взятие Сарагосы, ни тяжелые поражения англо-испанских войск не прекращали народного сопротивления.

По мере того как таяли регулярные части, росли отряды партизан. По всей стране гремела слава отважного Хуана Мартина, прозванного Эмпесинадо (Дегтярь), истреблявшего вторженцев в Кастилии, отчаянного Мины, громившего тылы оккупационной армии в Наварре, и Порльера—Маленького маркиза, который неутомимо партизанил на путях из Бургоса в Мадрид.

Урон, наносимый герильей французам, мог казаться незначительным. Батальон недосчитывался фуражира, другой — фельдъегеря. То не возвращался высланный разведчик, то подстреливали из-за утеса отставшего в походе пехотинца. Но эти мелкие укусы болезненно ощущались в тысяче мест, мучили денно и нощно. Армия изнемогала, истекала кровью.

Жернова «малой войны» мало-помалу размалывали военную организацию победителя. Душевное состояние французских солдат, живших среди лютой злобы, в вечном страхе, не могло не быть подавленным. Они жаждали заглушить в себе сознание, что испанская земля станет для них бесславной могилой. Люди все чаще нарушали дисциплину, пьянствовали, грабили, насильничали.

А в это время между французскими военачальниками, оказавшимися вдали от хозяйского глаза Бонапарта, начались интриги. Маршалы и генералы норовили урвать друг у друга лакомый кусок, старались

направлять свои походы в богатые области, где можно еще пограбить, выжать большую контрибуцию.

Военная система Наполеона немало способствовала этому разгулу аппетитов. Первейшее требование Бонапарта — «война должна сама себя оплачивать» — осуществлялось в Испании в полной мере. В то время как созданная французами в стране гражданская администрация, сидя на пустых денежных сундуках, не могла оплатить своих чиновников, генералы выколачивали из захваченных ими провинций огромную дань.

Жозеф, принимавший всерьез свою роль короля Испании, пытался было бороться с разграблением страны, но генералы смеялись над его «проповедями» — этот тихий, мягкий человек был белой вороной в их среде и не пользовался никаким влиянием.

Разительный пример генеральского своекорыстия показал маршал Сульт. Заняв север Португалии, он неожиданно почил на лаврах. Вопреки прямому приказу Наполеона идти дальше, к Лиссабону, чтобы прикрыть все побережье от возможного английского десанта, маршал не хотел покинуть богатый Опорто: он тайно заигрывал с именитым купечеством этого города в расчете, что португальцы возложат на его голову лузитанскую корону.

Воспользовавшись медлительностью своего соперника, Уэлеслей высадил на португальском побережье большой десант, перешел в наступление и отбросил Сульта в Галисию.

Теперь английские войска снова прорвались на испанскую территорию. Уэлеслей старался избегать больших сражений, в которых французы всегда оказывались сильнее. Он бродил по стране, непрерывно меняя позиции, завлекая противника в гористые, далекие от его тыловых баз места. Здесь за французов принимались герильеры.

Когда же Уэлеслей, желая ускорить ход событий, отступил от своей тактики и попытался захватить Мадрид, он потерпел неудачу.

В конце июля у Талаверы-де-ла-Рейна произошло двухдневное генеральное сражение. Армия Уэлеслея, поддержанная войсками Куэсты, столкнулась здесь

с 50-тысячной армией Виктора и Себастьяни. Исход сражения был неясным, хотя английское правительство и дало за него Уэлеслею титул герцога Веллингтона. На помощь французам подошли корпуса Сульта и Мортье и стали угрожать тылу англичан. Веллингтону еще раз пришлось уйти в Португалию.

Военное счастье теперь прочно перешло на сторону французов. В начале августа Мортье еще раз разбил у Тахо злополучного Куэсту, а через несколько дней Себастьяни потрепал другого испанского генерала, Венегаса, отняв у него всю артиллерию. Столь же решительны были победы Нея над Вильсоном и Сульта над герцогом дель Парке.

Поражение Австрии при Ваграме и последовавший за ним Венский мир позволили Бонапарту перебросить часть освободившихся войск в Испанию. Со свежими силами принимаются оккупанты за подавление тлеющих еще очагов организованного военного сопротивления.

Последним героическим усилием регулярной испанской армии была битва при Оканье зимой 1809 года. Отряды храброго, но неопытного генерала Арреисага, выступившие навстречу французам из Андалузии, потерпели близ Мадрида сокрушительное поражение: 5 тысяч убитых, 15 тысяч пленных. Вся артиллерия, обозы, знамена попали в руки неприятеля.

В январе 1810 года французская армия снова переходит за горную гряду Сьерры-Морены. Хаэн, Кордова, Гранада, Севилья, Малага сдаются победителю. Только крайний пункт Андалузии — Кадис, несмотря на все усилия французов, смог отстоять свою свободу.

Французские постои усеяли всю Испанию. Разгромлены ее последние воинские силы. Англичане отброшены в Португалию, к самому берегу моря. Во Франции и во всей Европе считают, что Бонапарт покончил с сопротивлением испанцев.

Но испанский крестьянин крепко зажал в заскорузлых руках наваху, кремневое ружье, вилы, и никогда еще не дрался он так беззаветно и так свирепо, как в этот тяжелый 1810 год. Громче, чем когда-либо, над сьеррами и над степями несется клич свободы,

и, не дрогнув, вольнолюбивые сыны Испании отдают свой достаток, силу, кровь своего сердца борьбе за независимость родины, за свержение чужеземного гнета.

Снова вся Галисия охвачена пламенем восстания. Валенсия, Эстремадура провозглашают независимость от навязанного Бонапартом короля. Со всех концов страны десятки тысяч патриотов стекаются в неприступные горные ущелья, чтобы стать в ряды герильи, войти в отряды Мины, Эмпесинадо, десятков других вождей.

Напрасно французский военный колосс обрушивает гневные удары на мятежную страну. Его вооруженная рука не в силах сразить вездесущих, будто из земли вырастающих, готовых до последнего вздоха бороться за отчизну сынов Испании.

III

МОЗГ РЕВОЛЮЦИИ

В годы французского нашествия Испания походит на судно, сорванное штормом с якорей и вынесенное в открытое, бушующее море. Страна потрясена до основания и переживает величайшую катастрофу — массовую гибель людей и веками накопленных богатств.

Но налетевшая буря валит не только крепкое, жизнеспособное. Она уничтожает и гнилое. По мере того как проходят месяцы войны, расшатываются и рушатся устои обветшалого общественного уклада.

В глазах подавляющего большинства испанцев прежние хозяева нации повинны в измене. Губернаторы, капитан-генералы, все представители высшей годоевской администрации заподозрены в тайном благоволении к чужеземцам. Стихийное народное движение прогнало или уничтожило их.

«Расстрел в Мадриде в ночь со 2 на 3 мая 1808 года» (Ф. Гойя)

«Партизаны изготовляют порох» (Ф. Гойя).

Новая власть начала зарождаться снизу. Население деревень и мелких городов доверяло управление общественными делами людям честным, а главное — готовым до конца бороться с французами. Новые алькальды приходили из народной гущи. Это были кузнецы, брадобреи, пономари, учителя, изредка врачи, адвокаты. Рядом с алькальдом стоял вожак местной герильи, выбранный из самых смелых и наиболее сведущих в военном деле людей округи.

Начальник герильи с алькальдом и представляли на первых порах всю полноту гражданской и военной власти. Вместе они вербовали партизан, добывали для них амуницию и продовольствие, вместе руководили уничтожением запасов и уходом населения при приближении французов. Это была вооруженная демократия, возникшая во имя борьбы и заключавшая в себе большие возможности социального обновления.

Но сразу стала чувствоваться необходимость в объединенных вышестоящих органах управления. Уже осенью 1810 года в Севилье, Валенсии, Кадисе, Ла-Корунье и тринадцати других городах приступили к выборам областных хунт. Выборы происходили путем народного голосования — разумеется, лишь в тех частях страны, которые были свободны от французов.

Кого же испанцы выбирали в областные хунты? Повсеместно они отдавали власть в руки дворян и церковников. Почти не было избранных от буржуазии, не говоря уже о трудовом народе. Народ ограничивался тем, что понуждал высшие классы к сопротивлению французам. Сам он в эти годы не претендовал на участие в руководстве национальным сопротивлением оккупанту.

У руля управления снова оказались правившие раньше сословия.

* * *

Сложившаяся таким образом система местных и областных хунт была завершена созданием Верховной и Центральной хунты Испании и Индий. Областные

хунты направили в этот центральный орган по два «достойнейших» депутата.

На первых порах Центральная хунта заседает в Аранхуэсе, а затем перебирается в Севилью — подальше от французов.

Центральная хунта вобрала в себя виднейших из тех консерваторов и реакционеров, которые оказались в лагере врагов короля Жозефа. Этот верховный орган обновленной Испании — восставшее из гроба мрачное ее прошлое.

С первых же шагов Центральная хунта своими законами и постановлениями начинает глушить народные порывы к свободе и налагает узду на стремление взбудораженных крестьян к социальным преобразованиям. Ревниво охраняя свой авторитет, она наделяет депутатов титулами высочеств и превосходительств и сопровождает свои действия неуместными и смешными церемониями. Метко охарактеризовал Маркс деятельность Центральной хунты: «Центральная хунта мало того, что мертвым грузом повисла на испанской революции, она в буквальном смысле действовала в пользу контрреволюции: восстанавливала прежние власти, снова ковала уже разбитые цепи, старалась тушить пламя революции всюду, где оно загоралось, бездействовала сама и мешала действовать другим» [1].

Много упреков адресовали историки этому мертворожденному детищу первой испанской революции.

Очень предприимчивая там, где дело шло о великолепии мундиров, большом жалованье и пышных титулах депутатов, она оказалась совершенно несостоятельной в руководстве армиями. Центральная хунта была в значительной мере виновницей тяжелых поражений регулярных военных сил.

В делах внутреннего управления Хунта проявила крайнюю реакционность. Она восстановила инквизицию, запретила продажу монастырских имуществ и вновь ввела церковные налоги.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Революция в Испании, стр. 26, Партиздат, 1937.

* * *

За гулом сражений, шумихой воззваний Хунты и короля Жозефа, соперничавших между собой, можно расслышать требования отдельных сословий и групп, их желания и надежды.

Число испанцев, связавших свою судьбу с французами, было довольно значительным. «Офранцуженные» принадлежали преимущественно к привилегированным и просвещенным кругам общества. Они верили тому, что Наполеон избавит страну от тяжелого груза средневековья и без революционных потрясений выведет ее на путь прогресса. Офранцуженные говорили, что Испания не в первый раз получает правителей извне. Жозеф Бонапарт пришел из чужой страны так же, как за двести лет до того Филипп V, а еще раньше Филипп I. Народное возмущение чужеземным вторжением казалось им тупой злобой простолюдина, не желающего подчиниться руководству более опытного и знающего соседа.

Офранцуженные — это запоздалые носители идей просвещенного абсолютизма. Прямо под ними, на более низкой ступени социальной лестницы, находились демократы. Среди городской буржуазии, лиц свободных профессий, студенчества, лучших представителей армии и клира сильно распространились идеи Французской революции. Эти люди верили, что испанский народ получит свободу, пройдя через революцию. Все они единодушно отвергали Наполеона. В их глазах он был палачом французской свободы и устанавливал в Испании порядки немногим лучше старого испанского уклада. В огромном энтузиазме народных масс, поднявшихся против французского нашествия, они усматривали начало желанной им революции. Испанский крестьянин сдвинулся с места, и теперь, казалось им, уже ничто не остановит его до тех пор, пока он не учредит нового, демократического порядка. И не так уж страшно то, что всю разбуженную энергию народа церковники направляют на возвращение династии Бурбонов. До победы над общим врагом надо действовать с ними заодно, а затем уж выбросить их,

как хлам, за борт. Народ проснулся, и доводы разума, слова правды без труда проложат путь к его сердцу.

Офранцуженными и демократами, собственно, и исчерпывались силы прогресса. Им противостояло подавляющее большинство поместного дворянства и высшего духовенства.

Дворянство было напугано неожиданными, невесть откуда нагрянувшими событиями. Еще свежа была память о разделе поместий и расправе над помещиками в соседней Франции. Испанское дворянство пошло сначала за Наполеоном, а затем, оценив всю мощь народного восстания против него, примкнуло к движению за Фердинанда.

После того как дворяне получили преобладающее влияние в провинциальных хунтах и Центральной хунте, они стали тормозить патриотическое движение, надеясь окольными путями сохранить основы старой, феодальной монархии.

Союзником дворянства было духовенство. Хотя Наполеон и далеко отошел от Французской революции, все же победа французов в Испании — церковь это знала — в корне подорвала бы ее интересы. С упрочением Жозефа на троне церковные имущества, составляющие треть национального богатства, были бы отобраны безвозвратно.

Поэтому-то испанская церковь и бросила на сопротивление французам все свои силы, все свое огромное влияние. Приходские священники и монахи были подлинными организаторами этой беспримерной борьбы. Они дали освободительной войне лозунг: «Во имя спасения католической веры и династии!» В этом заключалась странная, исторически противоречивая особенность первой испанской революции, чреватая тяжелыми последствиями.

Наконец народ — основная материальная сила движения. Испанский крестьянин нутром постигал простую вековечную истину: при власти чужеземцев он будет первой их жертвой. Но дравшийся рядом с ним в герилье священник твердил, что победа Наполеона — это пришествие антихриста, что французы превратят церкви в стойла для своих лошадей, не

позволят крестить детей, осквернят святые дары, и тогда души умерших не смогут найти пути в рай. И темный, суеверный крестьянин чувствовал себя борцом за католическую веру.

Правда, в сердце герильера теснились смутные надежды на установление более справедливых порядков, на получение в собственность куска земли. Но никто не поддерживал его в этих надеждах. Ни хунты, ни священники ничего не говорили о земле.

Противоречивость исторического развития испанской революции сказалась здесь с особой силой. «В целом движение, — писал Маркс, — казалось, было направлено скорее *против* революции, чем *за* нее. Будучи национальным благодаря провозглашению независимости Испании от Франции, оно было также династическим, ибо противопоставляло «возлюбленного» Фердинанда VII Жозефу Бонапарту; оно было реакционно своим противопоставлением древних учреждений, обычаев и законов рациональным новшествам Наполеона; оно было суеверно и фанатично, ибо так называемому французскому атеизму и уничтожению особых привилегий римской церкви противопоставляло «святую религию». Священники, устрашенные участью своих французских собратьев, из чувства самосохранения возбуждали народные страсти»[1].

* * *

Военные дела Хунты становились все плачевнее, а ее неспособность руководить страной — все очевиднее. Народ настаивал на созыве кортесов — национального парламента. Кортесы не собирались с давних времен, но память о них была жива среди испанцев.

После долгих колебаний Хунта постановила созвать кортесы. Но для того чтобы закрыть всякий доступ в них вольномыслию, решено было избрать представителей по сословиям, как это делалось в про-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция в Испании, стр. 12—13. Партиздат, 1937.

шлые века. Три сословия — духовенство, дворянство, горожане — должны быть представлены равным числом делегатов. Таким образом, по мысли верховодов Хунты, дворянство вместе с духовенством всегда выйдет победителем из парламентских сражений. Кроме того, подобный способ выборов выключит крестьянство из участия в политической жизни.

В ответ на это решение понеслись со всех концов Испании горячие протесты. Местные хунты и партизанские отряды единогласно заявляли, что парламент в таком составе не будет представлять нацию. Древний порядок выборов, говорили они, неприменим к современным условиям. Народ первый взялся за оружие, он щедро проливает свою кровь, переносит тяжелые лишения ради изгнания чужеземных захватчиков, тогда как очень многие дворяне и князья церкви служат Жозефу. О грандах и прелатах достаточно позаботилась Байоннская конституция, пришло время подумать и о простом люде!

Созыв кортесов на основе равного и общего голосования стал главным требованием демократических кругов. Они отстаивали и разъясняли это требование в газетах, воззваниях и брошюрах.

Центральная хунта упорно настаивала на старом порядке выборов, и дело затягивалось. Когда же, наконец, она разослала по провинциям выборные повестки, они были составлены по старым, сословным формам.

Хунта не пережила этого своего действия. Не успела она перебраться на остров Леон, в городок Сан-Фернандо, близ Кадиса, как против нее поднялся мятеж. Вдохновителем восстания была сильная кадисская буржуазия. Хунта не нашла себе защитников и в начале 1810 года бесславно закончила свое существование. Ее полномочия приняло регентство из пяти лиц.

В это время местные хунты собственной властью провели выборы в кортесы на основе общей подачи голосов. Правда, областей, где можно было произвести нормальные выборы, оставалось немного. Почти вся страна была захвачена оккупантами. Но трудность

обошли простейшим способом: делегатов от занятых провинций избрали из числа их жителей, укрывшихся в Кадисе.

Так родились учредительные кортесы, сыгравшие исключительную роль в политической жизни Испании.

* * *

— Да здравствует нация! Да здравствуют кортесы!..

Под низкими сводами старого театра долго не смолкают восторженные крики. Жители острова Леона в этот вечер конца сентября 1810 года празднуют открытие учредительных кортесов Испании и Западных Индий.

Депутаты расположились в партере. Темные буржуазные сюртуки перемежаются с фиолетовыми облачениями епископов, белоснежными кружевами на кафтанах грандов, разноцветными монашескими сутанами. Ложи, выступающие над партером, ломятся от шумливой, возбужденной публики, выкрикивающей приветствия депутатам.

На высоко поднятой сцене царит торжественная тишина. Здесь установлен пышный балдахин. Складки парчи ниспадают на большой, во весь рост, портрет Фердинанда. Король облачен в пурпуровую мантию, на груди сияют ордена и регалии. Рядом с балдахином трон, завешенный алым бархатом: плененный монарх будет незримо присутствовать при трудах избранников верного ему народа.

В зале воцаряется спокойствие. И тогда становится отчетливо слышен гул орудийной пальбы. При каждом ударе, сотрясающем воздух, хмурятся лица. Враг захватил всю страну. Кортесам придется строить новую Испанию под аккомпанемент вражеских батарей.

Кортесы избирают председателя и секретаря.

На трибуну всходит убеленный сединами Торреро, ректор Саламанкского университета. Речь, произнесенная старым профессором в сутане, открывает парламентскую эру Испании:

— Собравшиеся чрезвычайные кортесы представ-

ляют верховную власть нации. Они признают своим королем Фердинанда Седьмого. Они не принимают его отречения в пользу Наполеона главным образом потому, что нация не дала на это отречение своего согласия. Кортесы присваивают себе законодательную власть во всей ее полноте, а исполнительную власть вручают лицам, которые будут ответственны перед нацией. Временно, до выбора нового правительства, кортесы признают такими лицами членов регентства. Регентство должно немедленно присягнуть в повиновении законам и признать верховную власть кортесов.

В тот же день, 24 сентября, появился первый декрет кортесов, принятый единогласно и положивший начало преобразованию страны в демократическом направлении. Кортесы провозгласили народный суверенитет и отвергли Байоннский договор о смене династии.

Отныне кортесам предстояло перестроить общественные отношения в стране, исходя из принципа верховенства нации. В этом и только в этом большинство депутатов видело спасение родины от окончательной гибели.

Депутаты остро ощутили величие и ответственность взятого ими на себя дела. Парламент заседал денно и нощно. Ораторы сменяли друг друга на трибуне. Увлекательно говорили они о близком подъеме отсталой страны, о воцарении справедливости и разума в государственном управлении, о грядущем народном счастье.

Это был медовый месяц кадисских кортесов. Многочисленные среди депутатов приверженцы старого не осмеливались еще поднять свой голос и выжидали, пока спадет мощный порыв энтузиазма, охватившего всех — депутатов, войска, жителей Кадиса и всего острова Леона.

Наконец кортесы приступают к систематическому законодательству: надо разработать ряд основных законов, которые устранили бы вопиющие уродства испанской жизни, а затем уже дать стране новую конституцию.

Левое крыло депутатов стало именовать себя сторонниками свободы, по-испански «либералес». Отсюда это крылатое слово проникло в политический словарь всех народов. Либералы кортесов относились с нескрываемым презрением к сторонникам абсолютной монархии, называя их «раболепными». Либералы, глашатаи идей испанской буржуазии, пробудившейся к политической деятельности, были глубоко враждебны клерикально-феодальным порядкам, на страже которых стали раболепные.

Впервые либералы скрестили оружие с раболепными по вопросу о свободе печати. Вождь либералов Аргуэльес доказывал депутатам:

— Разлившийся по Европе свет вышел из этой свободы. Народы возвышались в той мере, в какой пользовались ее благами. Кто противится свободе печати, тот плохой испанец!

Речь Аргуэльеса прерывалась оглушительными аплодисментами из лож для публики.

Один из священников вышел на трибуну и заявил, что свобода печати — враг религии. Нельзя выпускать газеты и книги без цензуры церковных властей.

Другой оратор призывал депутатов-церковников следовать примеру Христа, «который всегда побуждал к свободному обсуждению».

Сильнее всего на кортесы повлияли доводы либерального профессора Торреро:

— Мы установили ответственность правительства. Мы подчинили его нашему контролю. А сами-то мы разве непогрешимы? Или народ не имеет над нами такого же права надзора, каким мы пользуемся в отношении правительства? Только с помощью свободной печати народ может проверить нас и защищать себя как от возврата к самодержавию, так и от страшного стремления к республиканизму.

В последних словах отразились вся особенность народившегося испанского либерализма и глубокое его отличие от великого движения, охватившего за двадцать лет до того соседнюю Францию. Республиканизм был в глазах испанских либералов страшным покушением на «священные права монарха».

Закон о свободе печати приняли большинством двух третей голосов. Всем стало ясно, что в учредительных кортесах либеральные законопроекты восторжествуют, несмотря на козни и подвохи раболепных.

Тут, как гром с ясного неба, на кортесы свалилась большая беда: в Кадис пришли вести о том, что Наполеон собирается женить Фердинанда VII на какой-то австрийской эрцгерцогине и затем посадить его снова на испанский трон. Эта «близкая к истине версия находилась в вопиющем противоречии с романтическим образом беззаветно преданного родине принца. Как?! Фердинанд готов вернуться в Испанию подручным Наполеона!

Последние четыре дня 1810 года кортесы кипели и бурлили. Ораторы изощрялись в резких выражениях по адресу «монархов, забывших свой долг перед народом». Любопытно, что на этот раз атаковали раболепные.

Реакционер Боррул требует издания закона, в силу которого «уничтожались бы все акты, совершенные испанскими королями за время их пребывания во власти врага и вообще вредные государству».

Депутат Вальенте еще более прямолинеен:

— Фердинанд может жениться, но мы не пустим его в страну иначе, как на определенных условиях!

Многие раболепные отстаивали теперь «неоспоримое право и безусловную власть нации над особою и поступками своих монархов».

Вождь раболепных де ла Гуэрта развивает перед изумленными слушателями теорию о «короле именем народа» и настаивает на скорейшей разработке конституции:

— Тогда пусть пожалуют Фердинанд, Наполеон — хоть вся Французская империя!

Столь решительные речи в устах раболепных звучали весьма фальшиво. Весь их пафос рождался из страха, как бы Фердинанд не явился в Испанию с программой преобразований в наполеоновском, враждебном церковникам и феодалам духе.

На защиту Фердинанда от поношений раболепных поднялись правые либералы. Их вождь не жалеет

красок, чтобы изобразить невинную душу обожаемого монарха. Эту душу пытается уловить в свои сети «адское чудовище», «этот позор человечества» — Бонапарт. Аргуэльес буквально простирается ниц перед Фердинандом:

— У кортесов одно только желание — чтобы их возлюбленный государь вернулся свободным и был восстановлен своим почтительным и верным народом на прародительском троне.

В результате этих прений родился закон, упразднявший все обязательства, заключенные королем во время его пребывания в плену. «Нация признáет короля свободным и будет повиноваться ему лишь тогда, когда увидит его среди подданных, в кругу правительства, учрежденного кортесами». К этому еще добавлялось, что испанский народ «ни на мгновение не положит оружия и не примет предложения о мире до тех пор, пока не последует полного очищения Испании и Португалии от французских войск».

* * *

Кортесы заседают уже много месяцев. Они успели перебраться из Сан-Фернандо в Кадис. Парламентская работа по-прежнему протекает в атмосфере возбуждения. Борьба между сторонниками старины и поборниками прогресса не прекращается ни на минуту.

В середине 1811 года перед кортесами встает во весь рост земельный вопрос.

Защищая право на землю «святого подвижника — испанского крестьянина», либералы едва ли постигали, что судьба их партии, будущность конституции, что участь всей революции зависит от того, добьются ли они земельного передела. Новая Испания стояла или рушилась в зависимости от того или иного решения этой великой задачи.

К несчастью для страны, события развивались здесь иначе, чем во Франции.

Крестьянство, истекавшее кровью в борьбе с французским нашествием, не нашло в себе сил, чтобы

завладеть помещичьими землями. Крестьяне смутно надеялись, что землей их наделят кортесы...

Беспросветной была крестьянская жизнь! Еще во времена Годоя экономист Ховельянос обрисовал ее так: «Несчастные крестьяне ходят без обуви, одеты плохо, питаются овсяным и просяным хлебом. Очень редко бывает у них мясо. Спят они на соломе, живут в жалких лачугах. Их жизнь — беспрерывный тяжелый труд. Они работают до глубокой старости без надежды скопить что-нибудь и вечно борясь с нищетой».

Вот с этой-то вековой несправедливостью предстояло покончить кадисским кортесам.

Лучшие ораторы либералов рисовали перед депутатами картины сельской жизни одна другой мрачнее. Они обладали цифрами и фактами, и доводы их были неотразимы.

На трибуну поднимается горячий Гарсиа Герреро:

— Ничего более не нужно! — восклицает он. — Все достаточно ясно! Скажите только: долой все, прочь помещичье право с его последствиями! Неужели же дело требует более подробного обсуждения?

— Нет, нет, не требует! — несется со всех сторон.

Тут один из раболепных бросает:

— Если не обсуждать такого вопроса, то я не понимаю, зачем нам вообще что-либо обсуждать!

Это холодное замечание настраивает кортесы на деловой лад. Начинаются длительные прения.

В течение многих дней раболепные выступали с яростной защитой помещичьего землевладения и сеньоральных прав. Доводы крепостников не отличались большой убедительностью. «Помещичьи права и владения, — утверждали они, — одно из полезнейших установлений в государстве. Они служат опорой общественному порядку. Упразднение их приведет к анархии в государстве, к расколу и гибели нации: народ выйдет из повиновения, и рушится вся политическая система, создаваемая кортесами».

Эти «страшные» предсказания никого не пугали. Они вызывали лишь язвительный смех. Чтобы под-

крепить это пустословие, требовались более веские соображения. Но их у раболепных не было.

Достойную отповедь реакционерам дал тот же Геррерос. Левый либеральный депутат произнес большую страстную речь в защиту земельной реформы:

— Раболепные уверяют, что государство, лишенное сеньоральных привилегий, погибнет. Возможно ли более нелепое утверждение? В то время как испанские народные массы по собственному почину, исполненные великодушного геройства, поклялись скорее умереть, чем сдаться, когда нет жертвы, которую они не принесли бы для спасения отечества, — в это время выступают несколько лиц, которые поистине бесчестят этот народ, изумивший всю Европу своим геройством. И эти люди стараются ради своих несправедливых и беззаконных прав помешать испанскому земледельцу завоевать утраченное достоинство свободного человека!

И откуда эти права? С кем помещик заключил договор? Разве справедливость не против них? Эти договоры дают столько же прав, сколько их есть у скупщика ворованного платья перед лицом истинного владельца... Народ не просит милости, в которой вы вольны отказать ему. Не как раб к господину обращается он к вам. Он выступает с достоинством свободного человека и, как член государства, требует исполнения законов, им самим установленных в прошлые века!

И что может помешать нам удовлетворить требование справедливости? Неужели горсть людей заслуживает большего внимания, чем вся остальная нация? Неужели испанский народ должен убедиться, что следствием его геройских подвигов будет только необходимость возвратиться по изгнании врага к рабству и невежеству старого деспотизма, снова продавать свой скот для обогащения нескольких бар и попрежнему стонать под гнетом самых недостойных привилегий? Если бы народ это предвидел, он, конечно, выбрал бы других представителей, сердцу которых были бы ближе честь и достоинство нации.

Какая награда ждет победителей, если им

удастся отбросить врага за Пиренеи? — продолжал Геррерос. — Перед ними будут покинутые деревни, разрушенные дома, бесприютные, нищие семьи, поля, покрытые трупами друзей, пожертвовавших собою за свободу. Они выступят перед вами со страшным упреком. «Смотрите, — скажут они, — вот что отдали мы, чтобы сохранить за вами достоинство свободного народа. А вы что сделали для нас?»

В тот день, когда вы примете проект земельной реформы, испанский народ получит свою истинную свободу. С того дня начнется его политическое бытие. С того дня начнет царствовать закон, перед которым нет различия между грандом и угольщиком!

* * *

Два долгих месяца кортесы обсуждали земельный вопрос. За это время в либеральном лагере начался разброд. Образовались два течения. Либералы, представлявшие широкие мелкобуржуазные круги и, в частности, демократическую интеллигенцию, требовали не только отмены сеньоральных прав, но и отчуждения в пользу крестьянства помещичьих земель. Против них выступило правое крыло либералов, выражавшее интересы крупных торговцев и фабрикантов. Правые либералы не хотели ликвидации помещичьего землевладения и ратовали лишь за отмену устаревших феодальных привилегий.

Их программу изложил депутат Анер. Он начал «анализировать проблему». С одной стороны, стал рассматривать все помещичьи права и привилегии феодального происхождения: сеньоральные суды, монополии и другие; с другой — собственность на землю и связанные с нею доходы. По мнению этого крючкотвора, кортесы обязаны были немедленно отменить феодальные привилегии. Однако вопросы, связанные с владением землей, как утверждал депутат, не могут быть объектом вмешательства государственной власти. Они якобы относятся к области частного права. Их следует изучать на основе старинных соглашений землевладельцев с королями. «Но во

всяком случае, — закончил Анер, — отчуждение помещичьих земель возможно только при условии соответствующего вознаграждения».

На эту точку зрения стало большинство депутатов. За нее голосовали правые либералы. Ее приняла, как наименьшее зло, и большая часть раболепных.

Так родился земельный закон кортесов от 6 августа 1811 года. Он освобождал крестьян от тягостных феодальных повинностей, но не давал им земли.

Поместные дворяне и церковники стали отныне заклятыми врагами либерализма и всех его государственных мероприятий. Но и среди крестьянства либералы не приобрели популярности. Крестьянская масса, разочарованная в своих надеждах, охладела к кортесам.

* * *

Замечательным делом учредительных кортесов была Кадисская конституция 1812 года — первая испанская конституция, ставшая в последующую эпоху Реставрации боевым знаменем многих освободительных движений в Европе.

Создавая свою конституцию, депутаты кортесов широко использовали идеи, оставленные последующим поколениям революционными движениями в других странах.

Сильнейшее влияние оказала на испанских либералов декларация прав, провозглашенная за двадцать лет до того революционной Францией. Как пишет К. Маркс в статье «Революция в Испании», «конституция 1812 г. представляет воспроизведение древних «fueros», понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам нового общества».

Кортесы писали эту конституцию в течение долгого времени. Над текстом ее работала особая комиссия, в которой вожди либералов состязались с вождями раболепных. Желая привлечь к проекту конституции внимание лучших умов страны, кортесы издали особый закон, призывавший всю нацию к участию в его составлении.

Первые статьи Кадисской конституции — гордое утверждение суверенных прав народа: «Испанская нация свободна. Она не есть и не может быть наследием никакой фамилии и никакого лица». «Нация обладает верховной властью. Ей исключительно принадлежит право устанавливать основные законы».

Все усилия мракобесов оказались тщетными. Статьи конституции о верховенстве народа были приняты подавляющим большинством.

Но за этой победой прогрессивного лагеря последовало его поражение. Статья 14-я гласила: «Религия испанского народа есть и всегда будет католическая, апостольская и римская — единственная истинная религия. Нация охраняет ее мудрыми и правыми законами и воспрещает исповедание какой-либо иной». От этой статьи веет духом религиозной нетерпимости. Она — полновесный ответный удар церкви за дерзновенное установление политического суверенитета народа.

Текст Кадисской конституции очень длинен — в ней триста тридцать четыре статьи. Перечислим основные ее положения.

Законодательная власть, говорится в конституции, принадлежит кортесам и королю; исполнительная — одному королю. Однако дальнейшие статьи сводят роль короля преимущественно к представительству и отдают политическое и административное руководство страной кортесам.

Выборы в кортесы производятся через каждые два года. Король не может ни отсрочить, ни распустить кортесы. Кортесы заседают три месяца в году. На остальные девять месяцев они назначают Постоянную депутацию из семи членов. Депутация обязана следить за выполнением законов. Она правомочна созвать чрезвычайные кортесы, когда найдет это необходимым.

Король имеет право два раза кряду отклонять решение кортесов. Если же кортесы в третий раз примут это решение без изменений, оно становится законом, несмотря на несогласие короля.

Конституция уполномочивает кортесы наблюдать за королевской семьей. На их одобрение должна представляться программа воспитания наследника престола. Без их согласия король не может ни вступить в брак, ни выехать за пределы Испании.

Король сам выбирает министров, но кортесы предписывают им программу действий и проверяют ее выполнение. Министры уходят в отставку при неодобрении их действий кортесами. Помимо кабинета министров, при короле должен состоять Государственный совет, членов которого в числе сорока король выбирает из ста двадцати кандидатов, рекомендуемых ему кортесами.

Таким образом, взаимоотношения между королем и парламентом устанавливались на основе контроля народного представительства над монархом. Дав кортесам первенствующую роль в государстве, творцы конституции пожелали оградить депутатов от всяких низменных соблазнов и от возможности злоупотребить своим влиянием. Конституция запрещала депутатам принимать какие бы то ни было посты и награды. Мало того, ни один депутат не мог быть переизбран в кортесы следующего созыва.

Достойны внимания разделы конституции, определяющие устройство судов, местного управления, народного образования, армии, податного дела. С конституцией в эти затхлые области врывалась свежая струя новых идей и порядков. Создавалось местное самоуправление, вводились равенство налогового обложения, всеобщая воинская повинность, судебные гарантии. Конституция устанавливала всеобщее обучение и обязанность государства преобразовать всю школьную систему.

Наконец конституция провозглашала уравнение в правах испанцев американских колоний с испанцами метрополии. Устранялась многовековая несправедливость. Однако уже в то время, когда писалась конституция, Южная и Средняя Америка были охвачены брожением и стремились отделиться от Испании: равноправие приходило к ним слишком поздно.

Кадисскую конституцию обнародовали в середине марта 1812 года. Несмотря на противодействие французских военных властей, она проникла во все углы Испании. Всюду ее встречали с ликованием.

В самом Кадисе с необычайной торжественностью и подъемом приносили присягу новой хартии депутаты, члены регентства, войска и жители. Клятвенно поднимались руки, горели новой верой глаза. Колокольный звон и пушечные салюты сливались с яростным гулом французских осадных орудий.

III

У КОСТРА

Незабываемый для Риэго день.

На площади университета длинной шеренгой выстроились студенты-добровольцы. К ногам приставлены ружья, за плечами солдатские ранцы. Многие не успели расстаться с плащами, с астурийскими беретами. Еще недавно этими медиками, агрономами, богословами владели мечты о выгодном месте, богатом приходе, влиятельном покровителе. А ныне все это — уже далекое прошлое. Они — солдаты. Студенты откликнулись на зов астурийской хунты, покинули аудитории и библиотеки, чтобы помочь родине отразить вторгшегося врага.

В ожидании смотра юноши застыли в воинственных позах.

Впереди небольшая группа офицеров. Будущие командиры добровольческих рот получили офицерский чин только несколько дней тому назад. Их выпустили из военной школы Овьедо досрочно, осенью 1808 года, ввиду чрезвычайных обстоятельств. На них треуголки, отороченные золотым галуном, подбородки подперты тугими, еще не обмятыми воротниками мундиров, топорщатся новенькие эполеты.

Лейтенант Рафаэль Риэго нервно мнет перчатки, поминутно поправляет шпагу. В толпе собравшихся на площади горожан он ищет глазами отца. В ожидании капитан-генерала, медлящего явиться на смотр, Рафаэль подходит к лейтенанту Педро Галану, другу детства, идущему вместе с ним в поход.

— Послушай, Педро, уверен ли ты, что мы выступим сегодня вместе?

— Да, я узнал об этом у коменданта. Главные силы Блейка сосредоточиваются в Бискайе против правого фланга Лефевра. Туда идут пополнения из всей Астурии. Было бы большой неудачей, если бы мы с тобой расстались, Рафаэль!

Слова друга вызывают на лице Рафаэля выражение добродушного лукавства.

— А как ты думаешь, Педро, будет у нас там время поспорить, как в последние месяцы? Я ведь не потерял надежды убедить тебя...

— Нет уж, пожалуй, война не оставит досуга для словопрений. Поешь, поспишь — и в драку... А вернее всего, драка без еды и сна.

— Тысяча чертей! Знаешь, Педро, я хотел бы взять с собой надгробную свою надпись. Так, кажется, делали греки, когда шли на войну. Составь-ка живо, друг, эпитафию для меня.

— Что ж, это не трудно: «Здесь покоится прах сеньора дона Рафаэля дель Риэго-и-Нуньеса, астурийского дворянина, лейтенанта королевских войск. Покойный был горячим поклонником французских якобинцев и пал, защищая трон отечественного тирана. Упокой, господи, его душу, а заодно и путаницу в его голове».

— Педрито, милый, я не останусь в долгу. Получай надпись и на свой камешек: «Дон Педро Галан, сын почтенного купца, лейтенант астурийского полка. Покойный восхвалял иноземного узурпатора и пал от пули его солдата. Упокой, боже, душу испанца, сберегшего честь вопреки своей воле».

Не успели друзья вдоволь посмеяться, как запели трубы, затрещали барабаны. На площадь пожаловал,

наконец, капитан-генерал. Начался смотр полка астурийских волонтеров.

Назавтра полк двинулся в поход — на восток, в сторону Бискайи.

* * *

Долгие переходы, бои, поражения...

Командующий армией Блейк угрюм. Как улитка раковину, тащит он за собой свою неизменную неудачу. Десятки данных и принятых сражений кончаются разгромом, потерей людей, территории, вооружения.

Кто только не бил Блейка! В октябре 1808 года его трепал в Бискайе Лефевр, через месяц у Бургоса и Эспиносы армия подвернулась под тяжелую руку Бонапарта. Остатки войск совершили длинный переход на восток, в Каталонию. Пополнив там свою армию свежими частями, генерал выступил навстречу Сен-Сиру и, разбитый у Санта-Коломы, снова бежал.

Но Блейк упрям и неутомим. Еще и еще раз пытает он счастье, собирает силы, формирует полки, ободряет офицеров. Такая настойчивость в конце концов располагает к нему подчиненных.

Риэго сначала негодовал на неудачи. Во всем винил он Блейка. Чтобы заглушить мучившую его тревогу, просился в опасные дела, дрался с яростью отчаяния.

Но постепенно Рафаэль научается видеть войну такой, как она есть. Поражения неизбежны, потому что враг сильнее. Долг преданного родине военачальника в том, чтобы ни на минуту не прекращать борьбы, вцепиться зубами в противника, не выпускать его, несмотря ни на что.

Такие мысли примиряют молодого офицера с командованием. Совершая со своей ротой бесчисленные переходы, Рафаэль на собственном трудном опыте постигает, что главное достоинство воина в физической выносливости. Не раз вспоминает он с благодарностью, как отец уводил его в долгие скитания по горам.

Бодрым шагом впереди своей части идет и идет Риэго по тяжелым пиренейским дорогам, подбадривает людей надеждой на конечную победу и на близкий привал.

Так протекает долгий год. В середине 1809 года армия Блейка совершает попятное движение — из Каталонии в Арагон. Прокопченный в пороховом дыму Риэго «за проявленную в боях храбрость» произведен в подполковники и командует батальоном.

Старый Блейк проявляет свое расположение к Риэго неизменным образом — дает ему самые рискованные поручения. Рафаэль потерял счет арьергардным боям, разведкам в тылу противника, ночным атакам. Командующий не скупится и на награды. Часто отмечает он в приказах боевые заслуги молодого офицера.

Армия подошла к Бельчите и развернулась против сил генерала Сюше. Перед батальоном Риэго — биваки французских гусар.

Рафаэль обходит своих людей. На следующий день предстоит тяжелое дело.

На рассвете завязалось сражение. При поддержке кавалерии батальон Риэго врезается во вражеское расположение и атакует батарею на холме. Битва протекает благоприятно для испанцев.

Но в самый разгар боя приключилась беда: в артиллерийский парк попала французская бомба. С грохотом летят в воздух снарядные ящики. В рядах испанцев паника. Потерявшие голову солдаты разбегаются во все стороны.

Когда Риэго удалось собрать часть своих людей, он не мог найти ни штаба, ни старших своих начальников. По равнине в поисках остатков разбитой армии рыскали французские отряды. Надо было убираться поскорее прочь из долины Эбро.

Риэго уходит на север, в горы, где, как он слышал, оперирует Реновалес. С несколькими солдатами совершает он ночные переходы, скрываясь днем на чердаках крестьянских домов. На седьмой день измученные люди добираются до монастыря Сан-Хуан, главной квартиры герильеров генерала Реновалеса.

* * *

— Вы вчера просто-напросто спрятались... ушли в монастырь, когда допрашивали этого офицера из польского легиона. А ведь вам следовало самому допытаться, кто сейчас командует французами в Хаке. Должен вам сказать, что от своего помощника я ждал большего...

Риэго молчит. Он чувствует себя виноватым. Но, черт возьми, разве Реновалес не видит, что не его дело допрашивать пленных, вырывать у них показания?! Пусть поручает такие дела доминиканцу — тот опытный инквизитор.

Длится неловкое молчание. Постепенно с обветренного лица генерала сходит выражение начальственной строгости. Он даже улыбнулся, глядя на порозовевшее лицо Рафаэля. «Занятный юноша... Только, пожалуй, слишком чувствителен для штаб-офицера и герильера...»

— Кстати, подполковник, я еще не имел случая поблагодарить вас за это последнее блестящее дело... в долине Ронкаля. Ловко же вы заманили драгун в засаду! Примите это признание от старого солдата. Только вот что, молодой человек: советую вам забыть некоторые правила поведения, не пригодные для такой борьбы, какую мы ведем.

Реновалес на минуту смолкает, забавляясь удивлением Риэго.

— Хотите послушать, как я оказался здесь, на вершине Сан-Хуана? Когда французы захватили монастырь Сан-Хосе, я попал к ним в лапы. Нас, пленных, везли во Францию. У границы, в Памплоне, меня отпустили на полчаса... под честное слово. С того момента они меня больше и не видели. Так что же? Вы, может быть, скажете, что генерал Реновалес опозорил себя?

Но и на этот раз Рафаэль не проронил ни слова.

— Знайте же, подполковник: партизанская борьба имеет свои законы. Наша цель — вредить врагу. Самые энергичные средства мы вправе считать наилучшими.

* * *

Рафаэль спускается с вершины. Солнце уже склонилось к закату — надо поспешить. Вчера крестьяне видели сильные отряды французов в пяти лигах от лагеря... Они имеют обыкновение нападать по ночам, идя на огонь в горах. Нужно будет выставить дозоры подальше от костра.

Впервые он оказался так близко от Овьедо. Можно бы пробраться переодетым в занятый врагом родной город... Нет, нельзя ни на день оставлять отряд!

Неужели только четыре года прошло с тех пор, как он покинул эти места?.. Нити воспоминаний спутались. Как разобраться в их клубке?

...Четыре раза Риэго возвращался в ряды регулярной армии. После поражений уходил в недоступные французам места, собирал крестьян, водил отряды герильеров. Бился на всем протяжении пиренейских склонов, в степях Кастилии и Эстремадуры...

За поворотом горной тропы открылся лагерь — полсотни людей среди возов и мулов. До чего же пестры одежды!.. Риэго недоволен собой — какая беспечность! Разряженных как актеры бойцов французы увидят в подзорные трубы даже и за пять лиг. Надо хотя бы красные пояса заменить солдатскими ремнями.

Зоркий глаз командира замечает среди герильеров чужого. Он инстинктивно останавливается. Почему нарушили запрет вводить в лагерь посторонних?!

После короткого размышления он ускоряет шаг. Это не иначе как гонец от патриотов Овьедо.

Через минуту он крепко обнимает своего старого друга Галана.

Риэго счастлив, как дитя. Не знает, куда получше усадить дорогого Педрито, потчует его партизанской похлебкой и добычей герильеров — добрым французским вином.

Галан принес в лагерь много лекарств, корпии. Отец Пабло, духовный пастырь и лекарь отряда, горячо благодарит патриота из Овьедо за заботу о воинах.

На многие вопросы Педро отвечает уклончиво, косясь на герильеров, собравшихся у котла с похлебкой.

Темная, сырая ночь нависла над горами. Под скалистым сводом разложили костер. Огонь не отсвечивает кверху и может быть виден только с юга, но туда французы еще как будто не добрались.

Поев, бойцы один за другим укладываются вокруг костра и, закутавшись с головой в плащи, засыпают. Бодрствуют немногие. Из окружающей тьмы доносится приглушенная песня и вторящий ей звон струн. Слышен голос беседующего с герильерами отца Пабло.

Риэго и Галан одни. Подперев подбородки ладонями, уставившись на пылающие головни, друзья шепотом делятся своим сокровенным.

— С того самого несчастного боя у Бельчите я ломал себе голову, что могло статься с Педро Галаном. Надеялся, что ты где-нибудь в горах партизанишь, как я...

— Я ушел тогда из-под Бельчите с простреленным плечом. Рана загноилась. Еле живой, в лихорадке, добрался до Овьедо. Материнская забота поставила меня снова на ноги.

— А затем?

— Затем я сказал себе, что ни святая инквизиция, ни католический король Фернандо Седьмой не стоят того, чтобы сложить за них голову.

Риэго нахмурился, строго взглянул на Галана:

— А испанский народ? Он стоит такой жертвы?

— Знаешь, Рафаэль, когда посланный тобой в Овьедо герильер рассказал в хунте, кто командует отрядом, я, рискуя головой, пробрался в эти горы, чтобы повидать тебя. Завтра вернусь обратно. Ну стоит ли тратить этот единственный вечер на старые споры?

— Погоди, погоди, Педро! Я три долгих года не выхожу из боев... Невыносимо думать, что испанец может усомниться в правоте дела, за которое я борюсь — если только это не предатель...

— О, дьявол!.. Если тянешь меня за язык, то уж скажу тебе все, что думаю. Я понимаю, куда ты клонишь. Ты называешь тех, кто служит Жозефу, преда-

телями. Видно, ты не знаешь, кто побывал в Байонне и принес ему присягу.

— Присягу в Байонне? Поставь любого из них на суд народа — и его повесят на первой же осине, как Иуду Искариота!

— Ты забываешь, Рафаэль, у Жозефа в министерстве Кабаррус, Льоренте, Камбонеро! Они любят Испанию не меньше, чем ты и я.

— И все же хотят увлечь Испанию на путь, гибельный для народа! Вот поэтому они изменники вдвойне! Ты вот говоришь — инквизиция. Спустись отсюда в любую сторону, и в первой попавшейся деревушке увидишь на дверях церкви декрет кортесов об упразднении инквизиции и конфискации ее имущества в пользу народа.

— Такой же закон издал и Жозеф! Но дело не только в инквизиции. Я, Рафаэль, чувствую врага в любом испанце в рясе. Я больше якобинец, чем ты.

— Якобинцы? — усмехнулся Риэго. — Некстати ты на них ссылаешься. Святым своим долгом якобинцы почитали борьбу с нападением иноземцев на Францию... Но у нас не то, что во Франции. Ты знаешь, как в испанском народе укоренилось католичество. А сколько испанцев в рясах пало в боях с французами!

— Можно сражаться бок о бок и быть непримиримыми врагами. Все дело в том, во имя чего борешься... Монахи и падре, даже и те, что в рядах герильи, хотят повернуть Испанию вспять! Это ясно, как день, и не в твоих силах переубедить меня. Они верховодят и в кортесах. Этот парламент замарал свои скрижали клятвой верности католичеству.

— Да, да, скрижали...

Риэго привстал. Дрожащей рукой извлек из внутреннего кармана мундира свернутые в трубку печатные листы.

— Вот... Видишь... — голос плохо слушался его. — Это стоит всех перенесенных мук! Только слепые кроты не видят поднявшегося солнца!.. Только холодные сердцем не греются в его лучах! Ну что ж, здесь, может быть, есть ошибки. Но впервые за долгие века Испания получила закон. Понимаешь ты — великий

закон!.. Когда я читаю его, мне слышится голос всей нашей земли, я вижу родину счастливой... Вот этим мы опрокинем узурпатора, а потом обуздаем и отечественных тиранов!

Помимо своей воли, скептический Галан на мгновение увлечен страстной верой Риэго.

Рафаэль продолжает:

— Ты постоянно указывал мне на короля и церковь... А я отвечал — народ, независимость! В конституции испанцы обрели главенство над династией. Дорога к деспотизму закрыта навсегда. Фердинанд Седьмой присягнет конституции на границе — иначе мы не пустим его в Испанию.

— Скоро ли это произойдет, Рафаэлито?

— День нашей победы близок! Французы уже не те. Говорят, Жозеф и его маршалы укладывают в сундуки добычу — церковные драгоценности и картины из дворцов. Пусть не забудут прихватить с собой и офранцуженных предателей!

— Но их много, десятки тысяч...

— Хоть бы и сотни! В новой Испании им места нет.

— Пусть так... Но ты, сеньор Риэго, щедро наделяешь своей верой всех испанцев. А сами-то они? — Педро уже обрел прежнее ироническое недоверие к восторгам своего друга. — Знаешь ты хотя бы герильеров своего отряда? За кем они пойдут после победы — за тобой или за отцом Пабло? Уж он-то едва ли носит конституцию у своего сердца... Вот пойдем послушаем, о чем он беседует с герильерами в такой поздний час.

— Что ж, подойдем к ним.

В неверном свете поднявшейся луны Риэго и Галан увидели сидящих кружком герильеров.

Отец Пабло задает вопросы, бойцы отвечают на них.

Вопрос. Скажи мне, мой сын, кто ты такой?

Ответ. Испанец милостью божией.

Вопрос. Что такое испанец?

Ответ. Честный человек.

Вопрос. Какие обязанности испанца и сколько их?

Ответ. Три: быть добрым христианином, защищать

свою веру, отечество и короля, скорее умереть, чем пасть духом.

Вопрос. Кто наш король?

Ответ. Возлюбленный господом Фердинанд Седьмой.

Вопрос. Как он должен быть любим?

Ответ. С величайшей горячностью, как того заслуживают его несчастье и добродетель.

Вопрос. На что должны мы возлагать наши надежды?

Ответ. На бога и на усилия нашего отечества.

Вопрос. Что такое отечество?

Ответ. Собранное воедино множество людей, управляемых королем и имеющих одни законы.

Вопрос. Что такое храбрость?

Ответ. Душевная сила, ожидающая терпеливо, спокойно и благоразумно случая одержать победу над врагом.

Вопрос. С какими намерениями идем мы в сражение?

Ответ. Умножать славу народа, защищать наших братьев и спасать королевство и законного короля.

Вопрос. Что руководит политикой испанцев?

Ответ. Правила, предписанные нам господом нашим Иисусом Христом.

Вопрос. Кто враг нашего благополучия?

Ответ. Император французский.

Вопрос. Какого он естества?

Ответ. Двоякого: дьявольского и человеческого.

Падре извлекал из своей памяти все новые вопросы. Но Галан уже тащил друга в сторону. Он был сыт по горло поповским катехизисом.

— Вооружась такими идеями, воевать, может быть, и не плохо. Но что будет потом?.. Возлюбленный господом Фердинанд! Как можно того, кто любим самим богом, заставить присягнуть конституции, творению человеческих умов?!

Риэго не разделяет этих опасений:

— Пойдем-ка теперь к нашей молодежи. Там нет ни священника, ни катехизиса, и ты сразу обретешь душевное спокойствие.

В противоположном конце лагеря, взобравшись на высокий камень, восседала молоденькая девушка. На траве у ее ног сидели и лежали молодые герильеры. Один из них перебирал струны гитары.

Лола Галисианка хороша собой. Копну светло-рыжих волос стягивает завязанный сзади платок, с плеча свисает расшитая бисером бархатная безрукавка. Широкие штаны вдеты в сапоги со шпорами.

Галан возмутился:

— Зачем здесь женщина? Она ходит за ранеными? В таком случае вели ей надеть хоть достаточно длинную юбку, если не облачение монахини.

— Эта галисийская крестьянка — смелый боец!

— А! Новоявленная Жанна д'Арк?

— Да, Педро. В одну из ночей, когда ты мирно почивал в занятом французами Овьедо, Лола подорвала мост перед самыми мордами вражеских коней. Это было у Бургоса, нас преследовали гусары Мюрата. Отряд был спасен, но ей это стоило тяжелой раны! И я мог бы рассказать тебе еще многое о нашей бесстрашной галисианке. Но послушаем лучше песню.

Маленький смуглый андалузец с иссиня-черными блестевшими под луной волосами перебирал струны, бросая нежные взгляды на златокудрого собрата по оружию:

Два алых лепестка
Твои уста, малютка.
Я жду, чтобы сквозь них
Мне прозвучало: «Да».
Одним лишь волоском
Меня ты привяжи, —
Коль и порвется он,
Поверь, я не уйду...

Гулкий выстрел прокатился в горах многократным эхом.

— К оружию! — кричит Риэго.— Стреляют с нижнего дозора!

Герильеры со всех сторон бросаются к повозкам. Слышна беспорядочная стрельба.

Не прошло и минуты, как в лагерь с ружьями наперевес ворвались французские гренадеры.

«Застали врасплох! — мелькает в голове Рафаэля. — Боже, сколько их!..» Он успевает отыскать пистолет и шпагу.

— За мною, спиной к скале! — командует он. — Сюда, Галан!

— Да здравствует император!

Французы атакуют повозки, за которыми заняла позицию большая часть герильеров.

Завязывается неравный бой. Многие не смогли добраться до ружей. Они отбиваются лопатами, ломами — всем, что ни подвернулось под руку.

В тени скалы рядом с Риэго его друг. Лишь мгновение стоят они впереди горсти бойцов — один со шпагой, другой с пистолетом. Их еще не заметили. Но ждать больше нельзя, надо выручать тех, что у повозок.

— Вперед, во имя Испании!

Риэго устремляется в гущу схватки. Нападающие не ожидали удара с тыла. Они подаются назад, оборачиваются. Видят десяток противников и набрасываются на них.

Медленно отступает Риэго со своими людьми обратно к скале. Французы стреляют почти в упор. Вот упала, вскинув руками, Лола. Еще трое осталось на пути отступления.

«Неужели конец?» Рафаэль быстро оглядывает своих. «Четверо...» Он видит, как оседает вниз Галан.

— Педро, друг!

Пытается поддержать Галана, наклоняется к нему. Оглушенный ударом приклада, валится с ног. У виска дуло вражьего пистолета. Рафаэль закрывает глаза. «И я с тобой, Педрито...»

— Стой! Этого офицера — в штаб! — кричит кто-то над ним по-французски[1].

---

[1] Сведения о жизни Рафаэля Риэго в период освободительной войны 1808—1814 годов отрывочны и противоречивы. Некоторые авторы склоняются к версии о раннем его пленении — в 1809 году, другие же приводят факты, свидетельствующие об его участии в герилье и захвате его французами только весною 1812 года. Последнее кажется нам более правдоподобным.

IV

ПЛЕН

— Дон Рафаэль, послушайтесь совета соотечественника, оставьте ваше упрямое «нет»! Вы успели восстановить против себя всех офицеров лионского лагеря. Что толку в вашем упорстве, когда из пленных уже сформирован испанский легион?

С удивлением смотрит Риэго на новое начальство. Впервые с ним говорят на его родном языке.

Испанец в форме французского офицера протягивает Рафаэлю номер официального «Монитера» и показывает обведенное красным место:

— Смотрите, сам бывший король, имя которого написано на знаменах ваших бунтовщиков, просит императора оказать его брату дону Карлосу честь, от которой вы так неразумно уклоняетесь.

Риэго берет, почти вырывает у него из рук газету.

— Вас, может быть, затрудняет французский текст?

— Не настолько, чтобы не разобраться.

Читая медленно, по слогам, Рафаэль вникает в смысл опубликованного в газете письма. В подобострастных выражениях Фердинанд просит Наполеона предоставить дону Карлосу командование одной из дивизий великой армии, сосредоточенной в Польше против России.

Комендант этапа отводит глаза от посеревшего лица офицера. Надо поскорей покончить с этим...

— Сеньор Риэго, три месяца вы терпите немалые лишения. Но что тут поделаешь? Франция напряжена в последнем усилии, и ее великодушие в отношении вас может выразиться только в забвении прошлого и предложении боевого содружества.

Риэго не слушает. Он нервно теребит жесткую, всклокоченную бороду, трет шершавой ладонью воспаленные глаза.

Это удар в спину... Вся непомерная низость Фердинанда на мгновение встает перед его внутренним взором.

Далекая, утраченная родина, терзаемая полчищами Наполеона... Бойцы, истекающие кровью во имя верности «Желанному»... А здесь «Желанный» просит чести водить эти полчища!

Но это только минутное прозрение: правда слишком горька и жестока, чтобы принять ее. «Не может этого быть! Они составляют подложные документы, чтобы поколебать испанскую верность...»

А тюремщик вкрадчиво продолжает:

— Мы знаем, дон Рафаэль, о ваших военных талантах. Вас ждет лучший батальон легиона.

Если бы возмущение и гнев имели материальную силу, они испепелили бы этого презренного перебежчика, Рафаэль вкладывает весь жар своего сердца в слова, которые он бросает в лицо офранцуженному:

— Нет, нет и нет! Вы слышите: нет!

* * *

О Риэго забыли.

Немногие пленные, не пожелавшие вступить в ряды французской армии, оказались предоставленными самим себе. Им не досаждали строгостями. Требовалось только присутствие на утренней перекличке и ночевка в казарме.

Пленные добывали себе пропитание кто как мог. Герильеры из крестьян вырезывали свирельки и на перекрестках улиц протягивали их прохожим. Кто половчее, накладывал руку на чужое добро. Несколько горячих голов затеяли побег, но их поймали и подвергли жестокой порке.

Риэго с трудом оторвался от одолевавшей его мысли о побеге. Взяло верх благоразумие: граница далеко, по-французски говорит он плохо — никаких шансов на успех.

Просить милостыню или воровать он не мог. Он стал предлагать на рынках хозяйкам донести до дому корзины со снедью. Но лионские матроны шарахались

от оборванного бродяги с заросшим лохматой шерстью лицом. Его выталкивали с барж, пришвартованных к набережным Роны: «Обойдемся своими оборванцами!»

Однажды он взялся вычистить выгребную яму. Румяный домовладелец с золотыми брелоками на круглом животе пообещал целый франк. Рафаэль выполнил работу, но в награду получил здоровенного пинка в спину: по характерной, отягченной на испанский лад речи почтенный буржуа узнал в нем военнопленного. Риэго пробовал настоять на уплате, но француз раскричался, стал грозить полицией.

Риэго жестоко голодал и еле волочил ноги.

В дождливый осенний день стоял он, прислонившись к фабричной стене, охваченный непреодолимой слабостью. За двое суток он проглотил лишь несколько ложек капустного навара, которым его угостил под городским мостом сердобольный бродяга.

Тяжелая рука опустилась на плечо Рафаэля, чуть не повалила его наземь.

— А, гидальго, дон Дуэро-Кабаллеро-Артиллеро, работы ищешь? Пойдем, пойдем! Больно ты отощал, братец, но работа у меня не тяжелая. Я сегодня же сделаю из тебя блузника. Только сбрось с себя это подобие мундира, а то мне все будет казаться, что это ты всадил мне пулю вот сюда!

Фабричный мастер весело хлопнул себя по ляжке.

— Видишь, хромаю... От одного взгляда на твои испанские лохмотья могу взбеситься, как подколотый бык на мадридской арене.

Пока дошли до ворот, словоохотливый лионец успел рассказать Рафаэлю историю своего похода за Пиренеи, присовокупив собственные политические воззрения и оценку событий на русском фронте войны.

Риэго стал подметальщиком на шелкоткацкой фабрике. Отношения между ним и неожиданным благодетелем были просты и надежны: мастер забирал себе половину его заработка. Но гроши, перепадавшие Рафаэлю, казались ему большим богатством. Он ел

Каста Альварес, бесстрашная защитница Сарагосы (Национальная библиотека, Мадрид).

«На это тяжело смотреть!» (Ф. Гойя).

каждый день и даже купил у старьевщика рабочую блузу.

Наконец-то угомонился зверь, терзавший острыми когтями его внутренности. Но место голода заступили душевные муки.

Возвращаясь в казарму после двенадцатичасовой работы, Рафаэль не находил себе покоя. Пыткой было чтение военных реляций французской штаб-квартиры в Мадриде. Орудовать метлой, когда, быть может, решаются судьбы Испании!

По утрам, торопливо ополаскивая бледное от бессонницы лицо, Риэго думал с тоской: «Еще один зря потерянный день!..»

Однако никогда еще не приходилось ему так много и плодотворно размышлять над жизнью. Чужая страна, незнакомый народ, новая среда — фабричный рабочий люд. Националистические предрассудки уступали место суждениям, основанным на жизненном опыте.

Каким откровением для Риэго было отношение к нему французов-мастеровых! «Проклятые французы» не питали вражды к «проклятому испанцу». Дружески посмеиваясь над его неловкой французской речью, они часто помогали советами, нередко делили с ним скудный свой завтрак, звали после работы к себе. Отзывчивое сердце Риэго платило этим простодушным людям привязанностью.

Но в мыслях его было смятение. Как же так? Французы — насильники, и французы — его добрые друзья. Война за освобождение от лютых врагов — а эти враги при близком с ними знакомстве оказались такими же простыми, незлобивыми людьми, как и его соотечественники.

Разброд в мыслях рождал смутное, но тягостное нравственное недомогание. Рафаэль не мог сам справиться с ним. Излечить его могли люди теорий, системы. Как калека за костыль, ухватился Риэго за учение масонов, которое, казалось ему, даст ответ на все недоуменные вопросы.

То была иллюзия. Но, поддавшись ей, Риэго пошел за многими лучшими людьми своего времени.

* * *

XIX век унаследовал идеи и организацию масонского движения от далекого прошлого. В городах средневековой Шотландии, в ремесленных цехах строителей храмов и замков зародились мистические обряды «вольных каменщиков». Отсюда они быстро распространились по Англии, а затем разнеслись по всем странам европейского континента. Масоны считали себя хранителями древних преданий и даже создали фантастическую легенду, возводившую истоки масонства к древнему Египту, к учению Зороастра, к библейским сказаниям.

Масонство выражало стремление многих представителей ремесленного и торгового сословия, некоторых групп дворянства уйти, укрыться от мертвящей опеки официальной церкви. Масонские ложи стали бороться с воинствующей нетерпимостью и свирепыми канонами католицизма. Они противопоставляли им более терпимые, более гуманные, более демократические правила общественного и личного поведения. Масонские уставы «объединяют людей, имеющих одинаковые нравы и привычки, одинаково мыслящих... При помощи символов, тайных обрядов и знаков масонство собирает свободомыслящих людей, помогает им выполнять их долг в отношении ближних... Оно имеет целью нравственное совершенствование человека, прививает ему начала веротерпимости, братства, благотворения... Масонство признает существование бога, бессмертие души и человеческую общность».

Эти смутные, противоречивые и весьма наивные религиозно-нравственные идеи, в которых средневековая мистика сочеталась с просветительско-демократическими тенденциями, позволили собраться под гостеприимным кровом масонских лож самым различным, социально далеким, а часто и классово чуждым друг другу представителям тогдашнего европейского общества.

Мощные социальные движения, потрясавшие Европу на рубеже XVIII и XIX веков, должны были неизбежно приводить к длительному кризису политиче-

ски инертного масонства, взрывать его изнутри. Рамки «нравственного самосовершенствования, самопознания и самовоспитания» оказались слишком тесными для выходцев из восходящих классов общества, а также для многих передовых дворян, жаждавших сокрушения феодализма.

Когда пришла пора создания политических организаций для борьбы с абсолютизмом, от масонства отделились и с ним порвали многочисленные масоны, создавшие затем свои тайные политические общества. В Италии и во Франции зародилось мощное движение карбонариев, в немецких землях — Тугендбунд.

Примерно так же эволюционировали и тайные общества в Испании. В атмосфере растущего антифеодального и противоабсолютистского движения от масонов стали отпочковываться тайные общества передовых офицеров — военные хунты. Их непосредственной задачей стала организация военного переворота.

* * *

Посвящение Риэго в тайны масонства началось с того дня, когда ему случилось помочь молодому торговцу Потезу грузить в фургон шелковые ткани. Любезный француз пригласил подметальщика распить с ним в кабачке бутылку бургундского.

Было ли тому причиной хорошее настроение торговца, или ему понравился новый знакомый, но Потез разоткровенничался, стал разглагольствовать о всемирном братстве каменщиков, о борьбе со злом, о нравственном совершенствовании.

Рафаэль слушал с великой жадностью. Он попросил Потеза о новой встрече.

Потез был в масонской ложе еще только учеником. Ученик мог стать подмастерьем лишь после того, как даст братству пять новообращенных. Поэтому торговец охотно согласился продолжить эти беседы и только просил Рафаэля держать их в тайне.

Когда за стаканом доброго вина Потез говорил своему новому приятелю, что война между народами затеяна злыми людьми, что всемирное братство ка-

менщиков установит вечный мир на земле, что все люди — братья и должны объединиться в борьбе со злом, Рафаэль воспринимал эти наивные истины как великое откровение.

— Если бы, — потрясал Потез своим стаканом, — испанцы и французы познали свет масонского учения, оружие выпало бы из их рук, и они бросились бы друг другу в объятья!

Масонские идеи падали на девственную почву. Но Рафаэль готов был спорить со своим учителем, когда тот принимался восхвалять Наполеона, лучшего, как он утверждал, друга масонов.

— Император,— декламировал Потез, — повсеместно учреждает масонские ложи, и его победа над врагами Франции будет великим торжеством масонства!

Риэго ежился, как если бы за ворот ему попала капля холодного дождя. Про себя он решал, что Потез, конечно, ошибается. Он ведь только ученик ложи, и многое еще сокрыто от него.

* * *

Настал день, когда Риэго может, наконец, переступить порог таинственного храма.

Поздним вечером Потез ведет его в ложу. Приехавший из Парижа магистр ложи Учеников Зороастра будет там просвещать лионских братьев.

В темноте Риэго еле различает мрачное здание, стоящее в глубине грязного двора.

В прихожей ему завязывают глаза. Держась за руку своего учителя, идет он по длиннейшим переходам, поднимается по бесконечным лестницам. Сердце Рафаэля стучит, как у юноши, идущего на первое свидание с возлюбленной.

Наконец слышатся голоса.

— Мы пришли, — шепчет ему на ухо Потез.

Повязка снята. Рафаэль видит ярко освещенный зал, уставленный грубо отесанными скамьями. На скамьях восседают братья в белых передниках. У каждого в руках угольник и молоток.

В глубине зала алтарь. У алтаря облаченный в красную хламиду человек.

— Лионский магистр... — шепчет снова Потез.

Магистр ударяет молотком.

— Брат мой, первый страж, покрыта ли ложа? — вопрошает он.

— Помимо братьев, двое чужих на искусе.

— Мир им. Брат мой, первый страж, где твое место в ложе?

— На юге.

— Зачем твое место там?

— Чтобы возвестить о прохождении солнца через линию полудня, чтобы призвать братьев от труда к отдыху и от отдохновения к новому труду — источнику их блага и наслаждения.

— Брат мой, второй страж, ты где?

С противоположного конца зала слышится:

— На западе.

— Зачем?

— Чтобы возвестить о закате солнца. Почетный наш мастер сидит на востоке — там он встретит начало дня.

— Когда начинают каменщики труд свой?

— В полдень.

— Который час теперь?

— Полдень.

— Приступим же к труду, братья.

Молоток магистра снова падает на алтарь. Тотчас поднимается магистр парижских Учеников Зороастра и держит перед каменщиками речь.

...Заседание ложи приходит к концу. Рафаэлю снова наложили повязку на глаза и вывели из ложи.

Возвращаясь к себе в казарму, Риэго впервые шагал легко и бодро, как в былые, юные годы. Его обуревали мысли о будущем. Ему смутно рисовалось тайное масонское братство офицеров испанской армии. Благодетельная сила братства поможет возрождению Испании, начатому кадисскими кортесами. Масоны просветят страну, напомнят грандам и купцам о евангельском долге христианина — о милосердии и благотворении. Офицерская масонская ложа станет опорой

короля и конституции, соединит невидимыми нитями лучших людей Испании с масонами Франции, Англии и других передовых наций...

Рафаэль решил просить о приеме его в члены масонского братства.

* * *

Еще до вступления Риэго в ложу ему дано было испытать могущество вольных каменщиков. Лионские масоны изъяли метлу из рук Рафаэля и поместили его в контору торговца. Те же покровители вывели военнопленного из казармы и устроили на вольное житье у городской окраины.

В один из вечеров Рафаэля окликнул на улице незнакомец: сегодня состоится прием его в ученики ложи.

Пошли вместе. И снова он в доме братства. Его отводят в отдаленную комнату и оставляют в одиночестве.

Входят два масона в передниках с молотками и угольниками. Безмолвно обшаривают его карманы и забирают все металлические вещи. Потом обнажают правое его колено и левую половину груди. Завязав Рафаэлю глаза, его уводят в другое место.

— Ты в камере размышлений. Когда услышишь три удара, сними повязку.

Гнетущая, гробовая тишина. Томительно тянутся минуты. Наконец Рафаэль слышит глухие удары масонского молотка и срывает повязку.

Вся комната затянута черным. Стены, потолок, даже пол. Выделяются надписи: «Если тебя привело сюда любопытство или честолюбие — ступай прочь», «Если ты боишься узнать о своих заблуждениях — бесцельно оставаться здесь», «Если ты ратуешь за неравенство людей — спеши отсюда, здесь подобное неведомо».

В комнату входит магистр. У его пояса старый, тяжелый меч.

— Рафаэль Риэго, из этой камеры тебя могут увести ноги. Из лона братства — только смерть. Чего ищешь ты среди вольных каменщиков?

— Я пришел сюда узнать истину и содействовать в меру своих сил счастью людей.

— Счастью Испании?

— Счастью всех людей и счастью Испании.

Долго беседует магистр с Рафаэлем. Рисует перед ним страшные последствия неверности или легкомыслия. За несоблюдение тайн братства виновного ждет смерть. Смертью карается предательство или забвение клятвы.

Магистр извлекает меч из ножен и приставляет острие к обнаженной груди Рафаэля. Снова на его глаза тщательно прилаживают повязку. На шею набрасывают веревку. В таком виде он предстает перед собранием братьев.

— Зачем пришел ты сюда?

Ответы, какие положены по обряду, ему подсказывают шепотом:

— Чтобы быть посвященным в тайны вольных каменщиков.

Тут кто-то пронзительно кричит:

— Гоните его вон отсюда!

Его выталкивают из зала, но тотчас вводят снова. Рафаэль слышит:

— Что нам делать с этим неучем?

— Бросьте его в преисподнюю!

Множество рук поднимает его и швыряет куда-то. Рафаэль пугается не на шутку. Но его уже подхватили другие руки. Он снова на ногах.

Тут слышится грохот опускаемых решеток, скрежет засовов, скрип ключей в заржавленных замках. Воцаряется полная тишина. Рафаэль чувствует, что он брошен в подземную темницу.

Вдруг раздается оглушительный удар молотка и резкий окрик мастера:

— На колени!

Стоя на коленях, кандидат в ученики выслушивает устав масонского ордена. Рафаэлю известно уже почти все, что говорит ему магистр: устав велит бороться с сословными и национальными предрассудками, содействовать просвещению, помогать бедным, наказывать тиранов и во всем следовать решениям ложи.

Магистр вкладывает в руку Рафаэля кубок:

— Если когда-либо в грудь твою проникнут пре-

дательские чувства, твое питье обратится в яд! Повторяй за мною: «Клянусь строго и честно выполнять все предписанные мне вольными каменщиками обязанности. Если я когда-нибудь нарушу мою клятву...»

Кубок касается губ. Рафаэль глотает сладкий напиток.

— «...то я согласен на то, чтобы сладость этого питья обратилась в горечь, его целебная сила — в отраву».

Снова глоток. Жидкость горька, как настой полыни. Лицо Рафаэля искажается гримасой.

— Что вижу я?! Что значит эта перемена в твоем лице? Стал ли горек сладкий напиток? Твоя совесть наказывает тебя за ложь?

И магистр кричит:

— Уберите прочь этого незваного!

Риэго водят вокруг храма. Он спотыкается о пни, валится в ямы.

Приказывают взойти на лестницу. Она кажется бесконечной. Когда испытуемый достиг, наконец, верхних ступеней, его сбрасывают вниз.

Искус сопровождается громкими стонами и причитаниями братьев.

Рафаэля проводят сквозь строй. К его обнаженной груди прикасаются клинки мечей и кинжалов.

Тут магистр вопрошает:

— Брат мой, первый страж, считаешь ли ты испытуемого достойным войти в наш союз?

— Да.

— Чего желаешь ты для него?

— Света.

— Да будет свет.

Повязка спадает с глаз Рафаэля.

Посвящаемого ставят на колени перед алтарем.

Магистр возглашает:

— Во имя строителя великого мира и в силу данной мне власти посвящаю тебя в ученики каменщиков и в члены этой ложи!

Подняв Риэго с колен, магистр опоясывает его ремнем из белой кожи и вручает две пары белых перчаток:

одну для него, чтобы надевать в ложе, другую — для почитаемой им дамы.

Снова проходит Риэго сквозь строй масонов. Они радостными криками приветствуют в нем новообращенного брата.

VI

ИЗГНАНИЕ ОККУПАНТОВ

Находясь на вершине успеха, Наполеон решает, что пора покончить с самостоятельным существованием Испании. Он собирается отозвать на покой короля Жозефа и объявить Пиренейский полуостров французской провинцией. Он даже заготовил в характерном для него стиле манифест к непокорным испанцам: «Я решил было покинуть вас на произвол бесчестия, низменных страстей и смуты. Я уже отвернулся от вас и считал Испанию несуществующей в политическом мире. Но моему брату удалось возбудить мое великодушие настойчивыми просьбами о вас. Он добровольно возвратил мне корону, которую я уступил ему, умоляя меня не допустить гибели его подданных. В добрый час! Вы теперь мои подданные».

Бонапарт все же считал более осторожным не обнародовать этого акта, пока в Португалии находится Веллингтон. Только освободившись от этой занозы, можно будет свободно аннексировать Испанию, как до этого он присоединил к своей империи Голландию и Тоскану. Правда, подобные действия вызывали сильное раздражение. Но император был упоен своим могуществом. К тому же он не привык считаться с волей народов.

Опрокинуть англичан в море стало теперь заветным желанием Наполеона. В сентябре 1810 года маршал Массена с 50-тысячной армией вступил в северные области Португалии.

Он сразу же оказывается в трудном положении. Герой Риволи и Ваграма не может добиться послушания

от подчиненных ему генералов. Несмотря на многократные требования напасть на Веллингтона с юга, Сульт предпочитает отдыхать в Андалузии. Ней и Жюно интригуют против главнокомандующего.

Веллингтон и на этот раз придерживается старой, испытанной тактики. Он отступает перед армией Массены, опустошая все вокруг. Французам не хватает провианта, на них со всех сторон наседают герильеры. Англичане получают снабжение с моря, а в тылу у них богатые области, население которых изо всех сил помогает им.

Измученные войска Массены без устали преследуют Веллингтона. Они находятся уже на расстоянии двухдневного перехода от португальской столицы. Но тут перед ними вырастают оборонительные сооружения Торрес-Ведрас. Путь к Лиссабону прегражден тремя линиями неприступных укреплений, возведенных Веллингтоном.

Одноглазый Массена, мастер войны, быстро оценивает положение. Атаковать в лоб невозможно — армия растает, прежде чем доберется до третьей линии. Торрес-Ведрас можно было бы обойти, но и для этого у него недостаточно сил.

Маршал принимает решение задержаться перед неприятельской позицией, срочно потребовать подкреплений, а затем уже осуществить обходную операцию.

Массена обращается к императору. Но тому теперь не до португальских дел. Он порвал с царем Александром и лихорадочно стягивает силы для вероломного нападения на Россию. Разумеется, ни одного солдата он дать не может. Бонапарт досадливо отмахивается от настояний маршала. «И без того, — пишет он, — в Испании слишком много войск».

Массена требует помощи от Сульта, но в планы этого интригана меньше всего входит содействие военным успехам соперника. Он долго не двигается с места, а затем направляется к Лиссабону далеким, кружным путем, через Эстремадуру.

Пять долгих месяцев пребывает армия Массены у Торрес-Ведрас в ожидании помощи. Войска жестоко

страдают от голода и болезней. Всю округу усеяли могилы французских солдат. Видя слабость врага, герильеры нападают на него даже в пределах лагерей.

Атмосфера в штабе становится все более напряженной. Командующий вынужден в конце концов сместить за неповиновение маршала Нея.

Но всего опаснее настроение войск. Среди солдат начался ропот. Оборванные, голодные люди одержимы стремлением убраться прочь от гибельного Торрес-Ведрас. Дезертирам грозит смерть от руки герильеров, но даже это не пугает их.

Тут на французов набросились войска Веллингтона. Только большое искусство и необычайное хладнокровие позволили Массене вывести остатки своей армии обратно в Испанию.

Из катастрофы у Торрес-Ведрас Наполеон сделал самый нелепый вывод: он сместил Массену и передал командование Сульту, главному виновнику поражения.

Само собой разумеется, что проект аннексии Испании пришлось отложить до лучших дней.

* * *

Веллингтон мог бы теперь добиться решающего перевеса. Но он и сейчас убоялся риска. Силы его вместе с португальцами и кое-какими испанскими регулярными частями состояли из 120 тысяч бойцов. Французов же на полуострове насчитывалось не менее 200 тысяч человек.

Английский полководец предпочитал выжидать, пока французы будут вконец ослаблены герильей, собственными раздорами, а главное — войной на востоке Европы. Не без основания считал он, что время работает на него.

У французского командования чувствовалась усталость и даже отвращение к борьбе, которой не видно конца. Давно прошли те дни, когда маршалы наперебой добивались назначения в Испанию. Теперь почитали счастливцами тех, кого император отзывал на восток для участия в русском походе. А Бонапарт начал уводить лучшие части из Испании в Россию.

С 1808 года французы потеряли в Испании убитыми и ранеными не менее полумиллиона человек. Нетрудно представить себе, какой репутацией пользовался этот театр военных действий в наполеоновских армиях.

После отставки Массены два маршала, Сульт и Мармон, оспаривали друг у друга командование. Чтобы положить конец этим интригам, Наполеон назначил главнокомандующим самого короля Жозефа. Но это решение лишь усилило разброд в армии: своими предыдущими действиями император сильно пошатнул авторитет брата, а теперь возлагал на него всю полноту военной власти.

В конце июля 1812 года главные силы Веллингтона, настигнутые у Саламанки армией Мармона, приняли бой, который закончился общим отступлением французов. В беспорядочно бегущей толпе трудно было признать солдат некогда непобедимой армии. Бросая на пути снаряжение, отдавая без боя важнейшие позиции, разбитые полки устремились к Бургосу, а оттуда к Мадриду. Их преследовали по пятам отряды герильеров и английской кавалерии.

11 августа Жозеф со своим двором вынужден был оставить столицу, а на следующий день туда вошел Веллингтон.

Дотоле унылый, притихший, город через час после вступления Веллингтона переполнился праздничной, ликующей толпой. Победителя французов чествовали как героя.

Веллингтон объявил о введении Кадисской конституции на всей освобожденной им территории. В награду за это кортесы дали английскому полководцу титул испанского герцога и гранда и передали в его руки верховное командование всеми противофранцузскими силами.

* * *

Настала зима 1812 года. Военные действия как-то сами собой замерли. Затаив дыхание стороны выжидали, чем кончится великая битва в далекой России. Все понимали, что победа Наполеона в России окон-

чательно развяжет ему руки, и тогда ничто не спасет испанскую независимость. Поражение же императора французов сделает пребывание его армий на полуострове бесцельным, а все его дело — окончательно проигранным.

Весть о гибели «великой армии» в России достигла Испании в середине января 1813 года. Император приказал Сульту немедленно с 50 тысячами отборных войск вернуться во Францию. Жозефу велено было сосредоточить все оставшиеся силы — 75 тысяч солдат — на востоке Испании по линии Эбро и перейти к обороне с целью прикрыть Францию с юга.

Раздавленные тяжестью поражения, сразу потерявшие волю к борьбе, стояли французские дивизии вдоль Эбро.

В меру своих сил генерал Клозель старался выполнить строгий приказ императора об очищении тыла от отрядов герильи. Но сейчас это стало еще более неосуществимым, чем когда бы то ни было ранее. Ободренные надеждой на скорую победу, герильеры дрались теперь с удвоенной отвагой. Отряды Мины, Эмпесинадо, Порльера, Ласи терзали французских оккупантов с жестоким остервенением.

Развязка близилась.

* * *

Либеральные депутаты кадисских кортесов праздновали вступление войск Веллингтона в Мадрид как двойное свое торжество. Столица Испании вырвана, наконец, из рук французских захватчиков. Уж одно это приближало, казалось им, победу либеральных принципов во всей стране. Но особую удачу усматривали они в том, что этот военный подвиг совершен представителем Англии, политический строй которой был предметом поклонения испанских либералов.

Как жестоко ошиблись либералы в своем слепом доверии к Веллингтону! Этот человек был непримиримым врагом их дела. В нем соединялось все типичное для консервативного лорда: чванливое высокомерие, тупоумное упрямство, квакерское ханжество и крайняя

реакционность. Для своих восторженных поклонников этот британский аристократ не знал иных эпитетов, как «опасные безумцы», «грязные либералы», «разнузданное отребье».

Находясь в чужой стране, Веллингтон до поры до времени вынужден был скрывать свои политические симпатии. Но либералы сами развязали ему руки, передав новоявленному испанскому герцогу верховное командование. Он тотчас стал вмешиваться во внутренние испанские дела.

Вокруг Веллингтона постепенно объединялись авантюристические элементы из партии раболепных. Рассеянные по стране многочисленные их сторонники, крупные землевладельцы и высшее дворянство, сидевшие по своим норам в те долгие годы, когда над страной бушевала военная непогода, теперь стали громко заявлять о своих политических планах, о «восстановлении попранных прав».

В кортесах балконы для публики ломились от переодетых монахов, устраивавших шумные обструкции во время выступлений либералов. По провинциям с амвонов священники произносили проповеди против конституции — этого «творения супостатов». Мракобесы срывали с церковных дверей декрет об упразднении инквизиции. Прикармливаемую монастырями голытьбу, ужасающе возросшую за годы войны, подбивали бунтовать против упразднения Святого присутствия.

Действия раболепных вызывали раздражение в лагере либералов. Но нерешительность этой партии — детища слабой испанской буржуазии — лишала ее возможности ответить энергичными ударами. Длинные обличительные речи в кортесах и потоки газетных статей и брошюр были слабым оружием против козней реакции.

Осенью 1812 года Веллингтон отправился в Кадис, чтобы на месте решить, какой тактики придерживаться относительно кортесов в дальнейшем. На родине конституции лорда ждал радушный, праздничный прием. Чтобы оказать герою Мадрида исключительные почести, либералы поместили высокого гостя сре-

ди депутатов. От лица парламента и нации ему была принесена торжественная благодарность.

Принимая овации толпы и поздравления парламента, Веллингтон обдумывал государственный переворот. Он собирался переделать Кадисскую конституцию по своему разумению. Этот матерый реакционер был убежден, что Испания стосковалась по самодержавному монарху. Веллингтону хотелось также, чтобы рядом с кортесами заседала верховная палата из крупнейших землевладельцев — по образцу английской палаты лордов. Верховная палата сумела бы восстановить уничтоженные кортесами сеньоральные права испанских феодалов.

Но в политических своих замыслах Веллингтон оказался столь же медлительным, как и в военных операциях. Пока он соображал и прикидывал, события вновь призвали его на военное поприще.

В середине 1813 года соединенная армия англичан, испанцев и португальцев под водительством Веллингтона перешла Эбро. Рассчитывая на слабость французов и невозможность получения ими подкреплений, командующий задумал довольно смелый план кампании. Он намеревался зайти неприятелю в тыл и отрезать ему пути отступления через Пиренеи.

Чтобы избежать окружения, главные силы французов начали отходить на север.

В день решающего столкновения, 21 июня, Жозеф смог противопоставить Веллингтону только половину своих сил. Это предопределило исход сражения. Французы дрались с большим мужеством, но вскоре их фронт был прорван во многих местах. Началось беспорядочное отступление.

Медленно, поминутно останавливаясь, отходил обоз. Его настиг небольшой отряд английской кавалерии. Вмиг все пришло в расстройство. Артиллерийские парки смешались в кучу с каретами беженцев. Опрокидывались повозки с дворцовым имуществом, кони и мулы топтали драгоценную церковную утварь. Потерявшие голову рыдающие женщины на коленях молили бегущих солдат не оставлять их с детьми на расправу герильерам.

Французская конница на время отогнала англичан от обоза. Но вместо того чтобы продолжать бой, уланы усаживали беженцев на крупы лошадей и устремлялись с ними в авангард отступающей армии.

В кутерьме поспешного отхода сам Жозеф, чтобы спастись от плена, вынужден был оставить свою королевскую карету.

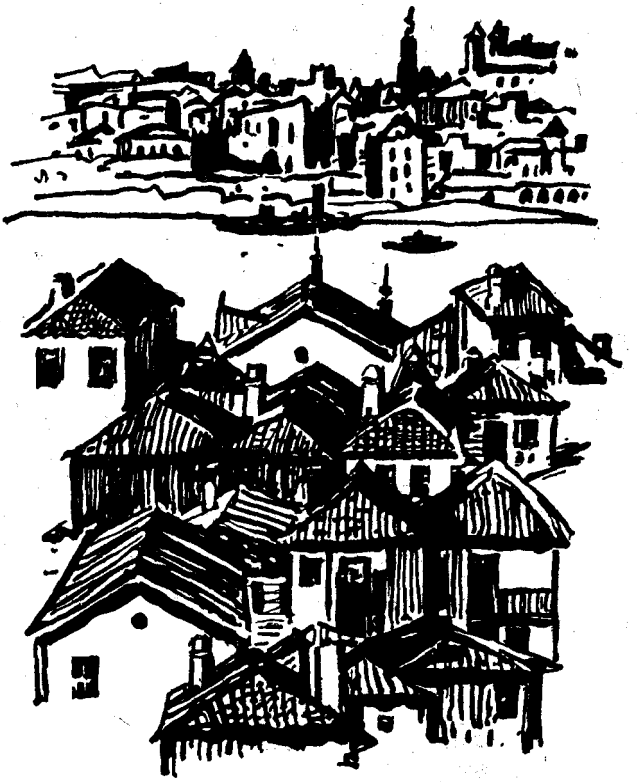
В руки победителей попал почти весь обоз, все золото и драгоценности, награбленные французами, и вся их артиллерия.

Донесение о поражении при Витории было получено Наполеоном в Дрездене. Весь свой гнев император обрушил на преданного ему Жозефа: заточил злополучного своего брата в крепость. Испанским наместником он назначил Сульта, виновника многих поражений французов на полуострове.

Медлительность и промахи Веллингтона позволили Сульту продержаться в Испании до осени. Однако к концу года французы были оттеснены за Бидассоа.

С отчаянием защищали войска Сульта переправы через эту пограничную речку. Со времен Конвента чужестранные армии не попирали французской земли. Но 7 ноября силы Веллингтона форсировали водный рубеж и вступили во Францию.

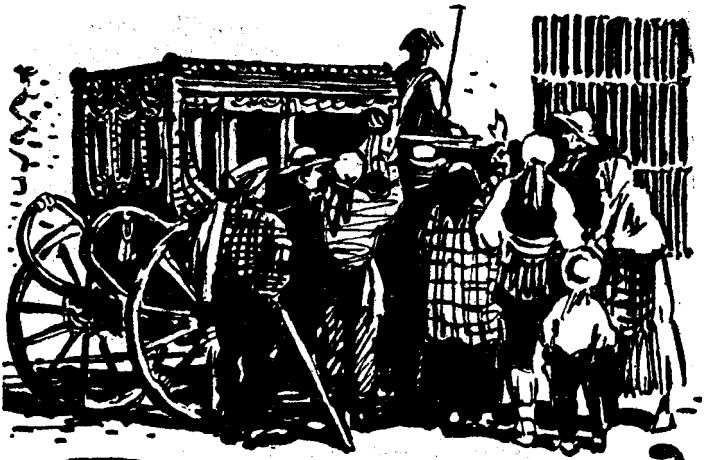
Испания была освобождена от французских оккупантов.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О ты, что, посмеясь святым правам природы,
Злодейств неслыханных земле пример явил,
Всего священного навек меня лишил,
Доколе, в варварстве не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья?
Властитель и тиран моих плачевных дней,
Кто прав дал тебе над жизнию моей?
Закон? Какой закон?..

Н. Гнедич



„ЖЕЛАННЫЙ" ВЕРНУЛСЯ

II

ВТОРОЙ КАМБИЗ

Уже почти шесть лет пребывал Фердинанд в Валансее. Замок с его вековым тенистым парком — прекрасное создание французского Возрождения — менее всего походит на тюрьму. Время протекает для узника незаметно — среди игр, танцев, любовных шашней, вышивания, обеден и вечерен, которые принц, ревностный католик, служит сам с превеликим усердием.

«Желанный» терпеть не может даже разговоров об Испании. Королевство потеряно безвозвратно! Что толку предаваться воспоминаниям о стране, в кото-

рой трон занят другим? Впрочем, для таких чувств у него не остается и времени.

Пока Фердинанд «томился» в валансейском плену, в мире свершалась великая перемена: звезда Бонапарта склонялась к закату.

Но «валансейский узник» не понимал происходившего. Ему казалось, что власть Наполеона по-прежнему безгранична. И он изощрялся в представлении все новых доказательств преданности императору, не упускал случая шумно поздравить своего господина с победой, послать благословение королю Жозефу.

Время от времени в Валансей проникали тайные агенты кортесов, чтобы передать «Желанному» новый, подробно разработанный план побега. Этих гостей Фердинанд даже не допускал во дворец. Через преданных слуг он приказывал им убраться поскорее прочь, дабы не навлечь на него беды.

К концу 1813 года Фердинанду исполнилось двадцать девять лет. И внешность и характер принца достигли уже зрелой законченности. Он был среднего роста, хорошо сложен. На широком бледном лице горели большие, черные, очень красивые глаза. Но нос, горбатый и длинный, делал этого Бурбона похожим на стервятника. Неприятное впечатление производил и ярко-красный влажный рот, всегда приоткрытый. Нижняя губа сильно выдавалась вперед и как-то странно свисала вниз и в сторону. Казалось, Фернандо мучила постоянная, неуемная жажда.

Весь облик принца сильно напоминал его мать. От нее он унаследовал и исключительную подвижность лица: ни на минуту оно не приходило в состояние покоя. Фердинанд говорил стремительно, перескакивая в разговоре с одного предмета на другой, сопровождая свои слова резкими жестами.

Под стать внешности был и характер — капризный, изменчивый. За частыми сменами настроений и прихотей чувствовалась подозрительность и крайняя трусость. Над всем господствовала низменная, животная чувственность, говорившая о себе и в поволоке лучистых глаз и в отталкивающе похотливом рте.

* * *

В ноябре 1813 года в валансейский замок прибыл со срочным поручением от Наполеона граф Лафорест.

Граф застал Фердинанда за его любимым занятием: принц вышивал покров богоматери, разбрасывая розы из золотой канители по белому шелковому полю.

Когда Лафорест изложил цель своего приезда, игла выпала из рук Фердинанда. Бонапарт предлагал вернуть ему испанский трон. Император ставил одно лишь условие: по возвращении в Испанию Фердинанд прогонит с полуострова всех англичан.

Англия, говорил Лафорест, только тем и занята, что раздувает в Испании якобинство. Она подкупает либералов, чтобы с их помощью уничтожить вековую испанскую монархию и учредить на ее месте республику. Кадисская конституция — это хитроумное измышление англичан. Если Фердинанд заключит оборонительно-наступательный союз с Наполеоном, ему не будет угрожать новая потеря трона из-за английских козней.

Вскоре в Валансей явились подосланные Наполеоном старые друзья Фердинанда — герцог Сан-Карлос и каноник Эскоикис. Из последовавших недолгих обсуждений родился Валансейский договор, снова водворявший Фердинанда на прародительский трон.

Слухи о близком возвращении Фердинанда и его намерениях восстановить старые порядки быстро достигли Испании. Реакционный лагерь ликовал.

Кортесы объявили Валансейский договор не имеющим силы: «Кортесы постановляют уничтожить все коварные меры, которыми Наполеон в нынешнем собственном бессилии пытается восстановить пагубное свое влияние в Испании, подвергнуть опасности нашу независимость, нарушить наши отношения с союзными державами и посеять раздор среди испанцев. Постановляем, что король не будет считаться свободным и ему никто не станет повиноваться до тех пор, пока он не принесет в кортесах присяги, предписанной конституцией».

Однако в эту бурную весну 1814 года события

опережали решения королей и парламентов. Союзная армия во главе с русскими войсками неудержимой лавиной надвигалась на Париж. Наполеону снова было не до Испании.

В середине марта он отпустил «валансейского узника» без всяких условий. И уже через неделю Фердинанд с двумя братьями и свитой появился на границе своего вновь обретенного королевства.

* * *

Когда показалась карета Фердинанда, крестьяне приграничных селений бросились в ледяные струи Флювии и на руках пронесли короля до испанского берега. Там его всеподданнейше приветствовал губернатор Каталонии. Он поднес своему монарху подарок кортесов — текст конституции. Осторожно, как хрупкую игрушку, Фердинанд повертел во все стороны богато переплетенную книгу и сунул ее себе под мышку. Вскоре народная хартия была брошена под сиденье кареты.

Путь короля от границы к Сарагосе походил на триумфальное шествие. Каталонские и арагонские крестьяне устилали дорогу своими рваными плащами, падали ниц перед «Желанным» и целовали следы его ног на дорожной пыли. Всюду красовался декрет кортесов о возведении памятника на том месте, где освобожденный из плена король впервые ступил на испанскую землю, и о праздновании «в веках» дня его возвращения.

Спутников короля удивляла молчаливость, с какой он принимал все эти знаки обожания.

А Фердинанд еле сдерживал обуревавшую его злобную радость. Он предвкушал минуту, когда сможет расправиться с кортесами, наступить на горло ненавистным либералам. Но король еще боялся дать волю своим чувствам. Так ли уж слабо якобинское отродье, как уверяет сопровождающий его герцог Сан-Карлос? Того и гляди они подымут в защиту кортесов вождей герильи, снова взбунтуют вооруженное мужичье.

Из Мадрида навстречу Фердинанду спешили вожаки раболепных. Гранды, генералы, епископы... Они убеждали короля немедленно отменить конституцию, передавали ему списки депутатов кортесов и списки офранцуженных, которых надо истребить.

Медленно двигавшийся к Сарагосе королевский кортеж на ходу превращался в ударную колонну реакции.

А тем временем в городах и деревнях по пути следования Фердинанда банды всякого сброда, предводительствуемые монахами, принялись срывать конституционные доски, еще совсем недавно установленные там с празднествами и всенародной присягой. Их сжигали, устраивая вокруг костров сатанинский шабаш.

В Сарагосе к королю явилась делегация священников, потребовавшая восстановления инквизиции. Тут Фердинанд впервые раскрыл рот:

— Это и мое сокровенное желание. Я не успокоюсь, пока оно не будет удовлетворено!

На Испанию снова надвигался мрак.

* * *

Из Сарагосы король со всем своим контрреволюционным хвостом направился не в Мадрид, а далеко в сторону, к Валенсии. Его настойчиво звал туда генерал Элио, ярый мракобес, располагавший 40-тысячной армией. Король намеревался сначала окружить себя этими внушительными военными силами, а затем уже двинуться к столице.

В разных углах Испании все нарастал разгул темных страстей, разбуженных в народной массе худшими ее врагами. Все пронзительнее шипели злобные реакционные писаки.

Для либералов, еще так недавно поклявшихся «пасть с оружием в руках на пороге испанской свободы», казалось, настала пора принять действенные меры. В эти решающие дни вожди герильи предлагали кортесам поддержать их вооруженной рукой.

Но либералы умоляли не поднимать «братоубийственной войны». С непостижимой наивностью твердили они в один голос: «Желанный был долго вдали от Испании и не успел еще понять происшедших перемен. Он скоро уразумеет, что народ, проливший ради него столько крови, перенесший пятьсот сражений, потерявший свыше миллиона жизней, лишившийся сотен тысяч домашних очагов, достоин лучшего существования, чем то, которое он влачил до освободительной войны».

Фердинанд приближался к Валенсии. За пять километров до городских ворот фанатичная толпа впряглась в королевскую карету.

В Валенсии пошли нескончаемые торжества, богослужения. Тем временем король обдумывал состав своего министерства, намечал губернаторов, принимал челобитные от съехавшихся со всех концов Испании чиновников и военных.

К Фердинанду прибыла и депутация от кортесов. Возглавлял ее председатель регентства престарелый кардинал Бурбон, дядя короля.

Фердинанд принял народных избранников лишь для того, чтобы «унизить якобинцев». Он повернулся к депутатам спиной и протянул назад руку для поцелуя.

Обомлевшие представители конституционной Испании растерялись, не знали, как им быть. Но старый кардинал низко склонился и облобызал руку, покоившуюся на монаршем заду.

Само собой разумеется, что ни о каких переговорах с депутацией не было и речи. Депутатов задержали в Валенсии на положении пленных.

Подлую роль в разыгравшейся драме испанского народа взял на себя английский посол лорд Уэлеслей, брат Веллингтона. По просьбе раболепных он выехал из столицы навстречу Фердинанду в сопровождении большого отряда английской кавалерии. Всему свету было продемонстрировано, что англичане поддерживают производимый Фердинандом государственный переворот.

* * *

Еще находясь в Валенсии, 4 мая, Фердинанд обнародовал манифест к испанцам. Конституция и все законы, принятые кортесами, были не только отменены этим манифестом, но и объявлены никогда не существовавшими. Всякий, кто вздумал бы ссылаться на них, а тем более их отстаивать, подлежал казни как государственный изменник.

Вслед за изданием манифеста последовало назначение нового правительства во главе с Сан-Карлосом. Новому губернатору Кастилии генералу Эгиа Фердинанд поручил очистить Мадрид от либералов.

В столице шли повальные аресты. В течение ночи 10 мая в грязные, пустовавшие с давних пор подземелья инквизиции засадили братьев Аргуэльес, Торреро, Сискара, Герреросa, поэта Кинтану, писателя Мартинеса де-ла-Росу и несколько десятков других виднейших либералов. Либеральное движение лишилось руководителей.

Начавшаяся в Мадриде реакционная свистопляска превзошла все, что когда-либо переживала в прошлом многострадальная страна.

У тюрем бесновались и выли, размахивая навахами, растрепанные мегеры:

— Выдайте их нам! Они сейчас же получат по заслугам!

По домам рыскали доминиканцы в поисках скрывшихся депутатов и тащили пойманных на расправу.

На площадях пылали костры из книг. Вокруг них монахи устраивали маскарады, разыгрывали бесстыдные сцены, не поддающиеся описанию.

Банда громил ворвалась в здание кортесов и опустошила его. Затем погромщики направились к ратуше, сорвали со стен конституционные доски и с дикими криками поволокли их по улицам.

Мадрид словно вымер. Терроризованных жителей, притаившихся в домах, терзала одна и та же мысль: не найдется ли оснований у агентов Эгиа заподозрить и их в симпатиях к либералам?..

Все свободомыслящие газеты и журналы подверглись разгрому. Один лишь «Дозорный», грязный

листок монаха де-Кастро, заливался в наступившем безмолвии гнусным брехом: «Передо мной уже стояла Испания, покрытая кровью и мерзостью, опустошаемая резней. Великий боже! Явился Фернандо, явилась ночь 10 мая. Ах, эта ночь! Ты должна быть причислена к самым прелестным из дней! Хвалите и славьте господа! Ныне наше отечество счастливо: ныне царствует Фернандо!»

Король совершил свой въезд в Мадрид 13 мая.

Тотчас же он разослал по провинциям новых губернаторов и капитан-генералов. Эти прислужники реакции стали по столичному образцу учинять погромы либералов.

Всюду восстанавливали старые порядки.

* * *

Мрачнее тучи ходил Мина по улицам Мадрида. Уже неделю неистовствовали там банды Эгиа. Рука герильера поминутно тянулась к эфесу шпаги: один бы только полк его наваррцев!.. Ударить по господам, подбивающим эту бесчинствующую сволочь! Они ведь храбры до первого выстрела и сразу разбегутся, как крысы...

Франсиско Мина, коренастый, широкоплечий, черный от загара герильер, был из крепкой породы пиренейского крестьянства. Начало борьбы с Наполеоном застало Франсиско за сохой. Вихрь событий бросил его в ряды герильи. Здесь он выказал себя талантливым военным вождем. За его отрядом гонялись лучшие наполеоновские командиры, но исключительная ловкость позволяла ему уводить своих людей из-под ударов без больших потерь и бить французов с такой силой, что его имя стало пугалом для чужеземных армий, оперировавших на севере страны.

Мина стал кумиром народа Испании. Кортесы воздавали ему должное, и он прошел все ступени воинских отличий. К концу военных действий против наполеоновских войск Мина был уже генералом испанской армии и губернатором Наварры.

Когда Фердинанд находился еще только в Сара-

госе, генерал Мина примчался в столицу, оставив в Памплоне[1] свою дивизию. Он настойчиво убеждал либералов не доверять королю и на всякий случай принять нужные меры. А после черного дня 4 мая, видя общую растерянность, Мина предложил кортесам организовать военное сопротивление. Но его не слушали.

Уже давно Мина был известен реакционерам как заклятый враг старого порядка. Восторжествовавшая феодальная клика немедленно отстранила его от управления Наваррой. Все же посягнуть на свободу столь популярного партизанского вождя пока не решались. И Франсиско Мина бродил по столице, полный ненависти и самых отчаянных планов.

Прямой и мужественный герильер искал связи с вождями мадридских патриотов, еще не попавших в лапы королевской полиции. Но, убедившись в том, что реакция в столице укрепилась, Мина вернулся к своему первоначальному плану — удару из Наварры. Через верного человека он предложил старшим офицерам дивизии, остававшейся под его командованием, выступить с оружием против реакции.

Мина вернулся в Памплону. Отважный генерал рассчитывал, что, немедля развернув знамя движения и овладев памплонской цитаделью, он сможет присоединить к восстанию все стоящие в Наварре войска и создать здесь центр борьбы, вокруг которого объединятся впоследствии армии других провинций.

На первых порах все приготовления шли без помех. Много помогал Мине полковник Хуанито — его правая рука, ближайший друг и сподвижник в годы герильи.

Вскоре, однако, Мина стал замечать неладное. Тайные его распоряжения становились известными новому губернатору Наварры графу Эспелета. Было ясно, что какая-то враждебная сила расстраивает планы восстания.

Случай помог Мине открыть предателя. Это был Хуанито, которого купил Эспелета. Щедрыми подачками граф переманил на свою сторону и многих дру-

---

[1] Памплона — главный город испанской провинции Наварра.

гих участников заговора. С минуты на минуту должен был последовать арест его главаря.

В тот же вечер Мина бежал из Памплоны. По известным ему одному горным тропам он направился к границе и отдался французским властям.

Потерянная возможность покарать изменника причиняла герильеру не меньше страданий, чем вынужденная разлука с родиной.

Но Мина дал себе зарок — не возвращаться в Испанию до тех пор, пока не представится возможность снова бороться за ее свободу. Дышать одним воздухом с тираном он не хотел.

* * *

Несмотря на столь легкую победу над первой испанской революцией, Фердинанд долго не мог отделаться от страха перед поверженным врагом. Он назначил особую следственную комиссию для рассмотрения деятельности либеральных вождей.

После самого пристрастного, поистине инквизиторского следствия комиссия вынуждена была признать, что нет поводов для предания суду томившихся в казематах регентов, депутатов, военных и журналистов, повинных лишь в том, что они старались служить королю наилучшим, по их разумению, образом.

Но решение комиссии не удовлетворило Фердинанда. Он потребовал к себе дела заключенных и без суда, собственной властью, наложил на них кары. Многие угодили на каторгу в марокканские колонии Испании, других он засадил на разные сроки в крепости и тюрьмы.

Королевские репрессии обрушились не только на либералов, но и на их врагов, на тех, кто сотрудничал с королем Жозефом. Заточению в тюрьмы, конфискации имущества подверглись тридцать тысяч офранцуженных.

Этими преследованиями Фердинанд вырыл глубокую пропасть между новым режимом и прогрессивными кругами испанского общества.

С тем большей готовностью бросился он в объятия духовенства, мощного своего союзника.

Тотчас по возвращении он восстановил инквизицию. Правда, теперь Святое присутствие не получило права казнить свои жертвы. Но у него оставалось достаточно иных способов устрашения и мести. Инквизиция сохраняла в неприкосновенности таинственную и мрачную процедуру следствия, средневековые пытки в подземельях, могла широко пользоваться правом вмешательства в самые разнообразные области жизни, не имевшие никакого касательства к религии.

Священники и монахи тесным кольцом окружили короля и его двор. Каждый день в дворцовых покоях служились пышные мессы. Высочайшие особы присутствовали на них, увешанные образками, ладанками. Все действо неизменно завершалось великолепным банкетом. Рекой лилось вино, и охмелевшие священнослужители, подобрав рясы, отплясывали с мадридскими цыганками и манолами[1].

В интимном кругу Фердинанд приходил в прекрасное настроение. В такие часы он становился необычайно щедр, чем с большой легкостью и пользовались его гости. Между двух возлияний какой-нибудь монастырский настоятель улучал минуту для того, чтобы обратиться к королю с просьбой о местах для «своих людей». Эти просьбы обычно тут же на месте и удовлетворялись.

С первых же месяцев царствования Фердинанда началось восстановление монастырей, разрушенных французами. Оно шло с поразительной быстротой — разоренные войной крестьяне отдавали на это свои последние крохи. Чтобы подогреть рвение верующих, церковники прибегали к пророчествам, сотворению чудес, открытию чудотворных мощей.

* * *

Развалясь на софе, пуская кольца дыма, насвистывая, Фердинанд принимал доклады своих министров. Он не любил церемониться с ними — перебивал

[1] Манола — мадридская девушка легких нравов.

ежеминутно, торопил, покрикивал. Когда министр протягивал королю список кандидатов на какие-либо посты, тот красным карандашом надписывал другие имена — своих ставленников. Министры превращались в безропотных исполнителей воли неограниченного, деспотического монарха.

Исключительное влияние при дворе имел, например, некий Гомарро. Министры ходили к нему на поклон, заискивающе выслушивали его пожелания и засыпали могущественного человека подарками. Этот Гомарро был всего-навсего слуга-шут, любимец Фердинанда, обладавший секретом забавлять короля, никогда не приедаясь ему. Паясничая, он нередко подсказывал своему повелителю решение того или иного дела.

Важной персоной был и Монтенегро, состоявший при Фердинанде лакеем во время пребывания его в Валансее. По возвращении в Испанию король осыпал Монтенегро почестями и назначил его дворцовым комендантом. Монтенегро составлял расписание прогулок, развлечений и приемов монарха.

Таинственная сила, управлявшая страной, получила у испанцев название камарильи — прихожей, иначе говоря, людей, постоянно находящихся в передней короля. Это испанское слово стало впоследствии у всех народов служить для обозначения безответственных придворных клик.

Конечно, дворцовая челядь была только малой частью сложной машины камарильи. Наиболее близкие к королю царедворцы, а также его духовники, капелланы влияли на управление делами государства несравненно сильнее.

Но в борьбе за близость к самодержцу всех соперников сумел превзойти представитель дворянства. В камарилье надолго забрал верх герцог де Алагон, капитан гвардии, закадычный друг короля, спутник его в ночных похождениях. Мадридцы шептали друг другу на ухо о приключениях Фернандо. Закутавшись в плащи, в масках, король и начальник его гвардии слонялись по непотребным местам окраин Мадрида.

За шесть месяцев Фердинанд отставил восьмерых министров. В немилость и изгнание попали бывший воспитатель короля Эскоикис, давний его друг герцог Инфантадо, а также премьер Сан-Карлос, на смену которому пришел Севальос. Любопытно, что за несколько часов до назначения Севальоса первым министром Фердинанд подписал было указ о его аресте.

Министерская чехарда служила камарилье надежным прикрытием. Творилась легенда о добром, но слабом и неопытном короле, которым играют коварные министры. Либеральные круги, не желавшие расстаться с милой их сердцу идеей конституционной монархии, расценивали частые смены министров, как борьбу короля, попавшего в плен к реакционерам, с самыми крайними из них.

Раболепные видели вещи в ином свете. Они считали, что в немилость попадают министры, заподозренные в тайной склонности к либерализму.

Орган крайних реакционеров «Дозорный» изо дня в день призывал Фердинанда не ограничиваться отставками и ссылками: «Государь! Вы должны, наконец, стать вторым Камбизом. Кожа бесчестного чиновника должна послужить обивкой кресла, на которое сядет его преемник».

II

РИЭГО ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА РОДИНУ

Дорога сжалась, пошла в гору, обросла крутыми стенами. Ослы, нагруженные жалким скарбом, сбавили ход. Медленнее зашагали и проводники-беарнейцы.

Близок последний перевал.

Но чем труднее становится подъем, тем нетерпеливее испанские путники. Когда показался погранич-

ный столб, они оставили погонщиков и поклажу и побежали в гору. Грудь дышала тяжело, от натуги надрывалось сердце. Еще несколько шагов...

С перевала открылась Испания. В изнеможении опустились они на землю. Влажные лица овеял полуденный ветер, напоенный благоуханием трав Арагона.

Рафаэль закрыл затуманенные счастьем глаза. Хотелось только дышать, глубоко вдыхать воздух Испании.

Когда улеглось волнение и иссякли благодарные слезы, Рафаэль стал всматриваться в раскинувшийся под ним до далекого горизонта Арагон. Справа, сверкая овальным алмазом ледника, уходила в синеву Маладетта. С непостижимой высоты в пропасть низвергались водяные каскады, подобные полосам застывшего стекла. За далекими холмами в зыбком мареве угадывалась долина Эбро.

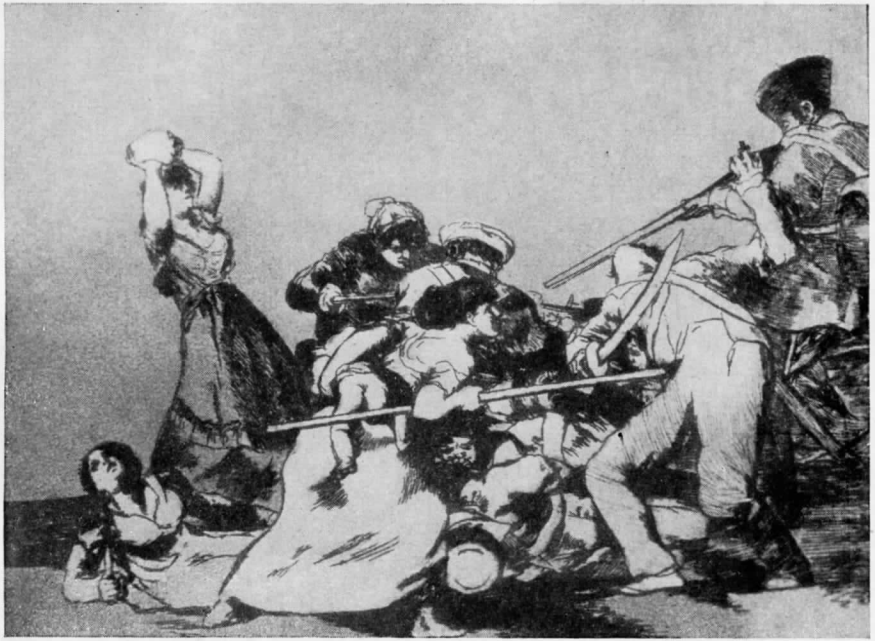
Острый глаз горца охватывал многое, еще больше обнимало жадное сердце. Знакомой, сладостной мелодией звучали переливы пастушьей свирели, плывшие в прозрачной тиши из долины к перевалу. Привычным взглядом искал он овечьи отары под кругами, что чертили в небе темнокрылые пиренейские орлы.

Всем существом своим ощущал Рафаэль, что здесь порог его родины. За спиной осталась цветущая французская сторона. А впереди иной край, суровый и голый. Скалы и потоки, серые оливковые рощи, бурые виноградники и замкнутые в гордой своей нищете селения.

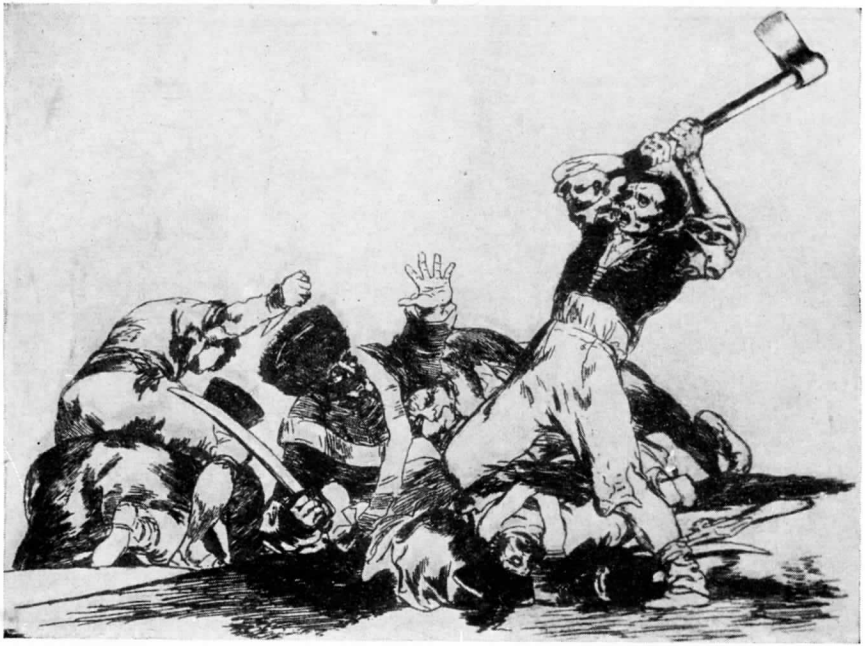
Рафаэля охватило страстное желание добраться скорей до людей, услышать гортанный арагонский говор.

Караван стал спускаться вниз, по дороге к Уэске. Недалеко от приграничной деревни повстречался, наконец, испанец. Это был старый босоногий монах. Догадавшись, что идущие навстречу держат путь из вольнодумной Франции, он прокаркал вызывающе:

— Да здравствует абсолютный король! Смерть либералам!



«Защищаются и женщины» (Ф. Гойя).



«С топором на врага!» (Ф. Гойя).

* * *

Через Уэску и Сарагосу Риэго направился в Мадрид.

Он ехал с поручениями от парижской масонской ложи к членам мадридского братства Великий Восток. По точному смыслу полученных им указаний он должен был добиться зачисления в королевскую армию и только после этого мог использовать данные ему пароль и знаки для проникновения в Великий Восток.

В ожидании приема у военного министра Рафаэль бродил по Мадриду. Еще во Франции он узнал обо всем, что произошло на родине со времени возвращения Фердинанда VII. Риэго присматривался к соотечественникам, к жизни столицы. Он жадно искал каких-либо следов освободительной войны, либерального режима.

Но мадридцы, видимо, потеряли весь свой недавний революционный пыл. На Прадо, площади дель Соль, в театрах и кофейнях, где собиралось общество столицы, беседовали о чем угодно, но только не о политических делах.

С несколькими случайными знакомыми Рафаэль пытался было заговаривать о новых назначениях в армии. Но всякий раз собеседник тотчас умолкал и, окинув его подозрительным взглядом, старался поскорей отделаться от назойливого сеньора, очевидно подосланного инквизицией.

Он шел на рынки в надежде найти больше смелости и откровенности у крестьян, съехавшихся из окружающих столицу деревень. Здесь, правда, не было такого панического страха перед полицией и агентами Святого присутствия. Но зато отчетливо проявлялась враждебность к «болтунам и безбожникам, которых, слава господу, прибрали, наконец, к рукам».

Возможно ли, чтобы угас столь бесследно величайший подъем целого народа?.. Риэго приходил в бешенство.

Ему вспомнились скептические речи Галана. Неужели погибший друг был прав? Неужели кортесы

вели борьбу с деспотизмом в пустоте?.. Нет, нет! Свобода — бесценное благо. Она нужна, как воздух, и самому темному человеку, последнему нищему. И народ вновь получит свободу, получит самоуправление и конституционную монархию от подлинных своих друзей!

Испанцы ворчат теперь на тех, кто нес им освобождение от королевской тирании. Но разве не вливают больному в рот лекарство, несмотря на его сопротивление?

* * *

Эгиа метался по министерскому кабинету из угла в угол. Старомодный парик с косичкой ерзал на его голове, грозя слететь при первом же слишком резком движении.

Министр как будто забыл о посетителе. Риэго недоумевал. Чем он мог навлечь на себя гнев генерала? Или его постигла неудача—попасть на прием в минуту столь плохого расположения духа всесильного царедворца?

Эгиа подбежал вдруг к столу, извлек деревянный молоток и стукнул им три раза.

— Будем говорить откровенно, брат мой Риэго. Где бы вы предпочли бороться с тиранией — в столице или в Андалузии? Знаете, мы уже завоевали Севилью и Кадис. Там каждый второй офицер — член масонского братства.

Такого оборота Риэго не ожидал.

— Дон Франсиско, я не понимаю вас...

Генерал улыбнулся хитро и сочувственно. Он поднял кверху указательный и большой пальцы. Это был тайный знак мадридской ложи. Испарина покрыла лоб Рафаэля.

— Ваше смущение понятно, но вы ведь только ученик? Перед собою вы видите мастера. Не легко дается мне доверие братьев. Но каждый полезен Делу на свой лад. Я служу у деспота военным министром. Это отдает в мои руки все нити, я знаю все ходы противной стороны.

Рафаэль мог только повторить:

— Ваше превосходительство, я не понимаю вас...

Эгиа снова забегал по кабинету. Вдруг он подскочил к Риэго. Перед самым носом Рафаэля замелькал увесистый кулак.

— Проклятый масон! В твоих рачьих глазах я читаю, как в раскрытой книге. Во Франции тебя напичкали инструкциями к «иберийским братьям». Следовало бы сегодня же посадить тебя на цепь, но я предпочитаю удовлетворить твою просьбу. Я придумал для тебя хорошую штучку! Ты пойдешь в полк, а за тобой — мои верные глаза. От них не укрыться ни тебе, ни твоим сообщникам.

Рафаэля предупреждали о причудах министра и инквизиторских его забавах. Но аудиенция принимала явно опасный оборот. Нужно протестовать, пока не поздно.

— Ваше превосходительство, честь испанского офицера не может допустить...

Тут Эгиа совсем взбесился. Он заорал во всю свою солдатскую глотку:

— В экспедиционную армию, масонский офицер! В болота дебрей Ориноко! В голодные степи Тукумана! На съедение кайманам и кондорам!.. Что, не по вкусу, господин подпольный полковник? Предпочли бы портить воздух столицы? Нет, милый мой, в Америку!.. В колонии! К черту на рога!..

* * *

В первые дни по возвращении из валансейского пленения Фердинанд не упускал случая изъявить армии свою благодарность за ее многолетнюю верность. Он надавал войску множество обещаний: улучшить питание и одежду солдат, перевооружить пехоту, создать лазаретную службу, обеспечить инвалидов.

Но уже через несколько месяцев по воцарении Фердинанда армия стала испытывать все возрастающее пренебрежение и недружелюбие монарха: Фердинанд боялся армии. Он понимал, что боровшееся против чужеземного тирана войско может

вступить в борьбу и со своим, испанским самодержавием.

Испанские вооруженные силы совсем не походили теперь на армию времен Годоя. В офицерской среде бродили дрожжи вольномыслия. Тайные военные союзы, вкус к которым привился со времени французской оккупации, постепенно переходили от таких невинных занятий, как помощь многосемейным офицерам, обучение грамоте солдат, к рассуждениям о природе власти, о преимуществах парламентского государственного устройства и на другие, еще более запретные темы.

Высшие офицеры, генералы Элио, Эгиа и многие другие, помогли Фердинанду разогнать кортесы, истребили зачатки гражданской свободы. Но эти преторианцы не составляли большинства испанского офицерства. Несравненно многочисленнее были офицеры, относившиеся с ненавистью к восторжествовавшей реакции. В рассеянных по гарнизонам страны тайных хунтах зрела угроза неограниченной власти монарха.

Осенью 1814 года, когда Риэго получил от военного министра подполковничьи эполеты и командование вторым батальоном Астурийского полка, стоявшего в Кадисе, отношения между войском и троном были уже вконец испорчены.

Как только военный попадал под подозрение в свободомыслии, либерализме, франк-масонстве, его бросали в подземелье инквизиции. После долгих, изощренных пыток обвиняемого почти всегда приговаривали к бессрочному заключению.

Эгиа установил в армии новые, невыносимые для человеческого достоинства порядки.

Желая изгнать из армии дух свободолюбия, он запретил петь песни, рожденные в славные дни битв и побед освободительной войны. Офицеры обязаны были каждый день читать перед солдатами длиннейший ряд молитв по четкам.

Офицеры, отличившиеся во время освободительной войны, оставались в пренебрежении, их загнали в глухие провинциальные гарнизоны. Во главе полков оказались ставленники камарильи, не нюхавшие

пороха и обязанные своим повышением только заботам их столичных покровителей.

Хуже всего обстояло, однако, с довольствием армии. Солдатам и офицерам не платили жалованья по целым месяцам. Поставщики, не получавшие из казны ассигнований, прекратили поставки. Чтобы не дать солдатам умереть голодной смертью, коменданты гарнизонов вымаливали муку, мясо, помощь деньгами у богатых купцов и настоятелей монастырей.

Порой доходило до голодных бунтов — солдаты атаковали дома горожан, силою отбирали хлеб и одежду. Босые, в отрепье, солдаты просили милостыню на городских перекрестках. В конце концов власти запретили им показываться днем на улицах, чтобы они своим видом не оскорбляли общественной благопристойности. Зимой изобретательные генералы добивались разрешения для солдат залезать на ночь в печи городских хлебопекарен.

Рядовым офицерам, тем, кому не присылали денег из родительских поместий, жилось немногим лучше. Они недоедали. Стыдясь выставлять напоказ свои поношенные мундиры, сидели по домам и с тоски напивались в долг.

В армии накапливалось острое недовольство, со дня на день грозившее открытым мятежом.

* * *

Еще во Франции Риэго заучил на память ряд данных ему адресов. Он начал разыскивать мадридских братьев. При этом строго придерживался масонских инструкций — долго петлял по улицам, чтобы запутать свой след.

Найдя нужных людей, он шепотом произносил пароль, чуть заметно подавал масонские знаки. Но наталкивался на глухую стену.

Осторожность мадридских масонов восхищала Риэго. Вспоминая угрозы Эгиа, он только посвистывал: самый пронырливый шпион окажется здесь в дураках!

Вскоре Риэго приметил, что за ним по пятам ходят какие-то люди. Преследователи эти были так осторож-

ны, так робко жались к стенам... Никак нельзя было принять их за секретных агентов полиции. Рафаэль догадывался: за ним следят «глаза» вольных каменщиков.

Однако эта игра в прятки затягивалась и начинала выводить из себя нетерпеливого от природы Риэго. Он уже готов был махнуть рукой на данное ему поручение и направиться в Кадис, в свой полк.

Как-то, возвращаясь к себе в заезжий двор близ Площади Быков, Риэго подошел к уличной шоколадница. Он бросил на поднос десять мараведов и с раздражением подумал, что выданные ему подъемные приходят к концу: слишком долго задержался он в Мадриде.

Протягивая чашку с ароматным напитком, женщина прошептала:

— Дон Рафаэль, вас ждут сегодня вечером.

Риэго посмотрел ей пристально в глаза. Неужели это от «них»? Но ведь он мог и не подойти к этой шоколаднице... Возможно ли такое совпадение? Нет, это просто мистификация...

— Где?

— Камино-Альто, за Толедским мостом.

Один из французских адресов!..

Предстояло пересечь весь город, а солнце уже склонялось к закату. Забыв на радостях всякую осторожность, Риэго пошел прямо к мосту.

Через час он уже шагал вдоль набережной Мансанареса рядом с доверенным лицом мадридской ложи.

— Возьмите меня под руку. Понимаете — вы поддерживаете... Ну, скажем, вашего чахоточного брата... или, лучше, дядю.

Рафаэль косится на своего спутника. Исхудалое лицо, запавшие глаза. Тяжело опирается на палку... Но эта крепкая рука с тугими, стальными мускулами говорит о богатырском здоровье. И снова он изумляется ловкости мадридцев.

— Я слушаю вас, дон Рафаэль.

Риэго передает предложения парижан:

— Французские братья надеются, что мы начнем восстание с севера. Тогда они смогут протянуть нам руку помощи через Пиренеи. Мы получим не только

оружие, но и добровольцев. Готов к действию и Мина. По первому зову он перейдет горы и поднимет Наварру и весь север Испании.

— Нет, никакой помощи людьми из Франции! Это только погубило бы наше дело. Во французах народ все еще видит врагов.

— Да, но оружие? Я должен вам сообщить, что французские ложи завербовали у себя капитанов, готовых на риск. Они подойдут с грузом оружия к любой точке испанского берега.

— Брат Риэго, запомните: восстание, которое мы подготовляем, ни в чем не будет походить на герилью. Подымутся не крестьяне, а регулярные воинские части. Зачем же еще оружие? Нет, принять мы можем только деньги. Впрочем, я передам предложения на суд Великого Востока.

— Ну, а Мина?

— Мина выпадает из игры.

Риэго в недоумении остановился:

— Как? Этого я не могу понять!

— Не оставляйте моей руки, брат Риэго. Вот так, прекрасно... А теперь я объясню вам. Всякая попытка восстания на севере обречена сейчас на провал. Мы еще очень слабы в гарнизонах Наварры, Бискайи и Арагона. Начнет, и очень скоро, юг — Валенсия, Корунья либо Кадис. Мы рассчитываем и на экспедиционную армию. Когда вы отправляетесь туда?

— Я буду в Кадисе в ближайшие дни.

— Вы получите инструкции Великого Востока. Завтра в полдень за вами придут. А теперь нам, пожалуй, лучше расстаться.

Старый масон согнулся, заковылял, опираясь на палку.

* * *

Впереди шел мурсиец с большим медным кувшином на плече.

— Агва фреска! Агва фреска! [1] — оглашал он округу певучим баритоном.

---

[1] Агва фреска — холодная вода.

Рафаэль следовал за ним.

Причудливые петли водоноса привели к старой, тесной улице в самом центре Мадрида.

Как только Риэго вступил в ее затененную щель, со всех сторон на него устремились испытующие взоры. Улица была, видно, под строгим наблюдением стражей ложи — нищих, уличных торговцев и брадобреев.

Мурсиец довел Риэго до порога дома, укрытого в глубине сада. Дверь приоткрылась и впустила гостя в прихожую. Привратник ложи протянул маску и темный плащ.

В зале, где находилось около двадцати человек, «работа» уже началась.

Сев на скамью, Рафаэль стал присматриваться к собравшимся. Все были в плащах и масках. К удивлению своему, он не видел ни передников, ни молотков. Не было и алтаря. Впереди скамей стоял высокий стол, род кафедры.

Грузный человек на кафедре только что начал свою речь:

— Я не могу говорить красно. Расскажу вам о том, что думает барселонское купечество, почему оно негодует на теперешние порядки. Много пришлось мне слышать жалоб с разных сторон, от крестьян и от землевладельцев, на бедствия и разорение из-за долгой войны. Скажу вам прямо: мы, купцы, на войну не жалуемся. Война нас обогатила.

Но беда наша в том, что Желанный пляшет под дудку советников, разрушающих основу нашего благосостояния. На нас сыплются один за другим всякие декреты, правила, разъяснения. Все они говорят об одном: приказывают развязывать кошелек. Королевские интенданты, взимающие налоги, — да они хуже разбойников с большой дороги. А откупщики? Подумать только, что вино, которое выжато в пяти лигах от Барселоны и привезено на барселонский рынок мимо городской таможни, этого кровопийцы-откупщика, считается контрабандой! Я спрашиваю вас: слыханное ли дело подобные правила в наш просвещенный век?

Далее посудите, какой может быть порядок в финансах, когда в государственное казначейство поступают деньги только для оплаты королевской гвардии. А все остальные доходы текут в дворцовый сундук! В чем же разница между королевским правительством и грабившим нас маршалом Сультом?

Правительство всюду ищет доходов и выколачивает их любыми способами. А на что уходят эти кровные наши деньги? Все пожирают королевские любимчики, жадность которых может иссушить океан золота!

Купечество Барселоны, как и торговцы и промышленники всей Испании, жаждет разумных порядков, контроля над государственной казной и свободной торговой деятельности. Купечеству не по пути с тиранией. Я заверяю вас, братья, что дело освобождения имеет в нас надежных союзников! — заключил свою речь барселонец.

Магистр ложи пригласил на кафедру «ученого доктора из Саламанки».

— Я хочу сказать братьям, — начал тот, — что мы найдем для нашего правого дела верных помощников среди студентов Испании. Стены семнадцати наших университетов еле вмещают пятьдесят тысяч учащихся. Но головы всей этой молодежи набивают средневековой казуистикой. У нас в Саламанке, по требованию инквизиции, до сих пор заставляют Солнце вращаться вокруг Земли!

А как живут наши школяры? Краска стыда заливает мое лицо, когда я поздней ночью вижу, как студенты за жалкий реал распевают на пустой желудок под окнами тщеславных сеньорит, заступая место влюбленных гидальго. В погоне за ломтем хлеба многие выполняют самые унизительные работы, от каких откажется даже последний гитано[1]: они ловят на собственные икры пиявок в болотах, очищают от клещей мулов, нанимаются в любовники к старухам...

---

[1] Гитано — цыган.

Новая, свободная Испания даст каждому студенту хлеб и напоит из чистого источника истинного знания. Сердца молодых испанцев рвутся к великому делу освобождения!

Гул одобрения покрыл слова доктора. В это время в зал вбежал страж и стал взволнованно шептать на ухо магистру. Тот подал знак и повел за собой братьев к потайной лестнице в подвал.

Но их нагнал второй страж. Тревога оказалась ложной, и все вернулись на свои места.

Магистр обратился к собравшимся:

— Братья, сейчас скажет слово адвокат из Валенсии. Затем мы услышим голос армии.

Маленький, подвижный как ртуть валенсиец говорил быстро, сопровождая свою речь жестами опытного оратора:

— У нас в Валенсии под знаком Зодчего соединились непримиримые в прежнее время враги. Есть среди валенсийских братьев люди, которые служили королю Жозефу. Большинство же искало счастья страны в программе Кадиса. Но, пока мы в братоубийственной борьбе утверждали каждый свою истину, пришел «третий радующийся». Он уничтожил не только большую конституцию Кадиса, но и маленькие свободы Байонны. Кровавый валенсийский сатрап камарильи Элио бросает в тюрьмы и либералов и бывших сторонников Жозефа. И все мы готовы теперь принести жизнь в жертву свободе!

Посмотрите, как слаба тирания. Ища себе сочувствия, она вовлекает в спор с нами простой народ. По приказу Элио монахи ведут с крестьянами политические беседы. Церковь делает крестьянство судьей между королем и революцией.

Но Элио бессилен! Я могу передать вам благую весть: валенсийские полки готовы к борьбе за наше дело. Совет Великого Востока знает имена доблестных офицеров, которые не поколеблются обнажить шпагу по его требованию. Офицеры, наши братья, готовы в любую минуту, хотя бы ценой своей жизни казнить палача Валенсии!

Слушавшие адвоката повскакивали с мест. Могу-

чая сила подбросила и Риэго. Элио был олицетворением бед, постигших родину, пауком в центре паутины деспотизма. Угрожающе поднялись кулаки.

— Смерть гадине! Уничтожить собаку! — вырвалось из стесненных волнением грудей.

Магистр вскочил на кафедру, отчаянно замахал руками: крики могли привлечь внимание шпионов, провалить ложу.

Когда, наконец, воцарилась тишина, к кафедре подошел, поправляя на лице маску, высокий, огненно-рыжий офицер-галисиец.

— Я от воинских частей, расквартированных в Корунье. Меня послали в столицу узнать, скоро ли здесь перейдут от слов к делу! Мы у себя готовы к выступлению. Подавляющая часть офицеров с нами. По первому знаку из столицы или по призыву нашей галисийской ложи восстанут три пехотные дивизии. Какую силу противопоставит нам тиран? Этот вопрос нас волнует больше всего. Если камарилья не сможет направить на подавление нашего восстания гарнизоны других провинций, дело будет выиграно!

Передаю вам настойчивое требование галисийской ложи — собрать все внимание, материальные средства и моральные наши силы вокруг армии. Пусть на это время вместо молотка и угольника нашим символом станет карающий меч!..

Боясь, как бы не повторились шумные возгласы одобрения, магистр поспешил обратиться к галисийцу сам:

— Я хочу передать нашим братьям в Галисии восхищение мадридской ложи их отвагой и решимостью. Старый масонский обычай признает высокой наградой рукопожатие магистра. Дайте вашу руку, брат мой!

Когда галисийский масон сошел с кафедры, магистр повернулся в сторону Риэго:

— Теперь послушаем другого офицера, прибывшего из-за границы и направляющегося в экспедиционную армию.

Риэго намеревался сказать лишь несколько слов.

— Испанец, пробывший на родине еще лишь немного дней, не скажет о ее бедах ничего такого, что было бы неизвестно братьям, изведавшим гнет камарильи в течение долгих месяцев.

Я — солдат. Может быть, поэтому мне ближе всего слова собрата из Галисии. Да, одна только может быть у нас цель сейчас — поднять войско! Я отправляюсь в экспедиционную армию. Моя задача будет более широкой, чем того требует мой собрат: надо не только помешать удару экспедиционной армии по восставшим в Галисии, но и подготовить пронунсиамиенто [1] в Кадисе. Один господь знает, кому суждено нанести решающий удар тирании. А старое военное правило гласит, что лучше атаковать врага с фронта и с тыла, чем бить его только в лоб!

После Риэго к собравшимся обратился сам магистр ложи:

— Я хочу сказать вам, братья, прибывшие из отдаленных мест Испании: день нашего торжества близок! Не покладая рук, по всей стране куют оружие освобождения десятки лож, сотни тайных хунт. Напрасно наши враги сыплют золотом, тщетно пытают они заподозренных в близости к нам. Тайна — главная наша сила — остается для них сокрытой. Предателей нет среди строителей новой Испании, и тайны каменщиков не попадут в руки тиранов!

Вы должны знать, братья, что Великий Восток уже не в Мадриде. Сердце нашего Дела упрятано далеко от когтей, могущих разодрать его.

Хартия Кадиса — наша путеводная звезда. Мы все клялись умереть за кадисскую конституцию. Наша клятва, клятва вольных каменщиков, нерушима!

Военное восстание — вот наша цель. Правы братья из армии — все силы надо направить на успех пронунсиамиенто. Где вспыхнет восстание, мы еще не знаем. Поэтому мы должны быть готовы во всех углах Испании.

---

[1] Пронунсиамиенто — военное восстание.

III

АРМИЯ БУНТУЕТ

По прибытии в Кадис Риэго поспешил связаться с руководителями офицерской революционной хунты. Ему сообщили, что к пронунсиамиенто уже примкнул главнокомандующий Морильо. Пройдет несколько дней, неделя, может быть, месяц, и 10-тысячная экспедиционная армия двинется на Мадрид! А там — созыв кортесов, присяга короля конституции, свобода...

Риэго живет этим будущим.

Но гарнизонная жизнь тяготит его. Чем заполнить долгие досуги после возвращения с учебного плаца в казармы, в тесную каморку дома, в котором живут офицеры? Члены тайного офицерского союза собираются вместе только раз в неделю — таков строгий уговор. Обычные же развлечения офицеров гарнизона — карты, кутежи, дуэли — не привлекают Риэго. Для него нет в жизни половинчатых решений, он весь безраздельно отдается своей страсти революционера.

Когда пьяные крики и треньканье гитар за стеной начинают терзать его слух, Рафаэль отправляется на взморье — любимое место прогулок кадисских горожан. Море и людская толпа, как огромная губка, вбирают в себя трепет его напряженных нервов.

У ног его плещутся волны океана. Водные просторы спорят синевой с глубоким чистым небом. Как вздох гигантской груди, замирают дуновения тропических ветров у белых стен. Они несут острые запахи преющих водорослей, наполняют сердце сладостной тоскою по морской зыби, по белому парусу, летящему птицей в далекие края.

В опоясанном водной лазурью старом андалузском порту все зовет к бездумной радости. Из таверн, сквозь занавешенные бисерными нитями двери, рвутся наружу сухие трели кастаньет, ритмичные удары ладоней и певучие возгласы «о-ле!» На столах, в кольце упоен-

ных танцем зрителей, разноцветными молниями полыхают юбки, ленты, унизанные браслетами руки и смоляные косы байларин, пронесших сквозь три тысячелетия искусство огненной гадитанской[1] пляски.

Прогуливаясь быстрым, эластичным шагом вдоль набережной, Рафаэль обдумывает предстоящее свидание главарей заговора с генералом Морильо. Поглощенный своими мыслями, он перестает замечать великолепие южного моря, красоту женщин, даже жалобы пустого желудка.

Это будет решающий момент. Генерал уже взял у ложи миллион реалов на закупку продовольствия. Теперь дело за его присягой. И надо предупредить генерала, что, после того как клятва принесена, отступление невозможно...

* * *

Генерал Морильо, как и Мина, вышел из народа. Французское вторжение застало его пастухом у владетельного сеньора. Ко времени возвращения Фердинанда он был маршалом Испании. Морильо, однако, ни во что не ставил политические силы, позволившие ему так высоко подняться. Кортесы, конституция — это были лишь ступени к его, дона Пабло, возвеличению. Среди разгула реакции генерала заботило лишь одно: сохранить высокое свое положение, если удастся, взобраться еще выше.

Время было трудное. Морильо ощущал всю мощь бурлящего в народе недовольства. Но ведь и камарилья крепко держала вожжи. Делать ставку на тиранию было опасно, взять сторону либералов и масонов — еще опаснее.

И тут как раз король предложил генералу стать во главе экспедиционной армии, подготовленной для усмирения восстания в испанских колониях за океаном. Удалиться на время из Испании, пока выяснится, какая сторона берет верх, — это наилучшим образом устраивало Морильо. Колумбия, Мексика, Перу, Арген-

[1] Гадитанский — кадисский.

тина... Оттуда ведь можно будет вернуться с туго набитым кошельком!

Морильо решил принять командование армией.

Когда в начале 1815 года главнокомандующий Морильо прибыл в Кадис, туда было уже стянуто несколько дивизий для колониального похода.

Генерал проинспектировал войска. Запасов провианта оказалось совершенно недостаточно для экспедиции за океан. А в армейской кассе — хоть шаром покати. Дон Пабло хорошо знал, что на Мадрид нечего рассчитывать. Он обратился за помощью к местным толстосумам.

При первом же свидании с генералом купцы стали заговаривать о настроениях жителей города и гарнизона, о славе, какая ожидает храброго военачальника, имеющего достаточно зоркий глаз, чтобы заглянуть в будущее. Нетрудно было понять, куда они клонят.

Дона Пабло начал мучить сильнейший соблазн. Перед ним уже маячила возможность стать первым маршалом Испании, может быть, ее диктатором. В его руках внушительная сила. Войску так ненавистен этот поход, что оно, не колеблясь, пойдет за ним, на Мадрид.

Новые друзья дали денег с большой щедростью. Понемногу и в глубокой тайне генерал стал договариваться с агентами лож и с армейской революционной хунтой. Члены хунты требовали от Морильо присяги.

Когда Риэго уже считал часы, оставшиеся до выступления экспедиционной армии против абсолютизма, во дворец главнокомандующего проник смиренный монах. Это был агент инквизиции.

Разговор был короткий: Святому присутствию все известно. Пусть генерал остановится на гибельном пути, пока не поздно! Все будет забыто, если он публично принесет покаяние, а затем немедленно отправится с войсками за океан.

Порывшись в кармане своей сутаны, босоногий посланец инквизиции положил перед Морильо крошечный кинжал в серебряном чехле:

— А если дон Пабло вздумает упорствовать, то лучше ему воспользоваться вот этим стилетом! Легкий укол в палец избавит его от ста одной пытки...

Монах давно скрылся, а Морильо все не мог отвести глаз от лежавшей перед ним на столе смертоносной игрушки.

На следующее утро военная хунта собралась, как было условлено, чтобы принять присягу Морильо. А генерал в это время плелся в хвосте церковной процессии, с тяжелой восковой свечой в руках, в белой покаянной хламиде поверх мундира.

Надежды хунты рушились. Риэго предлагал расправиться с отступником, но члены хунты не согласились с ним: ведь присяга не была принесена.

Через несколько дней Морильо во главе 10-тысячной армии отплыл в Америку.

В Кадисе остались офицеры резерва для формирования новых экспедиционных войск. Среди них был и Риэго.

* * *

Замок Сан-Антон, близ Ла-Коруньи, на протяжении веков служил тюрьмой для государственных преступников Испании.

Здесь томился в одиночном заключении дон Хуан-Диас Порльер, знаменитый вождь герильеров, известный всей Испании под кличкой Маркесито — Маленький маркиз. Порльер попал в тюрьму из-за перехваченного полицией письма, в котором он давал волю своему возмущению абсолютистским режимом.

В один из летних дней 1815 года комендант замка, тайный сторонник либералов, согласился допустить к узнику двух офицеров — членов галисийской военной хунты.

Когда перед офицерами открылась окованная железом дверь, они увидели сильно исхудавшего Маркесито. Но он был гладко выбрит, а вся его маленькая фигурка сияла свежестью и чистотой.

— Дон Хуан, — начал один из пришедших, — наше свидание ограничено минутами. Я буду краток... Сидя уже год в заключении, вы, может быть, не пред-

ставляете себе, какое горькое разочарование постигло нас, как и всех сторонников Дела, в Кадисе. Теперь взоры патриотов обращены к Галисии. Мы готовы были к выступлению еще в марте. Но какие-то слухи достигли камарильи, и король выслал нашего генерала в Каталонию. Мы остались без вождя. Нам, дон Хуан, нужен глава, за которым без колебаний пойдет не только Галисия, но и вся Испания...

Маркесито перебил говорившего:

— И что же, сеньоры?

— От вашего решения, дон Хуан, зависит, может быть, судьба нашей родины!

— Не могу, дорогие друзья, поздравить вас с удачным выбором. Я болен... Сырость каземата успела проникнуть в мои кости. В решительную минуту вашего вождя может свалить ревматизм... А ведь два костыля не стоят одной шпаги!

— Да... Но чего стоит ваш опыт военачальника!..

Порльер зашагал по камере.

Мина во Франции... Ласи в ссылке... Эмпесинадо ушел из армии. А Бальестерос? Лабисбаль? Эти, кажется, продались тирании!..

В голове Маркесито одно за другим возникали и рушились возражения. Пришла, видно, пора понести бремя. Этого требует несчастная участь родины! Но Хосефа...

При воспоминании о любимой жене сердце герильера болезненно сжалось. Он заговорил, с трудом скрывая волнение:

— Ни один честный испанец не может отказать родине в праве располагать его жизнью. Но я прошу покорно галисийскую хунту поставить во главе пронунсиамиенто человека, свободного от личных привязанностей, гибель которого...

Дон Хуан запнулся — он почувствовал несуразность своих слов. Лицо омрачилось горькой усмешкой:

— Простите, сеньоры, долгое сидение в тюрьме несколько расшатало мои нервы. Мой ответ будет краток: я готов!

Руки соединились в крепком пожатии.

Не потребовалось много времени и для того, чтобы договориться, как устроить побег. Больной узник обратился в Мадрид с просьбой о разрешении лечиться на водах в Артейо. А там уж никакая стража не сможет помешать ему скрыться.

* * *

В ночь на 18 сентября Порлье бежал из Артейо и пробрался в Ла-Корунью. Заговорщики уже ждали своего вождя и заранее вывели подчиненные им части из казарм.

Маркесито хорошо знал, как найти путь к сердцу солдата, — легче всего увлечь его за собой, обещав отомстить за все солдатские обиды.

Порлье обратился к солдатам с краткой речью:

— Его величество, — сказал он, — повелел довольствовать армию одеждой, обувью, обильным провиантом. Для любимого им войска он отпустил из казны значительные суммы. Но стоящие во главе управления казнокрады прикарманили все деньги. И вот теперь, братья, мы добьемся справедливости силой оружия! Однако помните: для успеха дела все мы должны строго соблюдать дисциплину.

Нескольких наиболее преданных Делу офицеров Порлье послал арестовать капитан-генерала и других виднейших слуг абсолютизма. Они же должны были освободить заключенных в тюрьмы либералов.

Восставшие направили в Эль-Ферроль, Виго, Сантьяго-де-Компостела и другие города Галисии призыв примкнуть к движению.

Уже через день гарнизон Ферроля в полторы тысячи штыков шел на соединение с восставшими. Другой отряд выступил под знаменами свободы из Виго. Только войска в Сантьяго, столице провинции, еще колебались, и либералы слали оттуда к Порльеру гонцов, прося его поскорей прибыть в город.

Сантьяго с его тридцатью монастырями и знаменитым собором был настоящим бастионом воинствующего католицизма. Собор с «чудотворными» мощами святого Яго, издавна привлекавшими толпы паломни-

ков со всех концов Испании, владел огромными богатствами и кормил тысячи служителей культа, белое и черное духовенство. Пропахший ладаном, окутанный колокольным звоном, Сантьяго был непримиримо враждебен деятельным и вольнолюбивым торговым портам Корунье и Ферролю и всегда держал наготове против их либерализма свою черную рать.

Порльер сформировал колонну из 800 человек и двинул ее на Сантьяго. Вечер 22 сентября застал Маленького маркиза в двух лигах от этого города, в небольшом поселении Орденесе. Он отправил офицера к командующему гарнизоном Сантьяго, предлагая присоединиться к восставшим либо сдаться. Никакого ответа не последовало. Посоветовавшись со своим штабом, Порльер решил переночевать в Орденесе, чтобы на рассвете идти дальше.

С первой минуты, как в Сантьяго стало известно о перевороте Порльера, монахи и падре выдали из монастырских кубышек всему гарнизону города давно не плаченное жалованье.

Церковники тотчас оценили все возможности, создавшиеся благодаря неожиданной остановке Порльера. Они отправили в Орденес своих эмиссаров.

Пока Порльер и его офицеры сидели в харчевне за обильным ужином, в ночном сумраке по селению шмыгали монахи. Они пробрались в сараи, где были размещены солдаты. Разыскав сержантов, они созвали их в церковный двор и развязали свои кошельки.

Подкупив унтер-офицеров, монахи вместе с ними пошли по сараям уговаривать солдат.

Если не действовал страх отлучения от церкви и вечных адских мук, прибегали к звонким реалам. Унтер Чакон лицемерно разглагольствовал перед солдатами о бесчестии и ужасах братоубийственной войны, о том, что аристократ Порльер ведет их убивать таких же крестьян, как они сами. Только арест бунтовщиков-офицеров и отдача их в руки правосудия позволит солдатам избежать беды и даст им королевское прощение.

Чакон руководил всей операцией. Он выставил караулы вокруг деревни, чтобы никто не мог скрыться.

Офицеры все еще благодушествовали за столом, когда дверь харчевни распахнулась:

— Сдавайтесь, изменники!

Офицеры успели обнажить шпаги и выстроиться для защиты. Раздалось несколько выстрелов.

Среди ворвавшихся не было ни одного рядового. Рассчитывая, что солдаты остались ему верны, Маркесито прыгнул через окно во двор с криком:

— Офицеры, за мной!

Но дом был окружен.

Порльер и его офицеры уступили судьбе. Их отправили в Сантьяго, в подземелье инквизиции.

Весть о катастрофе в Орденесе мгновенно достигла Коруньи. Обезглавленное движение растаяло. Комендант и новые власти, назначенные Порльером, поспешили скрыться.

Так потерпел крушение военный переворот, задуманный во имя самых высоких побуждений.

Мадрид требовал быстрого, сурового наказания бунтовщиков. На Порльера надели кандалы весом в пятьдесят фунтов и под сильным конвоем отправили в уголовную тюрьму Коруньи. Старинный варварский закон требовал оголения его по пояс. Так он и валялся в сыром, темном подземелье.

Военный суд 2 октября приговорил Порльера к повешению.

Достоинство и твердость, проявленные Маркесито с момента ареста и до смерти, были поистине прекрасны. Когда фискал, читая ему приговор, произнес слово «изменник», Порльер воскликнул:

— Изменник?! Скажите лучше — самый верный слуга родины!

В письме из тюрьмы к жене Порльер просил ее вспомнить, сколько раз его жизнь подвергалась опасности на службе Испании. Теперь он будет принесен в жертву за то же дело. Смерть его не страшит. Казнь ужасна для преступника, но она славна для того, кто умирает за благо родины!.. Он просил жену написать

на его могильном камне: «Здесь покоится прах дона Хуана-Диаса Порльера, генерала испанских армий. Он был счастлив во всем, что предпринимал против врагов своей родины, и умер жертвой гражданских раздоров. Честные души, почтите прах погибшего».

День казни Порльера был днем траура в Корунье. Мужество и чистые побуждения этого борца за свободу снискали ему общую любовь.

Когда на шею Маленького маркиза уже надели петлю, он вынул из кармана мундира белый платок, приложил его к глазам и отдал священнику:

— Передайте это донье Хосефе...

* * *

Известие о восстании в Галисии как удар грома потрясло все здание тирании. Но замешательство было недолгим. Порльера поймала в свои цепкие лапы инквизиция. И на смену трусливому страху пришел шумный триумф. Реакция праздновала свою победу бешеными гонениями на либералов.

Отставки, ссылки, аресты сыпались теперь на головы даже самых преданных слуг режима. В немилость попал и новый военный министр Бальестерос, который позволял себе независимый тон в отношении камарильи.

Задумав отставку Бальестероса, Фердинанд навестил министра в его загородной вилле, вел с ним долгую милостивую беседу. Прощаясь, он просил генерала приехать с самого утра во дворец для обсуждения неотложных дел.

Счастливый благосклонностью монарха, министр явился в королевские покои. Здесь дворцовый лакей вручил ему приказ об отставке и немедленном выезде в ссылку.

Для либерального лагеря — тайных военных обществ — плачевный исход заговора Порльера был жестоким ударом.

При первом известии о восстании в Галисии военные хунты подготовили выступления войск в Кадисе, Барселоне, Валенсии, Сарагосе. Но связь между отдельными частями страны была так затруднена, что,

когда удалось, наконец, согласовать действия, очаг восстания уже погас.

Провал в Галисии оказался лишь первым глотком из горькой чаши неудач и разочарований. К началу 1816 года под удар реакции попал центр испанских масонов, находившийся в то время в Гранаде. Инквизиция овладела архивами ложи. Хотя имена во всех документах и письмах были вымышленные, но пытками инквизиторам удалось выведать часть масонских тайн. Тысячи людей угодили в тюрьмы и в ссылку. Оставшимся на свободе приходилось сызнова плести сложную сеть конспирации.

Полной неудачей закончилась и попытка военного восстания в Каталонии весной 1817 года. Его глава, знаменитый полководец Луис Ласи, которому Каталония была обязана освобождением от наполеоновского нашествия, погиб от руки королевского палача.

В стороне от военных союзов и независимо от масонских лож, под боком у столичных властей возник и развился заговор Висенте Ричарта. Этот видный мадридский адвокат и писатель шел значительно дальше современных ему испанских революционеров. Сначала заговорщики задались целью овладеть особой короля и силой заставить его ввести конституцию. Но вскоре этот план был отброшен. Решили убить Фердинанда и его брата дона Карлоса, а затем провозгласить конституционным королем Испании одного из австрийских принцев.

Глава заговора взялся проникнуть во дворец и нанести удар. Но его задержали с кинжалом в дворцовых покоях — один из соучастников выдал смелого заговорщика.

Ричарт умер на виселице.

Для острастки непокорному народу голову казненного выставили на пике у мадридских ворот.

* * *

Тайная встреча двух офицеров экспедиционной армии затянулась. Разговор то и дело взрывался страстным спором. Голоса взметались вверх. Собесед-

ники расходились в противоположные углы комнаты и с неистовыми жестами осыпали друг друга упреками.

Но вспышка гасла, тонула в виноватых улыбках. Спорящие «шли на сближение», обменивались примиряющими словами.

— И все же, Антонио, твоя вина огромна. Ты говоришь, Маркесито устал, был болен... Ну, а вы, призвавшие его? Почему ни один из вас в решительную минуту не остался с солдатами? Ведь эти люди уже на следующий день должны были идти в бой!

Откинув белокурую голову, полковник Кирога, могучий, статный галисиец, уставился синими глазами на Рафаэля:

— Ты должен понять... Положение оцениваешь поразному: до наступления ожидаемых событий — и после. В Орденесе нам казалось, что все уже сделано. Не было сомнений, что назавтра Сантьяго будет наш!

— Вот, вот! И вместо того чтобы с верными людьми захватить город... эти самые люди берут вас за уши, как пойманных в капкан зайцев, и складывают в мешок. Клянусь памятью матери, всякий раз, когда я думаю об этом, я близок к помешательству от стыда и бессильной ярости!

— Но пойми же — предательство! Этот Чакон...

Риэго вспылил:

— Пусть черти в аду растерзают тех, кто в оправдание себе говорит о Чаконе! Галисийские шакалы давно сожрали бы эту падаль, всех Чаконов, если бы вы не вели себя как обжоры, забывшие обо всем на свете за пучеро [1] и агуардиенте [2]... Истинные патриоты и во сне должны помнить о бедах родины!

Галисиец возмутился. Кто этот человек, чтобы бросать такие обвинения?

Скривив пренебрежительно рот, Кирога процедил своим густым баритоном:

— Самые несносные из людей, каких мне приходилось встречать, — это те, которые поучают других храбрости, чести. А сами? Сами дают отплыть за

---

[1] Пучеро — испанский суп.
[2] Агуардиенте — водка.

океан армии, готовой к революционному действию! И позволяют себе поносить тех, кто, рискуя головой, поднял войска, но упал, споткнувшись на измене.

Риэго уже раскаялся в своей горячности: «А ведь он прав!..»

— Антонио, друг! Слова, как бы обидны они ни были, не в силах разрушить наш союз. Мы сами, может быть, разделим участь Маркесито... Не для спора возвращаюсь я снова к Орденесу: мы должны с тобой понять причину поражения Маркесито.

— Что еще я могу прибавить? Ведь я уже рассказал тебе всю историю этого пронунсиамиенто.

— Но солдаты?.. Они ведь присягнули нашему Делу!

— Все были подкуплены врагом — кто золотом, а кто обещаниями.

— Порльер тоже обещал, и немало.

— Ты прав, но пока солдат недостаточно разумен. Его патриотические чувства еще в пеленках. Понимаешь, ведь мы ведем его на борьбу за какое-то общее благо, совсем для него туманное. И при этом он рискует головой... А тут ему предлагают блестящие реалы, вино да еще сверх всего отпущение грехов.

Рафаэль досадливо отмахнулся:

— Вот как! Значит, полковник Кирога готов пожертвовать собой ради свободы родины, а солдат на это не способен. Его надо охранять от соблазна... от десяти реалов...

— Но, милый мой, как можно сравнивать офицера и солдата? Чтобы полюбить свободу, нужно выйти из мрака. Но побороть невежество народа можно только в свободном государстве. Этот порочный круг мы призваны разорвать.

Риэго поднялся с кресла и зашагал по комнате.

— Нет, главное в ином, совсем в ином! Чтобы в решительную минуту удержать людей от перехода на сторону врага, мы сами должны горячо верить в правоту нашего дела! И знаешь, Антонио, — остановился Рафаэль перед своим собеседником, — я бы не подпускал к революции всех этих генералов с запятнанной репутацией. Ну к чему заигрывать с Бальe-

стеросом? Каждому солдату известно, что этот герой еще при Годое украл три тысячи солдатских пайков. А Лабисбаль? И того хуже...

— Это сплетни, и только! — раздраженно прервал собеседника Кирога. — Бальестерос наш, вполне наш. Уж не слышал ли ты разговоров и обо мне?

— О тебе?..

— Ну так послушай! Вот что говорят об Антонио Кироге. После казни Порльера Кирога продался тирании. По поручению ставленника камарильи генерала Сан-Марко он повез секретный доклад королю о подробностях подавления восстания Порльера. Выполнив свою миссию...

— Что за шутки, Антонио?!

— Погоди, это еще не все. Выполнив свою миссию, Кирога сумел обратить на себя внимание одной знатной дамы. Ее нежному сердцу он обязан полковничьими эполетами и командной должностью в экспедиционной армии.

Рафаэль отпрянул от белокурого великана.

— К черту эту даму! Говори, повез ты доклад во дворец? Да или нет?!

Глаза Кироги блуждали по карнизу потолка. Щеки, нос чуть-чуть побледнели. Но своему ответу он сумел придать снисходительный и даже несколько иронический тон:

— А если бы и так?

— Отвечай прямо!

— Что ж, изволь. Поручение Сан-Марко я принял и выполнил.

Лицо Риэго исказилось. Он крепко, до белизны в ногтях, сцепил пальцы.

— Так, так... Порльер еще в петле, а Кирога скачет в Мадрид, везет камарилье отчет о показаниях, добытых под пыткой. Какое надругательство над памятью героя!.. Хотел бы я знать, легко ли далось это сеньору Кироге...

Воцарилось молчание. Офицеры глядели друг на друга с ненавистью. Офицерский кодекс чести предписывал ответить на оскорбление вызовом на дуэль. Но это были товарищи по заговору, люди,

обсуждавшие дела руководимой ими революционной хунты.

Кирога решил отделаться язвительной усмешкой:

— Твои выпады не стоят ответа! Но ты должен понять, что эта поездка с докладом в Мадрид избавила меня от виселицы. Я должен был сохранить себя для революции! Этого требовал от нас в последние свои минуты и Маркесито. Что ж, мой поступок я готов отдать на суд патриотов.

Риэго будто забыл о своем противнике. Он тихо, раздумчиво, словно самому себе, прошептал:

— Революция требует прямоты, честности, незапятнанного имени. Ни солдаты, ни народ не пойдут за теми, кто...

— Впредь, Риэго, спорить с тобой никогда не стану. Как глава хунты, прошу и тебя отказаться от такой бесполезной траты наших сил и времени.

— Да, наши споры ни к чему не ведут. Скоро, Кирога, каждый из нас на деле покажет, чего он стоит...

Но при каждой новой встрече споры снова загорались. Примирить эти несходные характеры было невозможно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды.
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя...

А. Пушкин

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

II

ВОССТАНИЕ НА ЮГЕ

В середине 1817 года Риэго был отчислен от экспедиционной армии. Покинув Кадис, он в течение двух лет кочевал по гарнизонам Испании. И повсюду он вступал в подпольные революционные хунты.

Все новые удары обрушивались на головы врагов реакции.

В Валенсии генерал Элио потопил в крови попытку восстания расквартированных там полков. В Мурсии инквизиция разгромила масонскую организацию.

Риэго было только тридцать четыре года, но выглядел он много старше своих лет. Бледное, похудевшее лицо бороздили преждевременные морщины, волосы

на темени сильно поредели, под глазами легли землистые тени.

Постоянные переезды с места на место, нищенская жизнь, постылая служба, тяжелые разочарования... Чувствовать в себе столько ненависти к душителям свободы и испытывать такое унижение от собственного бессилия! Вера Риэго в конечное торжество освободительного движения подвергалась жестоким испытаниям.

В самом начале июля 1819 года Рафаэль снова оказался в Кадисе, в экспедиционной армии

Он застал своих старых товарищей по тайной военной хунте в состоянии крайнего возбуждения: они готовились уже через несколько дней начать восстание. Риэго сообщили, что главнокомандующий экспедиционной армией граф Лабисбаль и дивизионный генерал Сарсфильд примкнули к патриотам.

Риэго не был включен в состав революционной хунты, так как он еще не вступил в командную должность, и поэтому не мог быть полезен восстанию.

Ранним утром 9 июля Риэго поспешил на Пальмовое поле, где выстроившиеся полки ждали прибытия генералов. Лабисбаль должен был приехать из Кадиса, а Сарсфильд — из Хереса-де-ла-Фронтера. Было условлено, что они провозгласят перед войском конституцию 1812 года и объявят поход на Севилью и Мадрид.

Ожидать пришлось долго, все истомились от зноя. Наконец со стороны Хереса показалась скачущая карьером кавалерия с Сарсфильдом во главе. Генерал остановил свой эскадрон перед фронтом пехотинцев и прокричал:

— Да здравствует король!

Почти одновременно с ним прибыл и Лабисбаль. Он стал обходить батальоны и, задерживаясь перед каждым из них, бросал:

— Да здравствует король!

Напрасно Кирога и его сообщники ждали второй здравицы: «Да здравствует конституция!» — генералы изменили данному слову.

Лабисбаль приказал своим адъютантам отобрать у офицеров-заговорщиков шпаги. В тот же день он

отправил Кирогу в монастырь Сан-Агусто. В тюрьмы попали и остальные члены хунты — О'Дали, Арко-Агуэро, оба брата Сан-Мигель.

* * *

Формально непричастный к заговору, Риэго остался на свободе. Приняв командование Астурийским батальоном, он с головой ушел в подготовку нового пронунсиаменто, намеченного в этот раз на 1 января 1820 года.

Риэго держал в своих руках все нити заговора: вербовал новых офицеров в революционную хунту, договаривался с вождями кадисской ложи Верховный капитул, вел переговоры с кадисскими купцами. Он старался получше узнать каждого из солдат своего батальона.

Кирога, сидя в тюрьме, все же находил пути, чтобы поддерживать связь с членами революционной хунты, давать распоряжения Риэго. Тот с большой готовностью признавал прежнего главу хунты руководителем нового заговора. Но всю тяжесть трудного и опасного предприятия Риэго нес на своих плечах.

«Час пробил!» — эти слова он повторяет себе каждый день. Пять лет лелеял он надежду своими руками нанести сокрушительный удар самодержавному режиму. Неизбежное свершится!.. Ничто уже не в силах помешать этому. Возможно, что патриотов ждет поражение. Но постыдной слабости с его стороны враг не увидит.

* * *

Задуманный Риэго план был так же прост, как и смел. Главная квартира экспедиционной армии помещалась в глухом городке Аркос-де-ла-Фронтера, в восьми лигах от Кадиса. Там находился новый главнокомандующий граф Кальдерон и его штаб.

Из-за эпидемии желтой лихорадки, вспыхнувшей в районе Кадиса, батальоны экспедиционной армии были расквартированы подальше один от другого, в небольших поселениях западной Андалузии. Риэго

со своим батальоном стоял в шести лигах к северу от Аркоса, в Лас-Кабесасе-де-Сан-Хуан. Недалеко от Кабесаса, в Вильямартине, квартировал Севильский батальон, с которым Риэго установил тесную связь.

По мысли Риэго, оба батальона, Астурийский и Севильский, должны напасть на Аркос, захватить Кальдерона и его штаб. В это же время Кирога, освобожденный друзьями из тюрьмы, поднимет Испанский батальон в Алькале-де-Лос-Гасулес, лежащей к югу от Аркоса, и Королевский батальон в расположенной поблизости Медине-Сидония. С этими силами Кирога прорвется через мост Суасо[1] на остров Леон и с налету захватит Кадис.

Таким образом, революционеры овладеют хорошо защищенным от нападения с суши островом и лежащим на нем богатым портовым городом.

Затем надо будет привлечь к движению и остальные части экспедиционной армии. А после этого, укрепившись на острове, восставшие предпримут наступательные операции против Севильи и Мадрида — главных оплотов тирании.

* * *

Наступило утро 1 января 1820 года, одного из славных дней в истории Испании.

Риэго с группой близких ему офицеров выходит на площадь Лас-Кабесаса-де-Сан-Хуан. Здесь он стоит с минуту, подняв голову вверх и испытующе глядя на затянутое тяжелой пеленой небо. Уже трое суток оно изливает на окрестные холмы и долины непрерывный зимний дождь. Глинистые дороги стали непроходимыми. Это осложняет и без того трудную задачу. В такую погоду невозможно вывести батальон из Кабесаса под предлогом учения. Поневоле придется действовать открыто.

Риэго направил часть солдат на оцепление Кабесаса, дав им строгий наказ не выпускать из деревни ни души до следующего утра. Этим он сумел помешать распространению вестей о восстании и использовать преимущества внезапного нападения.

---

[1] Мост Суасо соединял остров Леон с материком.

«Расправа оккупантов с партизанами» (Ф. Гойя).

«Неизвестно за что!» (Ф. Гойя)

Офицеры-заговорщики вывели астурийцев и построили их на площади в шеренги. Ударили в церковный колокол. Тотчас сбежались все жители деревни.

Краткая речь Риэго к местным жителям и солдатам была полна энергии:

— Граждане Лас-Кабесаса-де-Сан-Хуан! С этой минуты испанский народ поднимается на борьбу за священные права, похищенные у него в 1814 году деспотическим королем, неблагодарным Фердинандом. Мы приложим все наши силы, чтобы сбросить с народа постыдные цепи! Вся нация вскоре направит своих представителей в кортесы, и они установят новые органы власти. До тех пор призываю повиноваться моим распоряжениям, ибо я — полномочный член революционной хунты. Я назначаю временными алькальдами Кабесаса сеньоров Беато и Сулуэта.

Слова Риэго ошеломили жителей поселка. Но когда прошло первое изумление, раздались громкие приветственные крики. Рафаэль жестом прекратил шум и, повернувшись к собратьям по оружию, сказал им:

— Солдаты, мое сердце полно участия к вам! Я не могу допустить, чтобы вас услали на прогнивших кораблях за океан. Вам пришлось бы покинуть здесь ваши семьи в нищете и угнетении. Вы должны, хотя бы ценою собственной жизни, освободить их от ига, под которым они томятся вот уже шесть лет! Вас шлют в далекие края с гибельным климатом, вести в колониях бесчестную, бесполезную для Испании войну. Эта война могла бы давно закончиться, если бы испанский народ был хозяином своей судьбы. Солдаты, я поведу вас на борьбу за свободу народа. Да здравствует конституция!

— Да здравствует конституция! — прокричали в ответ астурийцы.

Надо было выступать немедля из Кабесаса, чтобы опередить стремительностью действий стоустую молву.

— Только что родившаяся революция, — обратился к своим офицерам Риэго, — если она не хочет погибнуть, вынуждена состязаться в быстроте с самим богом времени!

Двинулись на Аркос-де-ла-Фронтера.

Сразу же на восставших ополчились стихии. Солдаты вязли по колени в глине, мокли под назойливым холодным дождем. Шли не только днем, но и почти всю последующую долгую ночь. Изнурительный марш привел батальон за два часа до рассвета следующего дня к хутору Тераль. В четверти лиги от него лежал Аркос — цель похода. Там под усиленной воинской охраной мирно почивали главнокомандующий и офицеры его штаба.

В Терале несколько единомышленников, офицеров из главной квартиры, уже ожидали прихода батальона. Они стали отговаривать Риэго от немедленного нападения на Аркос: в городе находится конвойный батальон. Следует выждать подхода севильцев, чтобы иметь достаточные силы на случай вооруженного противодействия конвойных. Астурийцам одним не справиться с ними.

В ожидании севильцев батальон расположился у нескольких хижин хутора.

Медленно тянулись минуты. Кругом нависала непроглядная сырая мгла, царило полное безмолвие. Снедаемый тревогой, Риэго выслал дозорных в сторону Вильямартина с приказом предупредить его свистом о приближении севильцев. Напряженно вслушивался он в редкие звуки, доносившиеся из мрака ночи. Сигнала все не было.

Что могло случиться с севильцами?

Запели петухи, предвестники позднего январского утра. Где-то вдали проскрипел крестьянский воз. Еще полчаса — и все дело погибнет.

Риэго стал советоваться с офицерами из Аркоса. То, что он предложил, могло еще спасти положение. Они хорошо знали все дома, где квартировали старшие офицеры штаба. Пусть каждый из них возьмет по нескольку солдат и нападет на штабных врасплох. Если одновременно захватить всех старших офицеров, главное будет сделано.

Небольшие отряды рассыпались по улицам Аркоса, а Риэго во главе пяти рот, построенных в тесную колонну, вошел вслед за ними в город, образовав как бы тыл, который должен был прикрыть отступление в слу-

чае неудачи. На холме, господствовавшем над Аркосом, поставили в резерве сильную группу стрелков.

Разбуженный ударами прикладов в дверь, Кальдерон пытался оказать сопротивление. Но направленные на его грудь штыки заставили генерала отдать шпагу и последовать за арестовавшим его офицером. Внезапность нападения быстро привела к покорности и других генералов.

Охранявшие главную квартиру солдаты конвойного батальона растерялись и не оказали сопротивления. В одном только месте завязалась перестрелка, стоившая жизни двум солдатам.

Уже через час после начала операции астурийцы отошли в Тераль и увели с собой все командование экспедиционной армии. Тем временем успевшие прийти в себя офицеры конвойного батальона собрали своих людей и с минуты на минуту угрожали атакой. Когда охранники готовы были уже перейти к враждебным действиям, показались, наконец, долгожданные севильцы. Не решившись дать бой превосходным силам, конвойные прислали к Риэго парламентеров для переговоров о сдаче.

Первый удар завершился успехом. Риэго удалось обезглавить армию и получить в свои руки некоторую силу.

Однако это только начало. По всей округе разбросаны многочисленные гарнизоны — 20 тысяч солдат. К тому же из трех батальонов, которыми располагает теперь Риэго, он, в сущности, может вполне положиться только на своих астурийцев.

Но время колебаний прошло. Да и по самой своей натуре Риэго «предпочитал либру действий целой арробе размышлений»[1]. Он сменил гражданские власти Аркоса, затем привел к присяге конституции новые свои пополнения и жителей города.

В кассе экспедиционной армии оказалось только одиннадцать тысяч дуро. Вождь восставших поспешил усилить довольствие солдат, выдал им новую экипировку и давно не плаченное жалованье.

---

[1] Испанская пословица (либра и арроба — меры веса).

Вожди революции 1820 года: Арко-Агуэро, Лопес-Баньос, Риэго и Кирога (гравюра).

Из близлежащей деревни Борнос к Риэго прибыла делегация от Арагонского батальона, сообщившая, что большинство солдат готово присоединиться к восстанию.

В тот же день Риэго с тремястами солдат выступил в Борнос. Он опередил свой отряд и один, безоружный, вошел в деревню.

Пылкий революционер своей речью увлек всех, даже колеблющихся. Под барабанный бой арагонцы прошли маршем перед Риэго и принесли клятву верности делу борьбы за свободу Испании.

* * *

Дальнейшее развитие восстания во многом зависело теперь от действия главы революционной хунты. Кирога, как условились заранее, должен был поднять

войска в Алькале-де-Лос-Гасулес в день Нового года. С тех пор прошло уже два дня, а Риэго ничего не знал о положении на юге.

Между тем у Алькалы события развертывались с такой же быстротой. Бежавший из монастырской тюрьмы Кирога поднял свой Испанский батальон, направился с ним к Медине, присоединил там к восстанию Королевский батальон и с этими силами пошел к мосту Суасо, рассчитывая под покровом ночи напасть врасплох на его охрану.

Из-за непрерывных дождей колонна смогла добраться до моста лишь к девяти часам утра 3 января. Передвижение восставших частей происходило, таким образом, на виду у всех. Только беспечность командования, не выставившего у моста сторожевого охранения, позволила Кироге свободно перейти на остров Леон.

От моста до Сан-Фернандо, расположенного в центре острова, восставшие батальоны прошли стремительным маршем и захватили город без боя, присоединив к себе его гарнизон.

Кироге следовало бы, не останавливаясь здесь, тотчас выступить к Кадису — главной цели похода. Но он решил дать отдых измученным людям. Успехи у Суасо и Сан-Фернандо внушили ему необоснованный оптимизм. Кирога рассчитывал, что власти Кадиса откроют перед ним ворота, как только узнают о занятии восставшими административного центра острова — Сан-Фернандо.

Кадис лежит в конце узкой полосы земли, которая вырастает из острова и вдается длинным языком в океан. Эта полоса, носящая название Кортадуры, представляет собой превосходную позицию, которую можно защищать самыми незначительными силами.

Об этом важном обстоятельстве Кирога, очевидно, забыл. Расположив свои батальоны на ночлег, он выслал к Кортадуре лишь горсть людей. Их встретили огнем и вынудили отступить, хотя в эту ночь подступы к Кадису обороняло не более тридцати человек. Если бы Кирога предпринял атаку всеми своими силами, он,

конечно, смял бы сопротивление и ценою небольших потерь овладел Кадисом.

Приостановив свой марш, Кирога совершил тяжелую тактическую ошибку. И счастье, дважды улыбнувшееся главе хунты, теперь отвернулось от него. Пока его батальоны, отдыхая в Сан-Фернандо, набирались сил для предстоящей наутро операции, генерал Кампана, комендант Кадиса, направил к Кортадуре несколько сот солдат и всю ночь возводил укрепления.

Либералы Кадиса делали отчаянные усилия, чтобы поднять возмущение в гарнизоне города. Но Кампана призвал на помощь монахов и священников, на всех перекрестках выставил патрули. Этими мерами ему удалось совершенно парализовать врагов режима.

Утром Кирога сделал ряд попыток прорваться через Кортадуру. Но все эти атаки были отбиты.

* * *

Риэго оставался в полном неведении относительно действий Кироги. Он начал тревожиться за судьбу всего дела. Разобщенность двух центров восстания была крайне опасна: она могла привести к поочередному их разгрому. Надо было немедля пойти на соединение с Кирогой.

Четыре батальона Риэго направились в сторону Хереса-де-ла-Фронтера, куда они вступили утром 5 января. Это был первый крупный город на пути восставших.

Население встретило революционные войска весьма сдержанно.

На всех лицах написаны были удивление и страх. Откуда взялись эти безумно смелые люди, не побоявшиеся возмутиться против всесильной королевской власти? Можно ли верить в их победу?.. Сколько мятежей уже было подавлено! Помашешь им приветственно рукой — и попадешь на примету... А после, чего доброго, угодишь и в лапы инквизиции!

Лишь очень медленно хересцы убеждались в том, что начавшееся восстание представляет собой политическую реальность. Генерал Сарсфильд бежал из го-

рода... Под замком у повстанцев находился весь генералитет экспедиционной армии. По улицам с криками: «Конституция и свобода!» — маршировали роты, уверенные в своем торжестве над абсолютизмом.

В Херес пробрались бежавшие из заключения братья Сан-Мигель, Арко-Агуэро, О'Дали и другие члены революционной хунты.

Наконец с острова Леон прибыла долгожданная весть от Кироги. Он предлагал Риэго привести поскорей в Сан-Фернандо его батальоны.

Приказав отслужить во всех церквах благодарственные мессы и воздвигнуть на центральной площади города Камень Конституции, Риэго выступил из Хереса, провожаемый приветственными криками жителей.

7 января отряд Риэго вошел в Сан-Фернандо.

После полугодовой разлуки главари восстания радостно бросились навстречу друг другу.

— Браво, Антонио!

— Браво, Рафаэль!

— Теперь главное — не давать им передышки.

— Разумеется. Вот соединим наши силы... Ты, Рафаэль, привел сколько?

— Четыре батальона.

— А у меня три. Всего, значит, не более четырех тысяч человек...

— К нам придет вся экспедиционная армия!

— После Кадиса — вся... А как по ту сторону Суасо?

— Знаешь, Антонио, они совсем растерялись и пропустили нас в Херес без единого выстрела. Но что же медлят наши друзья в Кадисе? Кой черт делают Алкала Галиано, Мендисабаль, Истурис?

— Мне сообщили, что Кампана расстроил все их планы.

— Надо поскорей прощупать Кортадуру.

— Трудное это будет дело, Рафаэль! У нас нет ни конницы, ни артиллерии. А без пушек как пробиться через перешеек? Надо решить, с какой стороны его атаковать.

— А сейчас, Антонио, следовало бы выдать нашим людям двойную порцию вина и мяса. Ведь часть дела как-никак уже сделана!

— Еще бы! Аркос, Херес, Суасо, Сан-Фернандо — это первый акт. И он вполне стоит двойного рациона!..

Для обсуждения плана дальнейших действий вечером у Кироги собрались все руководители восстания. Хунта решила издавать свой революционный орган — «Патриотическую газету», назначив редактором Алкала Галиано, пробравшегося в Сан-Фернандо из Кадиса. Хунта выдвинула Риэго командующим наличными силами революции, образовавшими первую дивизию будущей армии. Кирога был снова единодушно избран главнокомандующим. Арко-Агуэро стал начальником штаба и получил в помощники Эваристо Сан-Мигеля.

Члены хунты согласились на том, что ближайшей целью операций может быть только Кадис. Пока в тылу острова — главной базы восставших — будут оставаться силы генерала Кампаны, нельзя начинать никаких наступательных действий в глубь Андалузии.

Но и с атакой на Кадис решено было повременить и предпринять ее лишь после того, как удастся привлечь на сторону революции и другие батальоны экспедиционной армии.

* * *

Последовавшие за этим два дня революционная хунта посвятила политическим делам: провозглашению конституции 1812 года в Сан-Фернандо, присяге войск и новых гражданских властей. С большой торжественностью отпраздновали водружение Камня Конституции на главной площади города.

Хунта отпечатала и распространила среди солдат и населения письмо к Фердинанду, в котором излагались причины, заставившие войска экспедиционной армии взяться за оружие. Повстанцы заявляли, что не прекратят борьбы, пока не добьются восстановления политического кодекса, которому нация принесла присягу семь лет тому назад. «Короли, — провозглашалось в письме, — принадлежат нации и пребывают королями до тех пор, пока народы хотят этого». Вос-

ставшая армия надеется, что ее клич родит отзвук во всей Испании. «Но если этим надеждам суждено остаться тщетными, то смерть за дело свободы будет желаннее, чем прозябание под игом тех, кто соблазнил сердце его величества и увлекает его на путь погибели».

Удивительно, как мало повлиял на восставших офицеров горький опыт последних шести лет! Монархические иллюзии были очень сильны и живучи в либеральных дворянских кругах. Членам хунты все еще казалось, что «чистое сердце» Фердинанда VII было «соблазнено» дурными советниками, что задача восставших заключалась в том, чтобы вызволить короля из тисков камарильи.

Пока революционная хунта, выжидая присоединения к восстанию других частей экспедиционной армии, упускала драгоценные часы, военная машина абсолютизма пришла в движение. Для обороны Кадиса были переброшены морским путем новые воинские части. Кампана усеял Кортадуру жерлами пушек. Генерал Фрейре стал во главе полков экспедиционной армии, еще не вышедших из повиновения правительству. Хосе О'Доннель, капитан-генерал Альхесираса, двинул свои войска к Леону и обратился с воззванием к солдатам восставших батальонов, призывая их выдать мятежных офицеров, за что обещал прощение и щедрые награды.

Грозные тучи собирались над маленькой армией свободы. Остров мог, пожалуй, противостоять натиску врага даже при наличных силах, но конечный успех восстания лежал ведь не в обороне, а в быстром охвате революционной борьбой и других городов, в общем развернутом наступлении. Чтобы спасти революцию, надо было действовать. Но как?..

Среди членов хунты начались несогласия. Риэго требовал немедленных вылазок с острова на «твердую землю», а также ударов в сторону Кортадуры. Кирога предлагал ждать: он рассчитывал на скорое присоединение к патриотам новых частей.

Утро 9 января как будто оправдало надежды Кироги. Стало известно, что бригада артиллерии и Канарийский пехотный батальон движутся с востока к Леону на соединение с восставшими. Кирога предложил

Риэго предпринять диверсию на материк, чтобы отвлечь силы противника от канарийцев.

На рассвете следующего дня Риэго с отрядом в тысячу человек двинулся в направлении порта Пуэрто-де-Санта-Мария. Завидя наступающих патриотов, кавалерия О'Доннеля поспешно отошла, и Риэго без всякой помехи вошел в этот порт.

От Санта-Марии отряд направился дальше, к Мединe-Сидония и Алькале-де-Лос-Гасулес, нигде не встречая сопротивления. У Алькалы его настиг гонец от Кироги с вестью о том, что артиллеристы и канарийцы уже прибыли на остров. Главнокомандующий требовал немедленного возвращения отряда на Леон.

Новые подкрепления оказались меньшими, чем восставшие того ожидали. Артиллерийская бригада состояла всего из сотни солдат и не имела орудий. Ее привел член хунты Лопес-Баньос. А батальон канарийцев растаял по пути: в нем осталось только 120 человек.

12 января Кирога снова созвал военную хунту.

Положение на острове становилось все более трудным. Среди восставших солдат бродили агенты Кампаны и Фрейре, подбивали их на предательские террористические действия. Были пойманы несколько монахов, которые расклеивали на стенах домов Сан-Фернандо прокламации архиепископа Кадисского, призывавшего «восстать во имя господа на слуг антихриста» — вождей революции. С минуты на минуту могло вспыхнуть возмущение среди солдат, согласованное с атакой абсолютистов на остров.

Военные позиции патриотов казались недостаточно надежными. Форт Каррака, остававшийся в руках врага, угрожал флангу батальонов, занявших позиции против Кадиса. Решено было предпринять ночное нападение на Карраку.

Когда стемнело, надежные, тайно отобранные люди отправились к мосту Суасо. Здесь их погрузили на баржи. В полной тишине поплыли они в сторону форта. Дело было очень рискованное: всплеск весла, легкий шорох, покашливание могли выдать весь отряд

врагу. Если бы смельчаки были своевременно замечены с форта, всех их перебили бы картечью.

Отчаянная операция удалась блестяще. Стремительным приступом 400 человек форсировали крепостные стены, прежде чем противнику удалось организовать защиту.

Эта победа отдала в руки революционеров арсенал с большими запасами амуниции и артиллерией.

* * *

Прошло уже две недели с того дня, как Риэго поднял в Лас-Кабесасе-де-Сан-Хуан знамя восстания. Этот день казался патриотам бесконечно далеким... Ни в одном конце страны не раздался голос, который звал бы на помощь восставшим. Казалось, Испания, опоенная дурманом тирании, погружена в глубокий сон.

Пронунсиамиенто в экспедиционной армии, руководимое либеральными офицерами, перестало расти. К середине января в рядах восставших насчитывалось всего около пяти тысяч бойцов. Движение как бы застыло. И в этом крылась огромная опасность.

Горькое чувство неоправдавшейся надежды и тщетности всех усилий проникало в сердца. Оно сквозит в строках манифеста армии повстанцев острова Леон к испанскому народу, опубликованного 14 января. Очень пространно в нем перечисляются преступления «обманувшей короля камарильи». Но конец манифеста полон плохо скрытой горечи и гнева:

«Вы не допустите, чтобы о вас говорили, как о безвольных людях, естественный удел которых — рабские цепи. Присоединитесь к вашим сыновьям. У них одна только мечта — разорвать ваши кандалы. Их оружие и кровь принадлежат вам! Чего вы ждете? Какая помеха остановила вас? Кто может воспротивиться воле целого народа?

Испанцы! Если вы не воспользуетесь представившимся случаем, если вы не увидите забрезжившего над вами луча счастья, не стенайте более и не жалуйтесь, ибо вы заслужили ваши муки! И слезы, которые

вы станете проливать, не вызовут ни в ком сострадания... Если из-за вашего малодушия мы не преуспеем в начатом деле, мы испытаем по крайней мере удовлетворение в том, что начали его. Какова бы ни была наша дальнейшая судьба, ей позавидуют те, кто склоняет выю перед подлой, предательской властью. В своем бесчестии им не избежать мук вечного раскаяния и угрызений совести!»

Но призывы борцов за свободу падали будто в пустоту, в мертвую, не рождающую отклика пустыню.

Все военные мероприятия патриотов против Кадиса терпели неудачу.

Не удалась и ночная атака на Кортадуру. Темной ночью Риэго выступил во главе трех колонн. Нагруженные тяжелыми лестницами, солдаты продвигались очень медленно. Проводники плохо знали местность и в течение нескольких часов водили людей по неверным направлениям. В довершение бед Риэго сорвался со стены, подпиравшей берег, и вывихнул себе ногу. Уже приближался рассвет, и от атаки пришлось отказаться.

Тревога патриотов с каждым днем возрастала. Половина солдат не внушала доверия. Те, кто попал в ряды повстанцев не по доброй воле, — гарнизоны Аркоса-де-ла-Фронтера, Сан-Фернандо, Карраки — считали себя пленниками и дезертировали при первом удобном случае. Этих людей нельзя было ставить на передовые линии, за ними приходилось зорко наблюдать.

20 января Риэго решил пойти в ночную атаку на Кадис со стороны моря. Он уже погрузил на суда 400 человек, лестницы и лазутчика, по указаниям которого собирался в определенном месте форсировать кадисскую стену. Но тут разведчики донесли, что этот план стал известен генералу Кампане и что на месте предполагаемой высадки собрано несколько отборных рот для отражения атакующих.

Еще через несколько дней вспыхнула и быстро угасла надежда завладеть городом изнутри. Помощник Кампаны полковник Сантьяго, тайный либерал, сообщил хунте, что им закончены все приготовления к вос-

станию в кадисском гарнизоне. 24 января он поднимет своих людей и откроет патриотам путь через Кортадуру. Сантьяго просил произвести в этот день военную демонстрацию в сторону порта Пуэрто-де-Санта-Мария, чтобы отвлечь внимание Кампаны.

В условленный день и час Риэго во главе 900 человек пехоты, при одном орудии атаковал занимавший Санта-Марию кавалерийский полк и после ожесточенной схватки принудил его оставить порт. Выполнив свою задачу, он вернулся в Сан-Фернандо.

Но и на этот раз замыслы революционеров были кем-то выданы Кампане. Он арестовал замешанных в заговоре офицеров. Сантьяго едва удалось спастись бегством.

* * *

Комната погружалась в полумрак зимнего вечера. Скудный свет, бессильный разогнать выступавшие изо всех углов тени, цеплялся за золото эполет, за эфесы шпаг.

Шестеро офицеров, членов военной хунты, мучительно искали выхода из глухого кольца неудач.

Спины горбились от великой тяжести. Хмурые, усталые лица обращались в сторону говорившего с жадным вниманием, которое вскоре сменялось выражением досады и разочарования.

Есть ли еще решение? Разве может человеческий разум преодолеть роковую мощь враждебных сил?

Слабеющую волю опутывала паутина безнадежности.

Кирога подводил итоги:

— За двадцать пять дней революция не овладела ни пядью земли... Наши усилия против Кадиса обречены на неудачу. Враг обратил Кортадуру в крепость, и мы уложим половину наших людей, прежде чем прорвемся до ее середины. Скоро нас опояшет кольцо блокады... Нетрудно предвидеть настроение солдат: упадок дисциплины, дезертирство, неминуемый бунт... Предпринять общую вылазку на материк? Это значило бы остаться без опорной точки, лишиться прекрасной линии обороны и подставить себя под

натиск превосходных сил. Наши батальоны растаяли бы в течение недели.

Тут раздался голос Риэго:

— Итак?!.

Кирога поморщился.

— Сеньоры, начиная дело, мы рассчитывали на успех только при сочувствии и помощи всей Испании. Наша надежда — народ. Снова и снова обратимся к его совести и разуму и будем ждать. Вести от наших друзей говорят о близких выступлениях в северных провинциях. Ложи Мадрида, Севильи, Барселоны напрягают силы, чтобы прийти нам на помощь. Если сможем продержаться до тех пор, победа будет за нами.

— А если нет?

Кирога повернулся к Риэго:

— Тогда длинный список мучеников за свободу Испании пополнится новыми именами.

Молчание.

Поднялся Эваристо Сан-Мигель, секретарь хунты. Певучим голосом, постепенно увлекаясь своей мыслью, он предлагает новую попытку захвата Кадиса:

— У нас теперь достаточно пушек, ядер и пороху из арсенала Карраки. Нужно установить орудия на плоты и бомбардировать Кадис с моря. Снесем слабые береговые укрепления, а затем высадим десант и возьмем город штурмом!

Предложение Сан-Мигеля поддержал О'Дали:

— Даже такая рискованная операция, — настаивает он, — лучше опасного бездействия, разлагающего солдат.

Но артиллеристы Арко-Агуэро и Лопес-Баньос стали решительно возражать против подобной затеи. Операцию можно предпринять, только имея военные суда. Стрельба с плотов при неспокойном зимою море будет безрезультатной.

Снова все молчат.

Риэго шагает из угла в угол, поглощенный одной настойчивой мыслью. Пассивное ожидание неминуемо приведет к поражению. Он не хочет умирать в капкане, не померявшись силами с врагом!..

Он продолжает вслух:

— Кирога предлагает ждать... Выжидающая революция!.. Да это бессмыслица! Как если бы луч света задумал передохнуть на полдороге. Восстание, которое застыло, подобно библейской жене, оглянувшейся на Содом... Кирога рассчитывает на помощь народа, но народ поможет только живым, а живые борются за свою жизнь!

Рафаэль остановился. Пять человек спросили в один голос:

— Что же ты предлагаешь?

— Надо отобрать наиболее преданных людей и перебросить их на «твердую землю». Остальные будут оборонять остров. Нам нужна подвижная колонна. Она станет зовом революции к народу, зовом проснувшихся к спящим! Испанцы увидят, наконец, бодрую, как полыхающее пламя, действенную силу восстания. Только она одна может вызвать сочувствие и подражание... Колонна подымет города, весть о ней разнесется по всей стране. Абсолютисты трубят, будто мы испугались и укрылись от них на острове. Мы докажем всему свету противное! Мало того, подвижная колонна обеспечит и длительную оборону Леона. Пусть-ка попробует Фрейре атаковать остров, когда над его затылком будет висеть крепкий, готовый обрушиться кулак!.. Кирога прав: мы должны продержаться как можно дольше. Рейд в тылу противника и поможет этому в высшей степени.

Предложение Риэго вызвало общее одобрение. Военная диверсия в тылу могущественного, вдесятеро более сильного врага, возможно, кончится гибелью храбрецов. Но дерзкий вызов, брошенный абсолютизму, сразу повысит престиж движения, укрепит уверенность восставших в собственных силах и в конечном успехе. Да, это может спасти революцию!

Кому же возглавить рейд? Тут не могло быть сомнений.

Риэго просил полторы тысячи человек и в помощники себе, начальником штаба колонны, Эваристо Сан-Мигеля.

II

РЕЙД РИЭГО

Сорок кавалеристов с трудом сдерживают застоявшихся в конюшнях лошадей. За ними, на сером коне, — Риэго. Он поминутно натягивает поводья, оглядывает щетинящиеся штыками ряды пехоты и отдает распоряжения адъютантам. Новый мундир перехвачен широким красно-зеленым шарфом. Над каждым батальоном в сером небе плещется красно-зеленое знамя. У командующего, офицеров, у полуторы тысячи бойцов на шапках такие же кокарды — цвета борьбы и надежды.

Четко отбивая шаг, пехота под переливы фанфар всходит на мост Суасо. Она идет в боевом строю. Впереди — батальон астурийцев, за ним — севильцы, далее — конвойные, а в арьергарде — две роты Валенсийского полка.

Накануне выступления офицеры вместе с капралами просмотрели списки всех людей. Не внушающие доверия, физически недостаточно закаленные оставлены на острове. В поход идет цвет маленькой армии, колонна верных солдат.

Противник заметил вылазку, но не проявил никакой решимости. Оттянув передовые части, он уклонился от боя и без выстрела пропустил отряд на свой берег.

Риэго тотчас повернул колонну к югу, на Альхесирас. Этот богатый город, известный своими либеральными настроениями, должен был, казалось ему, стать вторым опорным пунктом революции, наряду с Леоном.

Не останавливаясь, не замедляя быстрого марша, восставшие прошли через Чиклану-де-ла-Фронтера, оглашая ее улицы непрерывными, сотни раз повторенными криками: «Да здравствует конституция!»

Отряд двигался все дальше к югу вдоль берега океана и, не встречая нигде неприятеля, в этот первый день

рейда, 27 января, к закату солнца достиг Кониля. Риэго расположил здесь людей на ночлег.

Жители Кониля по требованию офицеров снабдили отряд провиантом, но никак не выказывали своего сочувствия делу революции. Они были уверены, что переворот обречен на провал, и боялись, как бы проявление симпатии к «бунтовщикам» не обошлось впоследствии слишком дорого.

После такого приема Риэго со стесненным сердцем выступил назавтра в сторону Вехера-де-ла-Фронтера.

Здесь колонну ждала дружеская встреча, подготовленная местными либералами. Звонили колокола, жители выносили усталым от похода солдатам вино и хлеб.

Пока отдыхали в Вехере, Риэго направил разведчиков в расположение армии О'Доннеля. Разведчики донесли, что генерал готовится атаковать отряд. Между тем либералы Альхесираса настойчиво требовали Риэго к себе, обещая поддержку людьми, провиантом и деньгами.

В последний день января выступили в направлении Альхесираса. Преодолев крутые склоны охенских холмов, к вечеру следующего дня вошли в город.

Улицы были запружены народом. Из окон проходящим батальонам бросали цветы, до поздней ночи раздавались приветственные возгласы. Риэго и его офицерам пожимали руки, приносили горячие поздравления. Казалось, что назавтра тысячи альхесирасцев пополнят ряды повстанцев, что щедрость богатых негоциантов города позволит снабдить всем необходимым не только колонну Риэго, но и оставшиеся на Леоне войска.

Увидев, наконец, воплощенной в жизнь свою мечту о слиянии армии с народом, Сан-Мигель излил свои чувства в звучных стихах. А семнадцатилетний Гуэрта тут же переложил их на музыку. Так родился «Гимн Риэго» — испанская «Марсельеза». Слова и мелодия этой песни на протяжении всего XIX века сопутствовали борьбе испанских либералов против самодержавия Бурбонов.

* * *

Надежды, которые Риэго возлагал на Альхесирас, уже на следующий день развеялись как дым. Церковники пустили по рукам прокламацию, в которой говорилось, что бунтовщики значительно слабее войск, верных правительству, что они скоро будут раздавлены, и тогда связавшиеся с ними неосторожные, доверчивые люди поплатятся за свое легкомыслие головой. Угрозы раздавались с церковных амвонов. Монахи шныряли в рыночной толпе, заходили в дома.

Настроение альхесирасцев сразу упало. Не было уже и речи о добровольцах. Малейшую услугу повстанцам оказывали теперь тайком, с оглядкой.

Риэго обратился к населению с воззванием, надеясь оживить горячим словом угасший энтузиазм горожан. Все было напрасно. Ему ничего не оставалось, как уйти из города. Но куда? Части О'Доннеля широким фронтом приближались к Альхесирасу. Они взяли Сан-Роке, Лос-Барриос, Тарифу.

В это время доставили депешу Кироги. Главнокомандующий ожидал дальнейшего усиления армии абсолютистов вокруг Леона и требовал возвращения колонны на остров.

Малодушие Кироги глубоко возмутило Риэго. Но он привык повиноваться и тотчас же приказал готовиться к обратному походу через Вехер к Сан-Фернандо.

Отряд выступил из Альхесираса 7 февраля на рассвете. Он снова прошел по холмам Охена, не встретив вражеских войск, и остановился лагерем в одной из горных долин.

На другой день двинулись дальше к северу. Через час показалась группа кавалеристов противника, завязавшая перестрелку с авангардом. Прошло немного времени, и колонна Риэго оказалась в полукольце кавалерии, численностью в тысячу сабель. А за нею расположилась правительственная пехота. Местность была равнинная, удобная для кавалерийской атаки.

Риэго построил своих людей в три тесных боевых ряда, приказал отвести обоз в тыл. В таком строю дви-

нулись дальше медленным шагом, с ружьями наперевес, готовые встретить удар.

Несколько бойцов Астурийского батальона затянули новую песню повстанцев, ее подхватили севильцы, валенсийцы, и скоро в лицо врагу полетели гневные слова гимна свободы:

Солдаты, на бой нас
Отчизна зовет!
Мы ею клянемся —
Победа иль смерть!
Знамена свободы
Над храбрыми реют,
Рабы не посмеют
Поднять к ним очей.
Пусть полчища вражьи
Как ветер несутся —
Они не спасутся
От наших мечей!

Спокойная уверенность, с какой воины революции шли навстречу значительно более сильному противнику, их выдержка и хладнокровие глубоко поразили солдат О'Доннеля. Враг отступил.

Отряд Риэго беспрепятственно проследовал по долине до самого Вехера, где и остановился на ночь.

Здесь Риэго увидел, что идти дальше, к Сан-Фернандо, не представляется никакой возможности. Разведчики доносили о том, что Чиклана-де-ла-Фронтера, Медина-Сидониа, Пуэрто-Реаль — все подступы к острову Леон заняты сильными отрядами врага. Все курьеры, отправленные на остров, перехвачены. Не прибывали более и посланцы Кироги.

Риэго понял, что на остров отряду не пробиться. Предстоял далекий поход... Надо было запастись всем необходимым. Он тотчас же наложил на вехерских купцов контрибуцию, приказал реквизировать лошадей, продовольствие, одежду, обувь. Время уговоров прошло, приходилось любыми средствами защищать свое дело и свой отряд.

В какую же сторону направятся они теперь?

За тринадцать дней рейда ни одна рота не примкнула к колонне. Гражданское население запугано властями. Значит ли это, что дело революции погибло?

Нет, нет и нет! Пусть Альхесирас, Вехер, Кониль устрашились борьбы, ее не может бояться Испания! Он пойдет дальше, углубится на восток, будет звать и сражаться до тех пор, пока лучшие люди страны не вспомнят о своем долге.

Риэго страстно верил в способность подвижной колонны вербовать для армии свободы сторонников и добровольцев.

* * *

Командование правительственных войск, казалось, отложило на время мысль о разгроме отряда повстанцев. Вокруг Вехера-де-ла-Фронтера на расстоянии многих лиг разведчики не находили больше противника.

Риэго хотел, чтобы бойцы хоть ненадолго забыли о тревогах похода и прониклись за короткие дни отдыха чувством взаимной связи, тесного братства. По его приказу в залах аюнтамиенто расставили столы с разной снедью и вином. Вокруг столов расселись сержанты, капралы и солдаты вперемежку с офицерами. Риэго обходил людей с флягами густого фиолетового хереса, наполнял кубки, чокался, провозглашал тосты. Солдаты затягивали старые боевые песни, напевы родных провинций.

Потом раздвинули столы — и закипело веселье! Командующий с увлечением танцевал астурийское соронго, хоту, болеро, фанданго [1]... Плясали до глубокой ночи.

На другой день Риэго созвал своих офицеров на военный совет. Надо было решить, в каком направлении двигаться дальше.

— Шесть тысяч вражеских солдат, — сказал командующий, — следят за нашими передвижениями. Это значит, что благодаря нашему рейду столько же человек снято с осады Леона. Постараемся увлечь их и дальше по нашим следам!

После недолгих обсуждений решили отступить

[1] Соронго, хота, болеро, фанданго — испанские танцы.

в сторону Химены, в гористый район, неудобный для кавалерийских атак.

Отход от Вехера начался с утра 12 февраля. Первую ночь провели недалеко от Алькалы-де-лос-Гасулес, а утро третьего дня застало колонну в Сан-Роке, в непосредственной близости от Гибралтара.

В этом английском владении укрылось много испанских либералов, бежавших сюда от преследования со стороны правительства. Заслышав о приближении революционного отряда, они пришли в большое возбуждение и поспешили связаться с Риэго. Однако их помощь повстанцам выразилась лишь в бесчисленных советах. Гибралтарские либералы настойчиво указывали на Малагу. В Малаге, говорили они, гарнизон готов к восстанию. Там Риэго найдет, наконец, население, готовое без раздумья последовать за ним по первому зову.

Перед Риэго загорелась новая путеводная звезда — Малага. Революционная вера гнала его вперед.

Выступили из Сан-Роке и двинулись вдоль берега Средиземного моря. Переночевав в Эстепоне, потянулись дальше на восток, к Марбелье.

Преграждавшие путь холмы Сьерры-Бланки становились все круче, люди истомились. Надо было освободить их от лишнего груза. В порту Марбелья Риэго приказал погрузить часть амуниции и провианта на парусные барки, посадил на них охрану и велел морякам держать курс вдоль берега, следуя за отрядом. Но встречный ветер задерживал суда, тогда как бойцы горели нетерпением добраться поскорей до Малаги. Пришлось выделить для охраны судов две роты, остальные же форсированным маршем устремились вперед.

О'Доннель, который держался на почтительном расстоянии, не замедлил воспользоваться этой тактической ошибкой. Он бросил свою конницу на две роты, оставшиеся в глубоком арьергарде. Потеряв в жаркой схватке около сотни человек убитыми, ранеными и заблудившимися в горах, роты кинулись нагонять колонну.

* * *

От Фуэнхиролы до Малаги горы труднопроходимы. Бойцы шли под непрерывным дождем, имея в тылу наседавшего неприятеля. Одежда и обувь набухли от воды, подошвы скользили по откосам. На некоторых участках приходилось ползти на четвереньках. В темноте колючий кустарник и острые камни рвали в клочья мундиры, ранили тело.

Колонна ни на минуту не прекращала движения. Сердца людей рвались к Малаге — обетованной земле, где их труды и муки будут, наконец, вознаграждены достойно. Мужественные малагенцы, честные патриоты, подхватят светильник свободы... Малага станет вторым Леоном. Вперед же, солдаты Риэго!

К вечеру 19 февраля бойцам открылись купола и башни большого города. Спустились в долину.

Путь к Малаге пересекал узкий поток. На другом его берегу выстроились кирасиры. Но это не были друзья, вышедшие встретить армию свободы — кирасиры приготовились к бою...

Завязалась ружейная перестрелка. Увлекаемые офицерами, солдаты отряда бросились в ручей, под жестоким огнем достигли другого берега и с ружьями наперевес пошли в атаку.

Солдаты, на бой нас
Отчизна зовет.
Мы ею клянемся —
Победа иль смерть!
Невиданный подвиг
Весь мир потрясает.
Над нами сияет
Свободы заря —
Ведет нас Риэго,
Зовет к новой жизни,
Любовью к отчизне,
Отвагой горя!

Правительственные войска не выдержали яростного штыкового удара, стали отступать. Не решаясь принять уличный бой, они поспешно вышли из города через противоположные ворота. Малага осталась во власти революционной колонны.

Отряд втягивается в город. Пьяные от усталости, солдаты идут шатаясь. По обросшим лицам струится вода. Кое-кто пытается вновь запеть, но песня тяжелым комом застревает в горле.

Пытливо всматриваются бойцы в одиночных прохожих. Те, не оглядываясь, спешат спрятаться по домам.

Город словно вымер. Изредка из-за прикрытых ставен раздается робкое «вива!». Офицеры вынуждены охотиться за отдельными малагенцами, чтобы узнать, где казармы, где живет алькальд.

Лицо Рафаэля — маска страдания. Андалузия, земля страстных, свободолюбивых южан, оказалась страной робких!.. Предстоящая борьба видится ему теперь, как цепь неудач, как непрерывные отступления под ударами сильнейшего врага.

Это тяжкая минута его жизни. За ним полторы тысячи бойцов. Невидимыми нитями связан он с каждым из них. Рафаэль раздавлен разочарованием доверившихся ему людей. В его груди находят отклик все упреки...

Но он прежде всего военачальник, и душевные муки не помешают ему выполнить свой долг! Риэго отдает распоряжения, и уже у городских ворот расставлены караулы, роты размещены на ночлег.

* * *

На другой день в полдень, в то время как офицеры колонны читали на площадях перед кучками любопытных свежеотпечатанное обращение Риэго к народу, дозоры сообщили о быстром приближении к городу крупных правительственных отрядов. Риэго решил дожидаться О'Доннеля в стенах Малаги.

На окраине завязалась перестрелка. Слабая кавалерия повстанцев бросилась с саблями наголо на авангард О'Доннеля и отбросила его за городские ворота. Наступившая ночь заставила неприятеля отказаться от повторных попыток пройти к центру Малаги. Перестрелка стихла.

Тут революционный отряд постигло испытание более тяжелое, чем самое сокрушительное военное поражение или даже чем равнодушие соотечественников: в течение ночи дезертировали 400 солдат, последовавших в своем бегстве за офицерами. Ряды восставших покинули бойцы, изверившиеся в успехе предпринятого дела, слабые люди, испугавшиеся неравной борьбы.

Риэго созвал военный совет. Вокруг стола собрались Эваристо Сан-Мигель, Антонио Поррас, Николас Чарнеко, Луис де Кастро, Фелипе Карросели, Антонио Алугнис — все испытанные люди, честные патриоты, любящие родину больше самой жизни. Но где Хуан Субиэта, где Хосе Нобоа, его астурийцы, принесшие клятву верности?

Они бежали...

Испытующим оком окинул Риэго лица собравшихся офицеров.

— Наше дело не может не победить! — так начал он свое слово. — А после победы весь испанский народ и его армия узнают имена покинувших нас в тяжелую минуту и заклеймят их своим презрением. Но пусть трусы убираются прочь! Здесь место только тем, кто способен бороться до конца, кого не страшит превосходство сил врага. Сеньоры, сейчас мы — горсть отрезанных от мира людей, окруженных полчищами абсолютизма, смертельно ненавидящего нас, предвкушающего свое торжество над нами, лютую казнь бунтовщиков. За все время нашего похода ни одна рота армии абсолютизма не перешла на нашу сторону, ни один город не откликнулся открыто и честно на все наши воззвания и манифесты. Страх сковал народ! В глубине своих сердец многие испанцы благословляют нас, но никто не смеет презреть угрозы врагов свободы и открыто прийти к нам.

Что же мы станем делать? Может быть, сдаться на милость О'Доннеля, а потом вымолить прощение у тиранов Испании?

Тут раздались протестующие крики.

— Или вам следует выдать камарилье Риэго и тем доказать ей свое раскаяние?..

Бурные протесты прервали говорившего.

— Да, сеньоры офицеры, — повысил голос Риэго, — нам сейчас осталось только одно: пока рука в силах сжимать оружие и голос не устал бросать призывы — идти и идти дальше по избранному пути, бороться и звать! Не забывайте, братья: центр нашей революции — на Леоне, мы только передовой ее отряд. Чем дольше продержимся мы, тем скорее придут на помощь Леону другие испанские земли! Силы патриотов огромны, но они подобны снежной лавине в горах. Долго лежит она неподвижно, а когда начнет, наконец, катиться, ничто уж не может противостоять ей...

Мы должны оставить Малагу, обманувшую лучшие наши надежды. Я предлагаю идти в сторону Сьерры-Невады, на Гранаду. Вы видели, как трусливы полки О'Доннеля. В горах каждый из нас сможет противостоять десятерым!

* * *

Колонна Риэго двинулась на северо-восток, через Кольменар, в направлении Гранады. В ней было теперь 900 человек. О'Доннель осмелел и стал непрерывно терзать ее тыл. По тяжелым, топким дорогам, поднимаясь на крутые перевалы, спускаясь в ущелья, то и дело перестраиваясь для боя, патриоты уходили все дальше от Малаги.

На следующий день разведчики донесли, что дальнейший путь на Гранаду отрезан группой правительственных войск под командой свирепого Эгиа, выступившего навстречу восставшим и уже занявшего Лоху.

Повторять ли снова печальный опыт Малаги? Пробиваться с боем к Гранаде? На дружественный прием и помощь в городах можно было еще рассчитывать, лишь не имея у себя на плечах правительственных отрядов.

Поэтому Риэго, зажатый между О'Доннелем и Эгиа, избрал единственно возможную при данных обстоятельствах тактику: он решил избегать отныне

встреч с врагом, ценой предельного напряжения сил отрываться от него, отдаляться на возможно большее расстояние.

Отряд повернул круто на запад.

Два дня патриоты блуждали в горах, петляли на путях от Малаги до Антекеры — ночные переходы, привалы без огня, без горячей пищи.

Камень и вязкая глина доконали обувь. Почти все бойцы шагали теперь босиком, на многих остались лишь штаны да рубаха.

Все внимание отдавали оружию. Люди заботливо кутали его в свое тряпье, оберегали от сырости. Спали, крепко прижавши к груди ружье — последнюю свою защиту и опору.

Поздним вечером 22 февраля добрались до Антекеры. Население и здесь попряталось по домам. Уже на следующий день со стороны Малаги показались разъезды неприятеля. Риэго тотчас отвел своих людей на окружающие городок высоты, а через день отступил по дороге на Кампильос.

Риэго решил укрыть колонну среди скал и круч дикой Сьерры-де-Ронды, вздымавшей свои вершины к западу от Антекеры, в том направлении, в каком он сейчас поспешно отходил. Горная война представлялась ему последней возможностью организованного сопротивления. Вне гор маленькая армия была бы неминуемо и быстро разгромлена.

В центре сьерры лежала Ронда, старая мавританская твердыня, орлиное гнездо, опоясанное зубчатыми стенами. Риэго устремился туда, намереваясь хотя бы на короткое время сделать эту крепость своим опорным пунктом.

Но и тут патриотов ждала неудача. В одной лиге от города отряд натолкнулся на опередившие его части О'Доннеля: 800 человек преграждали дорогу солдатам Риэго.

На этот раз невозможно было уклониться от столкновения. В ожесточенном, кровопролитном бою, стоившем повстанцам двух сотен бойцов, авангард правительственных войск потерпел поражение. Покинув позиции перед городскими воротами, он от-

ступил в город и укрепился по другую сторону узкой и глубокой пропасти, разделявшей надвое всю Ронду. Выбить противника оттуда не представлялось возможным: он крепко держал единственный узкий мост, переброшенный через ущелье.

Доставшаяся дорогой ценой победа оказалась бесполезной. Риэго не решился обосноваться в завоеванной половине Ронды — он опасался скорого подхода главных сил О'Доннеля. Запасшись хлебом, рыбой, вином и обувью, колонна той же ночью покинула Ронду.

Затерянная в горах Грасалема — медвежий угол глухой сьерры — тепло, с радостным изумлением встретила патриотов, вступивших в ее белые улицы с высоко поднятым знаменем и криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует свобода!»

Длинный путь привел людей Риэго почти к исходной точке: Грасалема лежала совсем недалеко от острова Леон. Но за месяц, истекший со дня начала рейда, от полуторатысячного отряда осталась едва половина его...

Слава о восставших уже раньше достигла Грасалемы. Пришедших приняли дружески, любовно.

Женщины стирали покрытые соленой коркой пота солдатские рубахи. Мужчины потчевали гостей вином и агуардиенте. Но дороже всех знаков дружбы был горячий интерес грасалемцев — в большинстве своем пастухов, ткачей, кузнецов и мелких торговцев — к делу повстанцев.

Перед собравшимися горожанами и солдатами Риэго — в который уже раз! — говорил о причинах, побудивших войско взяться за оружие:

— Граждане Грасалемы! Вы видите здесь, на площади, малую часть экспедиционной армии, поднявшей восстание против силы, во сто крат более могучей. Вы видите нас после тяжелых походов, жестоких сражений, потерявшими половину людей. Что же толкнуло нас на неравную борьбу, что заставило забыть о матерях и братьях, отцах и невестах? Что привело нас к неповиновению старшим нашим начальникам? Гонимся ли мы за личными выгодами,

или мы обижены чинами, или же, наконец, мы испугались американских лесов и степей? Нет, граждане, причина нашего восстания совсем иная!

Посмотрите вокруг и спросите себя, кто счастлив сейчас в Испании? Доволен ли своей судьбой пахарь — *основа благополучия всей страны*? Счастлив ли трудолюбивый ремесленник, торговец? Даже слепому видно, какую горькую долю уготовили теперешние правители всем тем, кто честно трудится изо дня в день, кто сеет и жнет, кто кует и ткет, кто посылает во все углы страны товары, накопляет ее богатства. Всех обложили непосильными податями, опутали своей паутиной лихоимцы!.. Посмотрите, какие порядки установились на нашей родине. Крестьянин не может шагу ступить без того, чтобы ему не пришлось ублажать своим последним реалом старосту, альгуазила, священника и прежде всего его грозного владыку, сеньора! Может ли испанец, претерпевший угнетения, обиды и несправедливости, принести жалобу на своего обидчика или угнетателя? Тюрьмы полны подобных жалобщиков!

А ведь было время в Испании — и совсем недавно, — когда казалось, что навсегда ушли в прошлое такие порядки, позорящие нашу родину на весь свет. Вы помните, граждане Грасалемы, эти дни, когда Испания похоронила произвол и взяточничество?

— Помним, помним! — кричали со всех сторон.

— В годы кортесов!..

— При конституции!..

— После кортесов Кадиса!..

— Да, конституция принесла всем нам освобождение. Да только она пришлась не по вкусу тем, кто в угнетении народа находит для себя выгоду, кто построил свое благополучие на несчастье других. Вот уже скоро шесть лет, как кучка проходимцев, собравшихся вокруг трона, подчинила весь наш народ своему подлому произволу. Нация склонилась покорно перед злой волей камарильи... Не раз уже преданные сыны Испании, облаченные в военные мундиры, поднимали на угнетателей доверенное им оружие. Честные, беззаветно любящие родину, они пали

в этой борьбе. Преклонимся перед памятью Порльера, Ласи и других мучеников нашей свободы!

Многие в толпе крестились.

— Но нет еще на земле силы, которая могла бы сломить волю целой нации! Мы взяли из рук павших знамя, снова подняли его и призываем всю Испанию последовать нашему примеру! Против нас сражаются обманутые камарильей солдаты. Они защищают абсолютизм, продажных и корыстных его слуг.

— Долой камарилью! — раздалось из толпы.

— Смерть жадным псам!

— Дорогие братья! Наши силы пока невелики, но мы знаем, что всякий говорящий по-испански ждет с замиранием сердца нашей победы, что во всех углах страны десятки тысяч людей скоро подымутся на помощь нам. Верьте, подлая тирания доживает свои последние дни!

Риэго кончил. Взволнованные грасалемцы подхватили его и на руках отнесли в посаду.

Счастливый день! Видя, какой отклик рождают в этих простых сердцах страстные речи командующего, офицеры и солдаты вновь остро ощутили жизненную необходимость и правоту дела, за которое они дерутся. Забытая радость борьбы и упрямая вера снова охватили угнетенных неудачами бойцов.

В той же Грасалеме Риэго ожидала новая радость: из лежащего в десяти лигах к северу городка Морон-де-ла-Фронтера прибыл гонец с письмом от капитана королевских драгун Осорно. Капитан сообщал, что хочет присоединиться со своим эскадроном к революционной колонне. Он же писал, что Майоркинский и Валенсийский полки склоняются на сторону повстанцев.

Эта радостная весть, сообщенная бойцам, подействовала, как электрический заряд. Тотчас, без приказа, по собственному почину, люди построились в походный порядок, готовые расстаться с гостеприимным городком, давшим им приют и надежду.

* * *

Среди дня 1 марта выступили из Грасалемы. Отдохнув за ночь только два часа в Пуэрто-Серрано, форсированным маршем двинулись к Монтельяно, где стояли майоркинцы.

Неудача... Майоркинский полк ушел из Монтельяно за час до прихода туда колонны.

Стали ждать, как было условлено, валенсийцев. Но их полковник, испугавшись в последнюю минуту своей смелости, увел полк подальше от Монтельяно.

Пошли на соединение с драгунами Осорно в Морон-де-ла-Фронтера, куда колонна и прибыла 3 марта. Здесь ряды патриотов пополнились двумя сотнями кавалеристов.

Почти неделю отряд Риэго не входил в соприкосновение с неприятелем. Но вот вновь показались передовые части правительственных войск, а еще через день О'Доннель подтянул к Морону всю свою дивизию и стал окружать городок.

Огромное несоответствие сил не оставляло патриотам никакой надежды на успех в случае решительного столкновения. Риэго поспешно покинул Морон. Отряд стал медленно отходить в сторону гор, сдерживая противника арьергардными стычками.

О'Доннель атаковал теперь с большой решимостью: число его стрелков превышало втрое общее количество людей в рядах повстанцев.

Два вражеских батальона охватили колонну с флангов и открыли по ней убийственный перекрестный огонь. Сохраняя свой строй, подбирая убитых и раненых, патриоты отступали в намеченном направлении. Время от времени они вынуждены были переходить в контратаку, чтобы сдержать неистовый напор врага, крайне осмелевшего, уверенного в своей близкой победе.

Однако паническое бегство восставших, на которое так рассчитывал О'Доннель, заставляло себя ждать. В критическую минуту Риэго, покрытый пороховым дымом и кровью, выхватил красно-зеленое знамя у раненого знаменосца и, пришпорив коня,

бросился на зарвавшихся передовых стрелков противника, увлек за собой Осорно с его драгунами.

Два раза кавалерия абсолютистов пыталась стремительным налетом сломить сопротивление и смять повстанцев. Ее встречали градом пуль, штыками, и она откатывалась назад, терпя тяжелый урон.

Но и ряды патриотов быстро редели. Еще два часа такого боя — и колонна перестала бы существовать. К счастью, надвигалась ночь. О'Доннель убедился в том, что все его усилия сбить противника со взятого им направления в горы не приведут к успеху. Продолжать преследование в темноте он не решился. Генерал приказал бить отбой, и колонна, наконец, оторвалась от врага.

Риэго не мог дать людям ни минуты отдыха. Надо было под покровом темноты забраться как можно глубже в сьерру.

Подсчитать людей?.. Зачем?! Перед концом боя он видел в лучах заходящего солнца, как немного их осталось. Страшное это видение и сейчас не покидало его. Горстка... меньше одного батальона!..

В безлунную мартовскую ночь уцелевшие брели по кручам, напрягая последние силы. Риэго слышал за собой приглушенный топот ног и лязг оружия. Изредка застонет измученный невыносимой усталостью солдат. Раненые, притороченные к седлам мулов, бредили, истекая кровью.

Иногда из тьмы доносились хрип и клокотанье, вдруг смолкавшие. Тогда останавливались, чтобы похоронить умершего.

Риэго спешил туда, приказывал положить покойника у скалы и идти дальше. Если раздавался ропот, Рафаэль хватался за пистолет:

— Во имя Испании — ни одной потерянной минуты!

* * *

На рассвете 5 марта показалась Вильянуэва-де-Сан-Хуан.

Пересчитали бойцов: их осталось 400 человек. Выбыли из строя лучшие офицеры: Алугнис, де Ка-

стро, Кароселли. Умирал капитан Чарнеко. В руки врага попали Ортис и Осорно.

Вперед, вперед!..

Два часа отдыха в Вильянуэве — и дальше в поход. Ночь провели в Хилене. Не останавливаясь, прошли Эстепу.

У старого моста через полноводный Хениль на колонну налетел кавалерийский разъезд в 60 сабель. И снова схватка.

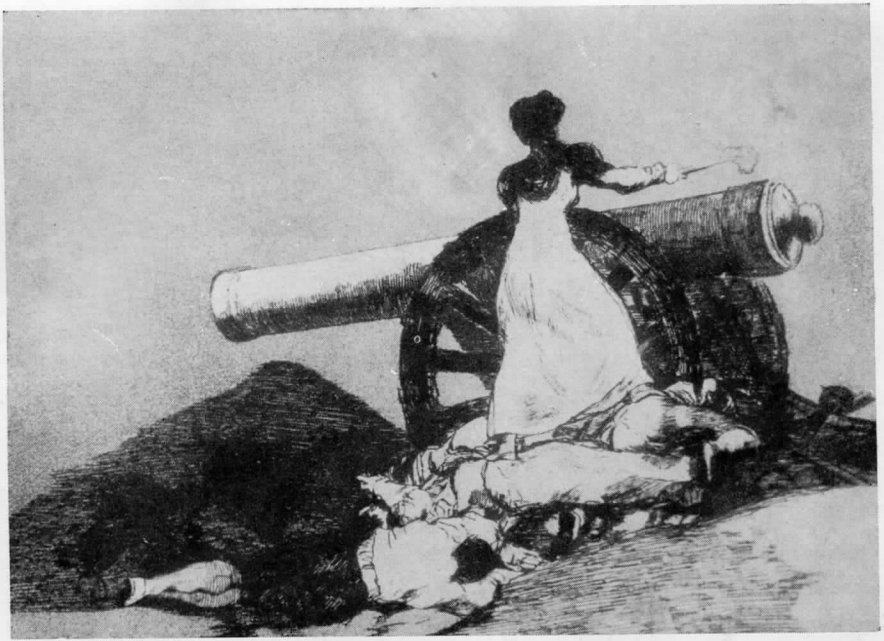
Непрерывно отбиваясь от наскоков врага, добрались к концу дня 6 марта до Агилара. Противник не показывался. Риэго разрешил привал на час — только сгрызть корку хлеба, смоченную в вине, и опять в поход.

В Монтилье мертвый сон подкосил солдат посреди улицы.

* * *

В ту ночь алькальд Монтильи много раз поднимался с постели, чтобы посмотреть, улегся ли, наконец, его беспокойный постоялец. Сквозь дверную щель он видел все то же: подполковник как маятник все ходил да ходил из угла в угол.

Риэго подводил мучительные итоги. Двести лиг прошел он по Андалузии, и нигде, почти нигде не нашел настоящей поддержки, помощи без оглядки и расчета. Почему?.. Чем больше он думал, тем крепче утверждался в мысли, что должны существовать неизвестные ему слова убеждения, слова, которые могут преодолеть у народа чувство страха, поднять его так, как поднимали когда-то призывы герильи... Но что это за слова? Какие чаяния живут в народных глубинах?.. Вот уже два месяца зовет он на борьбу против тиранов — и призывы его рождают лишь слабый отзвук в тех, кто должен был ответить предельным напряжением воли, жертвенной решимостью отдать жизнь за великое дело. Вот и солдаты колонны платят ему за заботу и дружбу горячей сыновней привязанностью. А ведь и они идут в бой только с покорной готовностью. Ни разу еще не видел он такого могучего порыва, как в годы, когда



«Какая доблесть!» (Ф. Гойя).

«Продавщица оршада» (Г. Доре).

такие же крестьянские парни дрались с французами. Они защищали Испанию от чужеземного нашествия! Да ведь теперь они борются за свободу, против рабства! Но то были львы, а сейчас?.. Да, только покорная готовность.

Вдруг дело всей его жизни предстало Рафаэлю в новом свете. Он увидел себя и своих единомышленников одинокими среди огромной массы равнодушных соотечественников. Горечь этой мысли воскресила в его памяти тот кубок полынного настоя, который ему пришлось выпить при посвящении в масоны.

Риэго присел к столу, низко склонил голову на горячие ладони. Долго сидел он так, охваченный душевной болью.

Но вот вождь повстанцев стремительно срывается со скамьи. Раз начавши борьбу, он доведет ее до конца! Если Кирога держит еще Леон, рейд сослужит ему неоценимую службу. Но пусть даже Леон пал — жертвы не пропадут даром. Поход колонны еще долго будет призывать народ к борьбе!..

Сейчас осталось только одно: подороже продать свою жизнь — свою и жизнь солдат — и оставить будущим борцам с тиранией достойный подражания пример.

Благословенна будь судьба, посылающая такой конец!

* * *

В три часа утра 7 марта барабан поднял людей, и колонна покинула Монтилью. Риэго намеревался теперь пересечь Гвадалквивир и углубиться в лежащий к северу от него горный массив.

Ближайшая переправа через эту широкую реку была в Кордове, густо населенном городе, перекрестке многих военных путей. Здесь были расквартированы кавалерийский полк, два пехотных полка, дивизион артиллерии. Несмотря на это, Риэго, переговорив со своими офицерами, решил направиться туда.

Когда колонна подходила уже к предместью города, сильный военный отряд преградил ей путь.

У бойцов революции не могло оставаться сомнений — это был конец! Их подвиг завершится у покрытых арабесками ворот.

Ни один не дрогнул. Взяв на изготовку ружья, они затянули боевую песню:

Солдаты, на бой нас
Отчизна зовет!
Мы ею клянемся —
Победа иль смерть!
Вперед же летите,
Солдаты свободы,
Оковы народа
Спешите сорвать!
Пред гневом священным
Тюремщик презренный
Чела дерзновенно
Не смеет поднять!

Выстроившийся у ворот неприятельский отряд не дал боя. Он как-то незаметно растаял.

Путь в город открыт. Развернув знамена, колонна прошла ворота — и вот она уже на улицах Кордовы.

Где же полки и батальоны, послушные Мадриду? Они без уговора укрылись в казармы, очистили дорогу патриотам, не захотели драться с солдатами свободы.

Гибнущая колонна одержала здесь свою моральную победу.

В лохмотьях, покрытые грязью, идут солдаты и офицеры. Лица обращены к знамени. Изможденные, измученные люди поют слова бодрости и силы, но кажется, что жизнь теплится только в их глазах.

Народ заполнил улицы. Толпа неподвижна. Она зачарована непостижимой смелостью этих людей. Потрясены самые черствые души. Многие в молчании крестятся. Старая нищенка подбегает к Риэго, целует ему руку.

Не прерывая песни, повстанцы пересекают город. Они располагаются на ночлег в предместье Сан-Пабло.

Риэго и его офицеров с почестями принимают в аюнтамиенто. Жители собрали для героического отряда пятьдесят тысяч реалов.

На другой день, в семь часов утра, отряд покинул Кордову, чтобы поскорей добраться до сьерры.

Напрягая последние силы, преследуемые оставляют за собой по семи-восьми лиг в сутки. Эспьель, Бельмес...

Со времени отхода от Кордовы колонна растеряла еще 200 человек. Многие заболели. Покидали ряды все усталые, изверившиеся. Это была уже агония...

10 марта стали в Фуэнте-Овехуна. День был пасмурный, дождливый. Когда Риэго заметил приближающихся со стороны Кордовы всадников О'Доннеля, он мог только приказать отступить со всей возможной поспешностью.

Через Берлангу прошли 100 человек, через Вильягарсию — 30... До Бьенвениды, что в Эстремадуре, добралось 13 марта только 20 беглецов, которых преследовал по пятам целый кавалерийский эскадрон.

Крепко обнял Рафаэль каждого из верных своих товарищей.

— Братья, мы кончили поход!.. Нам надо рассеяться, иначе нас изрубят всех до одного... Пусть каждый ищет своего спасения, как только может. Те, в ком еще остались силы и желание послужить Испании, пусть пробираются на остров Леон.

III

РЕВОЛЮЦИЯ ПОБЕЖДАЕТ

Части генерала Фрейре полностью отрезали остров Леон от суши, а генерал Кампана крепко держал Кадис. Колонну Риэго — главную надежду восставших — абсолютисты загнали в далекие сьерры. Казалось, революционная армия была обречена на неизбежную гибель.

Из Севильи Фрейре слал в Мадрид многообещающие реляции и требовал подкреплений, заверяя короля Фердинанда в том, что он скоро подавит мятеж и захватит всех его зачинщиков.

Но подвижная колонна Риэго путала все карты. Фрейре не мог решиться начать генеральную атаку на остров Леон до тех пор, пока у него за спиной бродил отряд смелых бойцов-революционеров, связывавших его кавалерию, грозивших взбунтовать воинские гарнизоны в глубоком тылу.

Все внимание трусливого правительства и бездарных королевских генералов было приковано к тому, что происходило на юге Испании, в Андалузии. Они лихорадочно стягивали туда свои силы, оголяя остальные провинции. Это развязывало руки революционерам Галисии, Каталонии, Наварры, Валенсии.

Помощь герою Кабесаса становилась лозунгом назревавшего восстания на севере. Либералы теперь действовали здесь почти открыто, и их энергия возрастала по мере того, как положение восставших в Андалузии становилось все более безнадежным.

21 февраля, почти через два месяца после того, как отважным астурийцем был зажжен в Кабесасе костер свободы, искра его воспламенила Галисию. В этот день Риэго уводил свою поредевшую колонну из-под Малаги...

Поднялась Ла-Корунья! Горсть смело действовавших патриотов арестовала капитан-генерала, провинциальных сановников и провозгласила конституцию 1812 года. Это послужило сигналом для революционеров Эль-Ферроля, восставших спустя два дня. Феррольцы завладели губернаторским замком, и весь городской люд присягнул на площади города Хартии Кадиса. За этими двумя городами последовал Виго.

Власти отступали везде почти без сопротивления. И лишь в клерикальном Сантьяго-де-Компостела граф Сан-Роман пытался преградить путь нараставшей революционной волне. Он собрал оставшиеся в провинции войска и мобилизовал ополчение. Пат-

риоты направили против него 500 необученных, плохо вооруженных рекрутов. Убоявшись, видимо, и этих слабых сил, граф не принял боя и отошел от Сантьяго на двадцать пять лиг к югу — к Оренсе. Революция овладела самым многолюдным и богатым городом Галисии.

Сан-Роман располагал внушительными силами — двумя регулярными полками пехоты, 10 гренадерскими ротами, несколькими эскадронами кавалерии. Он занял в Оренсе почти неприступную позицию.

Революционная хунта Галисии действовала стремительно. Ее воззвания, проникшие во все углы провинции и в самый вражеский стан, поднимали ремесленников и торговцев в городах, вербовали приверженцев делу революции среди офицерства и нижних чинов армии.

Опасаясь бунта в своих войсках при первом же боевом соприкосновении с патриотами, Сан-Роман вынужден был оставить Оренсе и уйти в Кастилию.

Вся Галисия — одна из самых богатых и обширных областей королевства — оказалась в руках сторонников конституции.

* * *

Камарилья и двор, ошеломленные новой катастрофой, в припадке страха, этого худшего советчика в минуту опасности, стали принимать беспорядочные меры. Министры совещались дни и ночи, выносили и отменяли решения, отдавали губернаторам и командующим провинциальными гарнизонами сбивчивые, противоречившие одно другому распоряжения.

В конце февраля столицы достигла потрясающая новость: Мина пробрался из Франции в Наварру и поднял наваррские полки. Революционная хунта избрала его вице-королем Наварры.

Пламя мятежа охватило и Арагон с Каталонией. В Барселоне и Сарагосе среди бела дня раздавались крики: «Да здравствует полковник Риэго! Смерть тиранам!»

Король уже стал сомневаться в верности мадридского гарнизона и даже гвардии. Он созвал тайное совещание командиров столичных полков. Доклады их были неутешительными. Королю прочли длинный список гвардейских офицеров, связанных с масонскими ложами.

Фердинанд чувствовал, что трон под ним шатается. Надо было как-то приспособляться к обстоятельствам. Коронованный пройдоха лелеял надежду на то, что ему как-нибудь удастся обмануть восставший народ. Только бы усыпить революционеров обещаниями. А уж потом он сумеет прибрать их к рукам!

Правда, у Фердинанда оставался еще один козырь. Военному министру удалось стянуть в Ла-Манчу, к городу Оканье, несколько полков, офицерство которых не было заражено либеральными идеями. Эта армия еще могла спасти положение. Нужно только отдать ее в руки надежного, преданного режиму генерала. Остановив свой выбор на графе Лабисбале, Фердинанд рассчитывал, что недавняя измена этого генерала кадисской революционной хунте на Пальмовом Поле навеки связала его с самодержавием.

Облеченный чрезвычайными полномочиями, граф выехал 3 марта из Мадрида в Оканью. А через три дня в столицу пришла весть, что Лабисбаль провозгласил в Оканье конституцию 1812 года.

Во дворце царило смятение. Фердинанд срочно вызвал к себе из Вальядолида опального, но все еще пользовавшегося в армии влиянием генерала Бальестероса.

Бальестерос шел по дворцовым покоям, бросая торжествующие взгляды на жалких, растерянных придворных. Перед ним широко распахнулись двери королевского кабинета. Вызывающе стучали генеральские сапоги по драгоценному паркету.

Фердинанд наговорил дону Франсиско комплиментов и стал просить у него совета: как унять волнения в армии?

Глаза самодержца пытливо всматривались в генерала. Король ждал от него спасения.

С брезгливым презрением глядел Бальестерос, как напряженно улыбается Фердинанд, как подергиваются его толстые, обвислые губы. Дон Франсиско вынул из кармана текст конституции — старый кадисский оттиск, за какой тысячи испанцев угодили в тюремные подземелья. Он протянул его королю:

— Спасение трона — в этом!

Круто повернувшись на каблуках, генерал покинул кабинет.

* * *

Мадрид жил неспокойной жизнью. По приказу инквизиции газеты хранили полное молчание о событиях в Андалузии. Но за них старалась людская молва.

На площади Пуэрта дель Соль — в сердце столицы — с утра до поздней ночи группы людей оживленно делились «самыми достоверными» новостями с юга, неизвестно откуда почерпнутыми. Суровая правда, пробежав сотни лиг и пройдя через тысячи уст, преображалась в сильно разукрашенный вымысел. Мадридцы рассказывали друг другу, что восстала вся Испания к югу от Ла-Манчи и Эстремадуры, что полковник Риэго идет на столицу во главе всей экспедиционной армии.

Народ жаждал политических перемен и ловил все эти россказни. Всюду можно было услышать полные обещаний имена: Леон, Кабесас, Риэго, Кирога...

Каждый день столица узнавала о новых восстаниях, новых победах революции. Галисия, Наварра, Арагон, Каталония!.. Затем стало известно о крушении последней надежды абсолютизма — о том, что произошло в Оканье.

Торговцы закрыли свои лавки, ремесленники бросили работу, врачи забыли о больных — все население вышло на улицы. Густые толпы запрудили центральные площади. Злобные физиономии приверженцев абсолютизма тонули в массе оживленных, радостных лиц.

Обойдя часовых самодержавия, революция завладела столицей!

«Поход колонны Риэго приковал к себе всеобщее внимание, — писал Маркс в своих очерках «Революционная Испания», — провинции были полны ожидания и жадно следили за каждым его движением. Умы, пораженные смелостью Риэго, быстротою его действий, энергичным отпором врагу, приписывали ему воображаемые триумфы, прибытие подкреплений и присоединение масс народа, чего в действительности не было. Вести о предприятии Риэго, доходя до самых дальних провинций, достигали преувеличенных размеров, и эти наиболее отдаленные от места действия провинции первые высказались за конституцию 1812 года. Испания до того созрела для революции, что даже ложных вестей оказалось достаточно, чтобы вызвать ее...» [1].

6 марта на стенах домов столицы появились афиши, в которых правительство призывало мадридцев к спокойствию. Сообщалось, что король назначил диктаторскую хунту с инфантом доном Карлосом во главе, которой он поручал разработать неотложные государственные реформы. В тот же день появился и королевский декрет о немедленном созыве кортесов.

Но на какой основе намерен Фердинанд созвать представителей Испании? Уж не рассчитывает ли он возродить старое, сословное представительство из депутатов от дворянства, духовенства и городов?

Декрет о кортесах только подлил масла в огонь: агитаторы либералов тотчас разъяснили смысл маневров Фердинанда.

Столицу охватило чрезвычайное возбуждение. Гневная, угрожающая толпа бурлила и клокотала. Над морем голов то и дело поднимались неизвестные дотоле ораторы, бросавшие в народную массу призывы раз навсегда смирить коронованного обманщика. Подхваченные тысячами голосов, гремели боевые клики:

— Да здравствует Риэго!.. Долой тиранию!

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Революция в Испании, стр. 50, Партиздат, 1937.

— Да здравствует конституция!

— Во дворец! Во дворец!

Из казарм вывели гвардию. Но даже янычары тирана не посмели поднять оружие на единый в своем порыве народ. Конные гвардейцы разъезжали по улицам, уговаривая мадридцев разойтись по домам.

Волны восстания грозили снести здание испанской монархии.

7 марта король обратился к своим подданным с воззванием: «Чтобы избежать кривотолков относительно вчерашнего моего декрета о немедленном созыве кортесов и зная общую волю народа, я решил принести присягу конституции, обнародованной чрезвычайными кортесами в 1812 году».

После шести лет неограниченной тирании король вынужден был, наконец, отступить и согласиться на конституционную систему управления.

К вечеру на Большую площадь собралась полная энтузиазма молодежь, чтобы отпраздновать только что одержанную победу. Юноши водрузили Доску Конституции и окружили ее кольцом факелов. Нескончаемой цепью тянулись жители столицы к раскрытой хартии свободы, преклоняли перед ней колена, целовали багровевшие в смоляном пламени строки, политые кровью лучших сынов Испании.

Мадридцы предавались безмятежной радости, украшали свои жилища гирляндами цветов и флагами, слушали в церквах благодарственные мессы.

Но уже 9 марта агитаторы распространили в народе слух об отказе короля принести присягу. Ко дворцу потянулись вооруженные чем попало толпы. Тысячи людей настойчиво требовали, чтобы Фердинанд тут же, при всем народе, поклялся в верности конституционному режиму.

Фердинанд укрылся во внутренних дворцовых покоях. Толпа стала напирать на цепи гвардейцев, грозя ворваться во дворец. Подавив в себе ярость бессилия, король принял парламентеров. Толпа выбрала шесть человек для ведения переговоров.

Делегатов не допустили дальше дворцовой лестницы. Они потребовали от монарха немедленного восстановления аюнтамиенто — городского самоуправления, какое существовало до 1814 года. Король вынужден был согласиться на это.

Избранный тут же на площади алькальд города маркиз Мирафлорес поднялся на дворцовый балкон и стал предлагать кандидатов в аюнтамиенто. Народ принимал или отвергал каждую кандидатуру криками: «Хорошо, хорошо!» или: «Нет, это раболепный!»

Вновь избранное аюнтамиенто направилось в полном составе во дворец и приняло присягу Фердинанда на верность конституции 1812 года.

В тот же день Фердинанд VII, ставший отныне царствовать «волею народа», назначил Временную совещательную хунту, которая должна была управлять страной впредь до образования конституционного правительства.

В новом обращении к испанцам король выразил свое столь же безграничное, сколь и лицемерное удовольствие по поводу происшедшего: «Пойдемте же все с открытой душою — и я первый — по конституционному пути!»

* * *

— Мой Эваристо, верный боевой товарищ... Понял ли ты? Нам не уйти из этих степей. За нашу шкуру обещана высокая награда. Всадники О'Доннеля рыщут по всем дорогам... Что до меня — я живым не дамся им в руки!

— Я с тобой до конца, Рафаэль!

— Висеть перед ними в петле, как Маркесито... Нет, им не удастся любоваться моей казнью! А тебя они, может быть, помилуют.

— Мы оба астурийцы, Рафаэль! И я сумею достойно закончить наше дело. Милости тирана не хочу!

Уже трое суток Риэго и Сан-Мигель пробираются на юг. Идут звездными весенними ночами глухими дорогами, прячутся, пока светит солнце. Изодранный в клочья мундир, пропитанный потом, жжет

измученное тело. Нестерпимо горят воспаленные глаза.

Лежа за придорожными кустами, неподалеку от какой-то деревни, беглецы ждут прихода третьей ночи.

— Гляди, Эваристо, вот там на юге обозначилась Сьерра-де-Арасена. Этой ночью доберемся до гор... Да все это ни к чему! Не осталось ни крошки хлеба! Если зайти в деревню — первый же крестьянин выдаст нас. Черт побери! А ведь совсем близко до океана, до Уэльвы, Сан-Лукара...

— Что нам от этого?

— У нас тысяча реалов! Рыбак доставил бы нас на парусах в Гибралтар...

Сан-Мигель чуть улыбнулся:

— Хочется жить?

— Да, хочется!.. И я дал бы отрубить себе руку перед смертью, только бы узнать: держится еще на Леоне Кирога?

Ветер донес до них густой колокольный звон.

— Что это? Разве сегодня праздник?

— Нет... Шестнадцатое марта — как будто никакого праздника... Дьявол! Наверно, и здесь оглашают крестьянам приказ о награде за наши головы.

Риэго и Сан-Мигель залезли поглубже в кустарник.

Деревня зашумела, как потревоженный улей. На дорогу вышла длинная процессия. Впереди несли образа и хоругви, статуи святых. Шли парами молодые девушки под белыми покрывалами. Сзади плелось все население деревни.

Процессия подошла к часовне, стоящей на перекрестке дорог. Священник прочитал несколько слов по бумаге, затем взмахнул рукою, и крестьяне прокричали что-то. А потом весь кортеж в том же порядке повернул обратно к деревне.

— Нет, это не то, — прервал молчание Сан-Мигель. — Празднуют день какого-то местного святого.

По дороге приближалось несколько крестьян. Друзья замерли за своим укрытием и стали напряженно вслушиваться.

Глухой бас раздраженно скрипел:

— Покоя от них нет, от столичных нехристей! Опять старое затеяли. Помнишь, когда дрались с французами...

— Отец Сальвадор говорит, что это для одной видимости... чтобы, значит, королю легче было переловить всю свору. Говорит, велено из Мадрида присягать пока что этой самой... Тьфу, нечистая сила! И не выговоришь... кон-стин-тусии!

— Ой, гляди, что это?! Исусе сладчайший... матерь божия!..

Из кустов на дорогу выскочило двое — взлохмаченные, оборванные бродяги. С громкими криками, размахивая руками, бросились они со всех ног в сторону деревни. Крестьяне долго смотрели им вслед, потом злобно выругались и пошли дальше.

* * *

Севилья неистовствовала. К посаде, где остановился Риэго, двигались манифестации и делегации, восторженные почитатели и просто любопытные.

— Да здравствует Риэго! Слава бессмертному герою! Слава бесстрашному рыцарю свободы!..

Рафаэль был потрясен и глубоко растроган бурными проявлениями народной симпатии. Он обращался с балкона к пришедшим с приветствиями севильцам, принимал из рук красавиц букеты алых роз, целовал детей, распевавших перед ним хвалебные гимны, наспех сочиненные местными поэтами, которые сравнивали его с Александром Македонским, со Сципионом и даже с самим богом войны Марсом.

Вожди севильских либералов настояли на устройстве триумфального шествия из собора в аюнтамиенто и оттуда к дому капитан-генерала, почетным гостем которого стал Риэго. Рафаэль сидел в открытом экипаже с Эваристо Сан-Мигелем, приветственно махал рукой севильцам, теснившимся по пути следования кортежа. Поминутно останавливая возницу, он взбирался на козлы, говорил, говорил... и с нетерпением ждал конца церемонии.

Уже на другой день Рафаэль почувствовал усталость от расточаемых ему похвал. Он стал торопиться с отъездом на остров Леон, в армию.

* * *

После того как в Андалузии стало известно о восстаниях в Галисии, Арагоне и Каталонии, генерал Фрейре, блокировавший патриотов на острове Леон, как будто примирился с революцией. Фрейре прибыл в Кадис. Выйдя на балкон дворца, он посылал ликующему народу воздушные поцелуи, смахивал с глаз слезы умиления:

— Веселитесь, друзья мои! Только не нарушайте порядка.

Целую ночь напролет гадитанцы веселились и плясали. А с утра воздвигли трибуны на центральной площади Сан-Антонио, где должна была происходить церемония установки Камня Конституции.

Но в тот самый час, когда на площади собралось 50 тысяч гадитанцев и начались торжества, Фрейре и Кампана выпустили из казарм пьяную солдатню. Город был отдан на поток и разграбление.

Кровавый погром длился три дня — до 14 марта. Одних убитых насчитывалось свыше 500 человек. Побоям и оскорблениям подверглись и представители революционной армии Арко-Агуэро, Лопес-Баньос и Алкала Галиано, приглашенные из Сан-Фернандо на торжества.

Когда же в Кадис прибыло официальное сообщение о присяге Фердинанда конституции 1812 года, генералы вынуждены были открыть, наконец, перед Кирогой Кортадуру и отдать только что разгромленный город в руки революционной хунты.

В это время возвратился на остров Риэго.

Кирога созвал хунту. Многие из ее членов настаивали на том, чтобы на кадисские убийства тут же, не дожидаясь суда, ответить суровыми репрессиями. Но Кирога и Риэго не дали на это своего согласия.

— Абсолютисты, — говорил Риэго, — пошли на признание конституции только под давлением наше-

го оружия. Кадисская резня доказывает, как велика их ненависть к новой Испании. Останемся же здесь на страже. Не нужно мести, но и не следует слишком полагаться на обещания монарха. Даже после того, как король назначит конституционных министров, даже после созыва кортесов не пройдет еще опасность реакции. Я думаю, что сейчас армия патриотов нужна стране больше, чем когда бы то ни было!

Риэго предложил реорганизовать революционную армию в Андалузскую армию наблюдения. Хунта приняла его план.

Новую армию разделили на две части: одна дивизия, под командованием Риэго, будет расквартирована в Севилье, вторая, с Кирогой во главе, — в Кадисе.

* * *

Население Мадрида пребывало в состоянии непрерывного возбуждения. На площадях, служивших огромными подмостками для выражения народной радости или народного гнева, жители столицы ежедневно демонстрировали свои политические настроения.

После оживленного обсуждения новостей, принесенных вечерними газетами, мадридцы устремлялись в клубы «Золотой ручей» или «Мальтийский крест», в кафе «Лоренсини» и «Сан-Себастьян». Здесь самые красноречивые ораторы Испании развивали перед согражданами принципы конституционного управления и разъясняли им огромную важность законов, защищающих жизнь и свободу каждого. Разумеется, все выступавшие в клубах — знаменитые адвокаты, военные или рядовые граждане — высказывались только в духе свободолюбия. Раболепные не подавали признаков жизни.

Руководимые либералами, патриотические общества и клубы множились и процветали не в одном Мадриде. Вся Испания покрылась ими.

Кадисская конституция 1812 года давала королю право самому назначать министров. Желая пока что жить с революцией в мире, Фердинанд составил пер-

вое конституционное министерство из людей, которых он в свое время подверг репрессиям за либерализм. Прямо из каторжных тюрем и из далекой ссылки в министерские кресла сели министр внутренних дел Агустин Аргуэльес, министр иностранных дел Перес де Кастро, министр финансов Хосе Канга Аргуэльес. Душой нового правительства был дон Агустин.

Понятно, что между королем и новыми министрами установились довольно холодные отношения, едва прикрытые придворным этикетом.

В выборе министров Фердинанд сделал одно лишь исключение: на пост военного министра он поставил своего человека, маркиза де Лас Амарильяс. Король рассчитывал на помощь этого раболепного в тайной игре, которую он повел буквально на другой же день после присяги новому порядку.

«Святейший престол» встретил испанскую свободу в штыки. В ответ на официальное сообщение о введении в Испании конституционного управления папа Пий VII писал в своем архипастырском послании: «...Поток опаснейших книг затопляет Испанию во вред религии и добрым нравам... Уже ищут предлогов ущемить духовенство... Говорят об упразднении десятины... Нарушается священная неприкосновенность духовных лиц... Мы приказали нашему нунцию в Испании протестовать против посягательства на интересы церкви...»

Посол Фердинанда при Ватикане отказался принести присягу конституции 1812 года и спешно занялся созданием Апостолической хунты, которая ставила себе целью организовать вооруженную борьбу с конституционным режимом. К этой контрреволюционной хунте примкнули многие епископы Испании. Она сыграла большую роль в дальнейшем ходе событий.

Особые надежды возлагал Фердинанд на государей Священного союза — на императоров русского и австрийского, на короля Пруссии. Послы испанского короля при иностранных дворах изливались в жалобах на «бунтовщиков», захвативших в свои руки управление Испанией.

Новые министры догадывались об этих кознях короля. Но никто из них не помышлял противодействовать монарху, протестовать против его вероломства. Аргуэльес и его коллеги, выходцы из либерального дворянства, были поглощены другими заботами. Первоочередной задачей министров стало обуздание революционной энергии народа. «Восстановить спокойствие и порядок!» — ежедневно твердил Аргуэльес. Министры решили не применять сразу законов, введенных конституционной властью в 1810—1814 годах. «Мудрый врач не дает больному все лекарство сразу, как бы ни было оно спасительно для него, — заявил Аргуэльес.— Он распределяет лекарство по малым дозам, в соответствии с силами и состоянием здоровья больного». Так же осторожно, лишь постепенно и с оглядкой, собирались умеренные либералы вводить в Испании новый конституционный правопорядок.

Однако активные политические силы страны стремились перешагнуть те рубежи, на которых либеральные министры надеялись задержать развитие революции.

В столице и в провинциях к общественной жизни приходили новые слои испанцев, не испытывавшие религиозного трепета при одном упоминании о конституции 1812 года, желавшие более глубоких политических и социальных преобразований.

Наметился и водораздел между этими двумя течениями. Либеральная крупная буржуазия и просвещенное дворянство — фабриканты и негоцианты, часть генералитета, виднейшие представители свободных профессий, лидеры масонских лож — утверждали, что все цели революции уже достигнуты. Эти умеренные либералы настаивали на том, что с присягой короля Кадисской хартии и созывом кортесов все задачи тайных обществ надо считать исчерпанными. Иную позицию занимали группы мелкой буржуазии, ремесленники и торговцы, разорившиеся гидальго, младшие чиновники, низшее офицерство. Одни были преданы всей душой конституции 1812 года, другие избрали своим девизом Риэго. Первых называли «людьми Двенадцатого года», вторых — «двадцатниками». Вскоре появи-

лись для них и другие наименования: «умеренные» («модерадос») и «восторженные» («экзальтадос»).

К середине 1820 года эти две тенденции в либеральном лагере еще только начали обозначаться. Восторженные стали группироваться вокруг клуба «Золотой ручей» и кафе «Лоренсини», а умеренные облюбовали клуб «Мальтийский крест».

В первое время собрания клубов нисколько не мешали правительству. Но от обсуждения общих начал народоправства клубные политики стали переходить к рассмотрению действий отдельных министров, позволяли себе оспаривать производимые правительством назначения на государственные посты.

А клубы вели за собой массы народа. То, что говорилось в клубах, особенно в клубах восторженных, становилось тотчас известным всей стране через газеты и агитаторов. Достаточно было ораторам восторженных осудить какое-либо правительственное мероприятие, и на улицах начинались враждебные правительству манифестации.

Старания вождей умеренных обуздать революционные силы, потрясшие здание абсолютизма, и решать дела государственного управления в тиши министерских кабинетов терпели поражение. Все более широкие слои городского люда предъявляли свое право контролировать действия двора, министров и других сановников.

В эту весну революции только одна часть испанцев по-прежнему оставалась в состоянии неподвижности и политической спячки — испанское крестьянство, составлявшее три четверти всего народа. В деревне, как и встарь, все дела вершил падре. Как и встарь, бродячие монахи торговали здесь целебными слезами богородицы, прядями Христовых волос. И во всех углах слышалось их злобное нашептывание.

Апостолическая хунта — штаб врагов революции — готовила себе в испанском крестьянстве огромные резервы. А руководители революции ничего не делали, чтобы помешать этому. Крестьяне и теперь не привлекали к себе внимания либералов — ни умеренных, ни восторженных.

* * *

В день 9 июля выдалось на редкость погожее утро. На небе ни облачка. Со Сьерры-де-Гвадаррамы на столицу веет живительной прохладой.

Мостовые начисто выметены и политы. Из окон и с балконов свешиваются ковры, золотая и серебряная парча. Короткая улица, ведущая от дворца к старой церкви Арагонской богоматери, где будут заседать кортесы, убрана ветвями оливы и мирта.

Сто сорок шесть церквей и столько же монастырей затопляют город колокольным звоном, а жители его, все сто восемьдесят тысяч мадридцев, ждут с волнением появления короля.

Сегодня Фердинанд откроет кортесы и принесет им присягу. Ходят слухи, будто враги нового режима делают все возможное, чтобы помешать выполнению этого конституционного акта.

Правительство на всякий случай приняло чрезвычайные меры. Министры напуганы недавними контрреволюционными вспышками в Мурсии, Севилье и в самом Мадриде. Нити всех этих бунтов, подавленных верными революции войсками, тянутся ко дворцу...

С обеих сторон густыми шпалерами стоят войска. За ними толпа, вся во власти противоположных чувств — радостного ожидания и страха. Пройдет ли все благополучно?

Королевский кортеж покидает дворец. Грохочет артиллерийский салют, звучит гимн, исполняемый оркестрами, расставленными по пути следования монарха.

Фердинанд шествует медленно, сопровождаемый инфантами, министрами и большой свитой. Его обрюзгшее, злое лицо кривится язвительной усмешкой. Он только что ответил премьер-министру Аргуэльесу, намекнувшему на тревожное настроение столицы: «Да, я знаю, что среди испанцев есть безумцы, которые воображают, будто для меня возможны слава и честь вне закона и конституции. Этих людей следует сурово карать!» Как ни был озабочен министр, он не мог удержаться от иронической улыбки, и это особенно

порадовало Фердинанда. Ничто не может доставить ему большего удовольствия, чем подобная комедия... Он весело машет рукой в ответ на приветствия верноподданных.

Депутаты поднялись со своих мест:

— Да здравствует наш конституционный король!

Фердинанд удобно располагается на троне и подчеркнуто, театрально кланяется во все стороны, не забывая и заполненные публикой хоры церкви.

К королевскому трону приблизились президент кортесов и его секретари. Они молча раскрыли перед его величеством текст конституции.

Фердинанд встал, положил одну руку на евангелие, другую поднял к небу. Он читает установленную еще в 1812 году в Кадисе длинную присягу:

— Клянусь, что буду пуще всего блюсти политическую свободу нации и свободу каждого отдельного гражданина. Если я совершу что-либо, противное моей клятве, пусть в таком случае мне не повинуются, и все, что я сделаю против присяги, пусть будет лишено всякой силы. Да будет господь моей помощью и защитой. А если я нарушу этот обет, да покарает он меня за это.

Фердинанд сел. «Кажется, я недурно справился с этим делом!..»

Глаза его бегают по стенам. Прямо напротив трона, в притворе, выведено золотом: «Суверенитет принадлежит только нации». В нише четыре надгробные плиты. Кто здесь похоронен? Напрягая зрение, он читает имена. С одной стороны — Даоис и Велярде, расстрелянные Мюратом, а с другой... Порльер и Ласи!

Фердинанд густо багровеет: «Грязная сволочь! Поместить прямо перед моими глазами... За это они мне заплатят!..»

А председатель кортесов все продолжает свою речь. Он подробно перечисляет бедствия, которые претерпела нация за годы, протекшие после изгнания французов. Он объясняет конституционному королю, почему следует отдать предпочтение свободе, и доказывает, насколько она лучше рабства...

IV

«ЖРИ ЕЕ, СОБАКА!»

В одном отношении между либеральным правительством и королем Фердинандом царило полное согласие: и король и Аргуэльес относились неприязненно к Риэго.

Легко понять, какие чувства внушал королю офицер, заставивший этого Бурбона склониться перед ненавистной ему конституцией. Вражду министров к Риэго питали более сложные причины.

В июне Кирога, избранный депутатом в кортесы, отбыл из Кадиса в Мадрид. Риэго стал единственным главой Армии наблюдения. С этой минуты, к великому неудовольствию правительства, политическая роль южной армии начала все возрастать. Между Риэго и вождями левого крыла либералов постепенно установились полное единомыслие и даже общая программа действий.

В своих клубах ораторы восторженных обвиняли лидеров умеренных в недальновидности и бессилии. «Аргуэльес и его коллеги, — говорили они, — почили на лаврах. Получив министерские портфели и места в кортесах, они больше не хотят двигать революцию вперед». Восторженные требовали немедленной и полной смены старой, абсолютистской администрации.

Под одобрительные крики собравшихся, жадно ловивших каждое их слово, ораторы левых призывали южную армию, которой страна обязана торжеством революции, вмешаться в политическую жизнь. Пусть Риэго поможет патриотам сдвинуть государственную машину с мертвой точки.

Речи, раздававшиеся в Севилье и в Кадисе, перекликались с этими призывами.

Выступая в кадисском клубе восторженных, Риэго заявлял, что министерство и кортесы действуют слишком робко, что слуги старого режима все еще остаются на политической арене. От имени армии он требовал

предания суду всех палачей абсолютизма — Фрейре, Кампана и многих других, продолжавших благоденствовать.

— Если министры и кортесы слишком слабы и не решаются потревожить осиное гнездо врагов свободы, — говорил Риэго, — армия готова взять на себя эту задачу!

Правительство Аргуэльеса жаждало поскорее покончить с «контролем улицы над властью» и уже подготовляло закон о роспуске патриотических обществ и политических клубов. Однако оно не решалось провести этот закон в жизнь, так как опасалось вооруженного противодействия. Поэтому-то министерство стремилось прежде всего расформировать Армию наблюдения и начать столь деликатное дело с устранения из этой армии Риэго.

Но сместить вождя революции простым правительственным распоряжением было бы опасно. Вот чем и вызывалось то по меньшей мере странное положение, что либеральные министры, недавние узники абсолютизма, стали подыгрывать королю в его интригах против Риэго.

* * *

«Во внимание к заслугам вашим перед государством и замечательным подвигам вашим на пользу нации я решил возвести вас, дона Рафаэля дель Риэго, в звание фельдмаршала испанской армии. 4 апреля 1820 года. *Я, король*».

Незадолго до этого вожди армии Леона согласились между собой, что будут отказываться от всех титулов и званий, какие могут быть им предложены, и начнут «моральную революцию» против пристрастия испанцев к титулам. Кресты и ленты должны быть заменены национальной зелено-красной кокардой.

В сдержанных, но твердых выражениях Риэго отказался от высокого маршальского звания.

Однако не так легко уклониться от монаршей ласки. За дело принялся военный министр Амарильяс, передавший Риэго высочайшее пожелание: «Согласно конституции, я являюсь верховным вождем армии.

Я должен заботиться о хорошем состоянии войск. Поэтому я решил иметь в своем окружении компетентных лиц, которые должны быть в мирное и военное время моими ближайшими помощниками». Амарильяс пояснял Риэго, что ему выпала высокая честь: он назначен адъютантом короля.

Снова последовал отказ Риэго. Меньше всего борца за свободу прельщала ливрея личного слуги монарха. Его место в армии!

Но Амарильяс не унимался: «Во внимание к исключительным заслугам вашим, король решил назначить вас капитан-генералом Галисии. Его величество просит вас проследовать через Мадрид. Государь желает лично познакомиться с героем свободы, о котором он составил себе столь высокое мнение. 2 августа. *Амарильяс*».

Отвергнуть назначение на новый пост и остаться после этого в армии уже нельзя было, не нарушив дисциплины.

Оставалось подать в отставку, что Риэго и сделал. Но Фердинанд не принял отставки.

Не дожидаясь результатов своих маневров, Амарильяс опубликовал королевский приказ о расформировании Армии наблюдения.

Риэго, уверенный в поддержке всей страны, начал оспаривать законность этого распоряжения. Офицеры Армии наблюдения направили королю адрес:

«...Кортесы только что собрались. Они еще не имели времени осуществить реформы, которых требует нация. Против этих реформ восстанут те, кто привык *использовать в своих интересах общественные бедствия*... Десятое марта[1] все еще не наказано. Правосудие до сих пор не настигло тех, кто в 1814 году подло обманули доверие родины, обманули и вас, ввели в заблуждение ваш рассудок до такой степени, что заставили вас отплатить пытками и казнями всем, кто был беззаветно предан вам... Тысячи насущных мероприятий не подверглись еще даже первому рассмотрению... Мы умоляем вас, государь, отнестись со

[1] День резни в Кадисе.

всем вниманием к нашему обращению, взвесить последствия королевского приказа, сообщенного армии военным министром, отменить его и оценить министра по его действиям, могущим причинить неисчислимые беды».

Чтобы ускорить выполнение королевского приказа, Амарильяс обещал всем офицерам, переводимым в другие части, повышение в чине, увеличение жалованья и всякие иные выгоды. Но это не помогало. Тогда министр решил двинуть войска. Он направил к Сан-Фернандо 11 батальонов андалузской милиции.

Когда в столице стало известно о намерении прибегнуть к силе против Риэго, там поднялись волнения. Клубы мобилизовали все революционные элементы Мадрида. Фердинанд оказался вынужденным пожертвовать Амарильясом.

Отставка военного министра несколько успокоила страсти. Правительство не замедлило воспользоваться этим. Новый военный министр передал Риэго повторное настойчивое приглашение короля явиться в Мадрид.

Роспуск армии Леона оставит революцию беззащитной. Но отказ подчиниться королевскому распоряжению о расформировании армии неизбежно приведет к военному столкновению, к междоусобию.

На открытое возмущение теперь, после торжества конституции, Риэго идти не хотел. После долгих колебаний он решил выехать в Мадрид и там всеми доступными средствами бороться с пагубными намерениями правительства.

* * *

Желая избежать в пути шумных встреч и оваций, Риэго ехал в столицу под вымышленным именем.

В скромной мадридской гостинице он сменил штатское платье на генеральский мундир и, закутавшись в плащ, отправился с тремя своими адъютантами во дворец.

Рафаэль был сильно взволнован. В юные годы Фердинанд жил в его воображении, окруженный ореолом. Не так легко отказаться от идеалов молодости... Именем Фердинанда с четырнадцатого года творились чудовищные беззакония, пролито много невинной крови. Но виноват ли в этом он, именно он?..

Риэго пожал плечами: как, однако, сильны в испанском офицере монархические чувства! Он бросил шедшему рядом с ним Сан-Мигелю:

— А знаешь, Эваристо, Испании грозит большая опасность... Король разрешит сохранить революционную армию, а ее глава из признательности станет раболепным королевским слугою!

Шутка не очень понравилась Сан-Мигелю. Он пренебрежительно шмыгнул длинным носом:

— Если бы это зависело от твоего красноречия, разрешение не заставило бы себя ждать. Но уж поверь: быть тебе и после аудиенции нераскаянным радикалом!

Гофмейстер ввел Риэго в круглую, отделанную янтарем залу. Фердинанд поднялся из-за письменного стола и пошел навстречу.

— Наконец-то, сеньор Риэго! Добро пожаловать!.. Боже мой, сколько усилий стоило залучить вас к себе! Поверите ли, я каждый день изливал перед министрами мое восхищение доном Рафаэлем Риэго, знакомым мне лишь понаслышке... Они слали одно приглашение за другим, а вы все не жаловали. Знаете, дорогой сеньор, я готов принять это за недоброжелательство ко мне! Я догадываюсь: вас восстановили против меня. Признайтесь, ведь это так?

Риэго пытался было вставить несколько протестующих слов, но они потонули в потоке королевского красноречия. Отбросив прочь церемонии, Фердинанд взял под руку своего подданного и, прохаживаясь взад и вперед, принялся «раскрывать перед ним душу»:

— Что ж, тут я бессилен... Видно, не только рядовые люди, но и герои целой нации не могут стать выше ходячего мнения. Но вы подумайте, каково

мне! Заняв трон предков, я стремился быть разумным и добрым королем. Мне приходилось и ошибаться, но ведь я слушался советников, богатых опытом!.. Увы! Люди не могут читать в сердцах... И со всех сторон только и слышится: «Деспот, тиран!» Вот и сеньор Риэго вел своих солдат против моих генералов, крича: «Долой тирана!»

Риэго воспользовался тем, что его царственный собеседник переводил дыхание:

— Ваше величество, никогда ни я и ни один из патриотов не посягали на священные права...

Но не было еще человека, который сумел бы заставить Фердинанда слушать себя. С присущей ему легкостью в мыслях он уже перескочил на другое:

— Ай, ай, дон Рафаэль, дон Рафаэль!.. Вы не пожелали угодить мне даже в малом!

Риэго недоумевал, почему король не сводит укоризненного взгляда с его плеча. Наконец Фердинанд пропищал патетическим фальцетом:

— Генерал Риэго, где ваши аксельбанты королевского адъютанта?

— Государь, общее решение офицеров...

— Полноте, полноте! Генерал Риэго, я мог бы приказать, как высший ваш начальник. Но забудем об этом. Я настаиваю на аксельбантах... Я прошу вас, во имя наших будущих добрых отношений: при следующем же визите во дворец... завтра же быть в форме моего военного помощника. Повторяю: прошу во имя добрых отношений!

Риэго отвесил глубокий поклон:

— Повинуюсь вашему величеству!.. Вы напомнили мне, государь... На августейшее ваше, верховного главнокомандующего, рассмотрение Армия наблюдения решила представить вопрос о ее существовании.

— Но ведь он решен моим недавним приказом!

— Ваше величество было введено в заблуждение...

— Вопрос разрешался совместно с министерством.

— Государь, я не дипломат и не политик... Позвольте мне со всей откровенностью солдата, без оби-

няков, изложить вам мнение армии по поводу этого злосчастного приказа.

— Злосчастного?! Прекрасно... Но прежде прошу вас, генерал, отдать должное этим прелестным виргинским сигарильям!

Фердинанд обнял Риэго за талию, подвел к глубокому креслу у своего стола и сам расположился напротив.

— Итак?

— Общее мнение испанцев приписывало все беды страны не вам, государь, а камарилье.

— Ка-ма-ри-лье?! Подумайте...

— Окружавшим вас, государь, людям. А вот теперь конституционные министры убедили ваше величество расформировать южные войска... Бывшие узники абсолютизма поступают как злейшие враги свободы! Мы в армии не можем без негодования говорить об этом старике—Аргуэльесе... Пребывание в тюрьме, должно быть, притупило его разум. Ему бы украшать своей особой сады Прадо! Но почему этот выживший из ума человек распоряжается судьбами нации?

Фердинанда корчило от сдерживаемого смеха. При последних словах он разразился хохотом:

— О, господи! Выживший из ума старик пусть с палочкой ковыляет по Прадо... Ха-ха-ха!.. Прекрасно, сеньор Риэго, очаровательно! Вот-то порадую сегодня дона Агустина![1] Ведь это голос армии, сделавшей революцию... Ха-ха-ха!..

Рафаэль насторожился. Он почувствовал в словах короля злобную радость от представившегося случая «стравить обе своры».

— Армия наблюдения подробно высказала в своем адресе вашему величеству мотивы, по каким ее упразднение опасно, гибельно для страны и еще не окрепшего политического режима! Все — офицеры и солдаты — убеждены, что интересы вашего величества, интересы династии неразрывно связаны с конституционным образом правления.

---

[1] Агустина Аргуэльеса.

— Благодарю... От души благодарю! Как приятно сознавать, что армия правильно оценивает положение!

— Если это так, государь, то одно ваше слово избавит тысячи патриотов от состояния неуверенности и тревоги, в котором они пребывают вот уже месяц. Выкажите себя, государь, другом новой Испании! Благоволите отменить произвольное решение, подсказанное вашему величеству злонамеренными или неспособными советниками.

— Увы! То, что предлагает мне генерал Риэго, было бы величайшим нарушением закона. Величайшим! Конституционный король обязан согласовать все дела со своими министрами, не так ли?.. Поэтому постарайтесь убедить министров. Все теперь зависит от вашего свидания с Аргуэльесом и его коллегами. Добейтесь пересмотра решения сегодня же! Я отпускаю вас, генерал, до завтра и буду ждать вас с добрыми вестями.

* * *

В тот же вечер, 31 августа, Риэго был приглашен на заседание срочно созванного кабинета.

Семь министров сидели с замкнутыми, нахмуренными лицами, в то время как Риэго, не стесняясь в выражениях, изливал накопившийся в нем гнев:

— Армия не желала подобных порядков, и она не допустит их и в дальнейшем! Я спрашиваю вас от ее имени, почему до сих пор на свободе Фрейре, О'Доннель, Кампана? Почему вы медлите с судом над Элио? Апостолическая хунта через своих агентов открыто призывает в деревнях к герилье против конституционного режима... Вам со всех сторон указывают на виновных. Но до сих пор не наказан ни один из этих бандитов! Как можете вы управлять страной, если повсюду в провинциях старые чиновники препятствуют осуществлению установленных вами же законов? Тысячи молодых патриотов не могут получить должности, потому что все места заняты тунеядцами и враждебными революции людьми. Армия самым решительным образом осуждает эти

вопиющие непорядки! Она недовольна также медлительностью кортесов. Время тратится на парадные речи. Вот уже два месяца, как начались парламентские заседания, а еще не рассмотрен ни один из основных законов. И при таких обстоятельствах вы убеждаете короля расформировать Армию наблюдения!

Аргуэльес резко оборвал говорившего:

— Королевский указ о роспуске не подлежит ни обсуждению, ни пересмотру!

Риэго повысил голос:

— Но сегодня его величество сказал мне, что он желал бы нового обсуждения в министерстве!

Тут вскочил Мануэль Герререс — министр, наиболее благосклонный к восторженным и их вождю. Он подошел к Риэго. Послышался взволнованный шепот:

— Это непостижимо! Черт знает, что такое!.. Так можно поступать, только преследуя темные цели... Вы должны знать, генерал, что не только министерство, но и король... понимаете — король!.. взявший на себя почин в этом деле, не желает пересмотра. Не далее как сегодня он повторил это дону Агустину... Если во дворце вам говорили другое, то это свидетельствует о... (последовала красноречивая пауза) о величайшей забывчивости государя!

— Сеньоры конституционные министры! — раздраженно заговорил Риэго. — Моя популярность в народе тревожит многих. Видимо, я являюсь помехой и для вас... Что ж, я готов оставить армию, уйти из общественной жизни, поселиться в глухой деревне или даже вовсе покинуть Испанию. Но сделаю это при одном лишь условии: если вы отмените указ о роспуске Армии наблюдения! Наша сделка...

Законник Аргуэльес не мог спустить подобной дерзости:

— Генерал, в вашем воображении здесь ведут переговоры две равные стороны. Только так можно объяснить вашу неловкую фразу. Сделка!.. О какой сделке может быть речь между советом королевских министров и генералом армии?! Отношения между

нами ясны: вы должны беспрекословно подчиняться приказам правительства. К этому вас обязывает не только воинская дисциплина, но и долг патриота! Огромные услуги, оказанные вами Испании, лишь усугубляют эту простую истину... Мы просим вас немедля выехать в Галисию и занять ваш новый почетный пост! Что касается Армии наблюдения, то ни его величество, ни кабинет министров не имеют оснований отказаться от раз принятого решения. После королевского указа эта армия должна рассматриваться как уже несуществующая, находящаяся в состоянии расформирования.

— Сеньоры министры, вы не оставляете мне выбора! Отныне всеми доступными мне средствами я буду противиться не только этому указу, но и всей вашей политике. Я обращусь к кортесам, армии, наконец, к главному судье между мною и вами — народу!

* * *

Как ни старался Риэго скрыть от мадридцев свое пребывание в столице, весть о приезде героя Кабесаса быстро облетела город. И сразу же его окружило восторженное преклонение тех, кто хотел «двигать революцию».

Часами стояли мадридцы, ожидая его появления на улице. Как только Рафаэль показывался, толпа встречала его овацией, бежала за ним.

На другой день после свидания с министрами Риэго снова отправился во дворец. Провожавшая его народная свита запрудила дворцовую площадь.

Во время короткой второй аудиенции Фердинанду было не до притворства. С трудом скрывая мучивший его страх, он говорил раздраженно:

— Сеньор Риэго, вам надо поскорее направиться в Сантьяго.

— Но, государь, конституция оставляет за мною право апеллировать к кортесам!

Фердинанд подошел к окну и приоткрыл его. С площади ворвались возбужденные крики:

— Да здравствует Риэго! Смерть врагам героя!

Короля передернуло:

— Генерал, ваше дальнейшее пребывание в столице невозможно. Вы видите, как взбудоражена мадридская чернь!

Риэго различает лучше, чем накануне, подлинное настроение своего государя и не может отказать себе в полновесной реплике:

— На дворцовой площади, ваше величество, собрались родные братья тех, кто прогнал французов и затем покончил с деспотизмом!

Теперь слова Фердинанда дышали откровенной ненавистью:

— Вы заблуждаетесь, если рассчитываете второй раз преуспеть в неповиновении. Приказываю вам, генерал, покинуть Мадрид немедленно. Я располагаю достаточным выбором дисциплинарных мер, чтобы заставить выполнить свой долг даже тех, кому успех вскружил голову! Когда вы намерены отбыть в Галисию?

— После ближайшего заседания кортесов.

* * *

Из дворца Риэго направился на площадь Пуэрта дель Соль. Там его ждали друзья, чтобы принять участие в торжественном шествии, которое устраивали восторженные в честь национального героя.

Было бы неразумным уклоняться долее от таких народных празднеств. Только в народе революция могла найти себе опору и защиту.

По пути Рафаэль поделился с Сан-Мигелем своими чувствами:

— Ты, Эваристо, хорошо предвидел! Из королевских покоев я ухожу отнюдь не раболепным поклонником нашего Фернандо... И знаешь, что мне приходит на мысль: так ли уж плоха была бы испанская республика?

— Тс-с, Рафаэль!.. Для политика золотое правило — не говорить всего, что думаешь. Подумай, как испанский мужик благоговеет перед Желанным! Наша республика, не успев родиться, повиснет на

крестьянских вилах... И не забывай о Священном союзе! Не для того император Александр осчастливил Францию Бурбонами, чтобы терпеть республику у нас!

После триумфального шествия по улицам столицы клуб «Золотой ручей» устроил банкет в честь народного любимца. В огромном зале собрались политические вожди и ораторы, вся радикальная молодежь. Среди общего радостного возбуждения провозглашен был тост за Героя, Свободу и Конституцию. Лились страстные речи. Раздавались призывы положить конец происка реакции — вывести народ на улицу и добиться отставки «семи спящих красавиц».

* * *

«Общество авторов театра Принца имеет честь предоставить в распоряжение бессмертного Рафаэля Риэго ложу номер пять своего театра на спектакль «Энрике III», который состоится сегодня, 1 сентября 1820 года. От имени общества — автор *Антонио Гонсалес*».

Мадридцы заполнили театр задолго до начала представления. Публика галерей и стоячих мест нетерпеливо ждет прихода вождя.

И вот оглушительный плеск ладоней, крики приветствий, сливающиеся в общий гул и рев, потрясли старые стены: в ложе появился Риэго. Полетели в воздух цветы, шляпы, мантильи.

Зал стоя поет «Гимн Риэго».

Кажется, что энтузиазм собравшихся уже иссяк. Но на галерее снова затягивают слова гимна, и зал опять дрожит от восторженных криков.

Политический начальник Мадрида, получивший от правительства строгие инструкции, тщетно пытается прекратить овации. Скрепя сердце он принимает решение... Все видят, как он зашел в ложу номер пять и просит Риэго призвать публику к спокойствию. Ставленник правительства как бы сознается в своем бессилии.

Риэго взмахнул рукой — и зал мгновенно стих.

Спектакль прошел без инцидентов. Но как только занавес упал в последний раз, волнение снова охватило собравшихся. Еще раз слова гимна смешались с восторженными возгласами. Мадридцы не хотели расходиться.

«Пора переходить в атаку!.. — решил Риэго. — Начнем-ка, по доброму армейскому обычаю, песней!»

Он подошел к барьеру и жестом попросил тишины. Зал замер в ожидании речи. Но из уст Риэго полилась задорная, острая песня:

Пусть ты не хочешь —
Но мы ее жаждем:
Нам конституция
Счастье дала!
Жри ее, жри ее,
Лопай, собака!

Эй, толстопузый,
Холоп презренный!
Ты ненавидишь
Закон твоих братьев:
Ведь обратил он
В горечь и слезы
Сладкие яства
И развлеченья.

Пусть ты не хочешь —
Но мы ее жаждем:
Нам конституция
Счастье дала!
Жри ее, жри ее,
Лопай, собака!

Вопишь ты, что песня
Тебя оскорбляет?
Но она ранит
Лишь раболепных!
Жить пока будут
Эти канальи,
Петь нашу песню
Не перестанем!

Простой мелодии после второго куплета подпевали уже все. Веселый смех, аплодисменты, и снова, и снова: «Трàгала, трàгала, трàгала, перро!»[1]

[1] Буквальный смысл: «Глотай ее, глотай ее, глотай ее, собака!»

«В вихре танца» (Г. Доре)

«Деревенские пастухи» (Г. Доре).

Блюститель политического благочиния ввел в зал солдат и опять бросился к Риэго:

— Требую, генерал, немедленно прекратите это безобразие! И прошу вас покинуть театр!

Риэго презрительно пожал плечами:

— Сеньор немного опоздал...

С этими словами он направился к выходу.

Несмотря на поздний час, на улицах начались манифестации. Во всех концах Мадрида звучала Трáгала.

С этого дня Трáгала, испанская Карманьола[1], стала дразнить раболепных и толстопузых, как красная тряпка приводит в бешенство быка на мадридской арене.

* * *

Народные демонстрации в столице становились все многолюднее. Мадридцы требовали сохранения Армии наблюдения и ее командования.

Почти непрерывно заседал совет министров. Не было ночи, чтобы гарнизон не оставался под ружьем.

По городу ходили слухи о заговорах крайних либералов. Риэго приписывали намерение арестовать правительство, разогнать кортесы, переизбрать их и провозгласить республику. Говорили, что группа заговорщиков готовилась проникнуть во дворец, чтобы завладеть королем.

В создании атмосферы постоянной тревоги чувствовалась опытная направляющая рука. Фердинанд уже давно усвоил немудреную тактику провокации. Платные агенты короля пробрались во все кружки радикальной молодежи.

Опасаясь усиления революционного брожения, первый министр требовал немедленного отъезда Риэго в Галисию.

Тут вмешался Фердинанд. Новый королевский приказ отменял назначение Риэго капитан-генера-

[1] Карманьола — народная песня Великой французской буржуазной революции конца XVIII века.

лом Галисии и предписывал Риэго, «принимая во внимание несомненные доказательства его мятежных попыток», немедленно покинуть столицу и до особого распоряжения отправиться в Овьедо, на службу в тамошнем гарнизоне.

* * *

Риэго вынужден был срочно выехать в Овьедо. Но он оставил у своих единомышленников обращение к кортесам, которое и было оглашено на заседании 5 сентября. Все письмо состояло из доводов в пользу сохранения Армии наблюдения. О личных обидах Риэго умолчал.

Но о них напомнили кортесам его сторонники. Депутат Акунья предлагал потребовать от правительства объяснения, почему оно прибегло к образу действий, оскорбительному для вождя революции. Его поддержал Ромеро Альпуэнте: необходимо заставить министров дать парламенту отчет о мотивах роспуска южной армии.

Слово взял Флорес Эстрада:

— Парламент не может взирать безразлично на то, как враги нашей свободы поносят гражданина, столь много сделавшего для ее торжества! Последнее распоряжение короля, ссылающее генерала Риэго в Овьедо, — это неслыханное оскорбление герою и вызов всем сторонникам революции!

Главарь умеренных Мартинес де ла Роса возражал политическим друзьям Риэго:

— Мы все здесь воздаем почет заслугам генерала Риэго. Но это, увы, не дает нам права изъять его из-под действия обязательного для всех закона. Конституция предоставила королю и правительству исключительное право управления военными силами. Поэтому роспуск южной армии, а также отставку Риэго следует рассматривать как действия, вполне законные.

Левые либералы составляли в парламенте лишь незначительное меньшинство. Большинство кортесов согласилось с де ла Росой.

VI

ДЕЛА ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ

Пока длилась схватка между коалицией и Наполеоном, самодержавные монархи не скупились на обещания своим подданным.

Но после того как народы Европы повергли в прах наполеоновскую империю, государи «божьей милостью» снова почувствовали себя прочно на своих тронах. Не насаждать народоправство собирались они отныне, а всеми доступными им мерами укреплять самодержавие, корчевать все побеги, пущенные в Европе идеями Французской революции.

Этим главным образом и следует объяснить повышенный интерес государей Священного союза к захолустному испанскому королевству. Фердинанд был первым из свергнутых Наполеоном королей, который получил обратно свой трон. И он же первый в Европе стал крушить здание народоправства, уничтожать все ростки гражданских свобод.

Как далеко можно безнаказанно пойти по этому пути? Допустит ли восстановление абсолютизма народ, уже вкусивший политической свободы? Наблюдая за «опытным полем» абсолютизма в Испании, монархи Священного союза в своем собственном политическом курсе вдохновлялись испанским примером.

* * *

Казалось, Европа уснула под удушающим покровом реакции.

Но вот в начале 1820 года разразилась революция в Испании. Самодержцы Европы некоторое время утешали себя тем, что эта революция — явление местное, другим монархам не угрожающее.

Однако уже через полгода пример Риэго нашел подражателей. Неаполитанцы, сбросив гнет самодержавия, ввели у себя испанскую конституцию 1812 го-

да. Через месяц возмутились против своего короля португальцы. В конце 1820 года во Франции вспыхнуло движение карбонариев.

Даже в императорской России появились грозные признаки народного недовольства. В октябре 1820 года произошли волнения в Семеновском полку. И прокламации, найденные в казармах этого полка, прославляли доблесть «гишпанцев», сбросивших с себя иго самодержавия.

Эти несомненные признаки пробуждения демократических устремлений заставили государей Священного союза, жандармов Европы, принять меры для «наведения порядка». В конце 1820 года в городе Троппау собрались монархи России, Австрии и Пруссии и послы ряда западных королевств. Однако подавить испанскую революцию военной силой Священный союз пока еще не решался.

На последовавшем затем конгрессе в Лайбахе австрийскому императору даны были полномочия «упразднить военной силой» конституционную систему в Неаполе. В марте 1821 года австрийская армия вторглась в Неаполь и восстановила там самодержавие.

Но в дни, когда солдаты австрийского императора усаживали на трон привезенного в обозе неаполитанского короля Фердинанда, восстали карбонарии Пьемонта и провозгласили у себя конституцию Кадиса.

Интервенция в Испании стала неизбежной. «Испанская революция, — заявлял Александр I, — может быть уничтожена лишь военной силой... Именно для борьбы с революциями и был основан наш Союз... Монархам должно быть дозволено заключать союзы для того, чтобы защищаться против тайных обществ».

Через иностранных послов Фердинанд VII хорошо знал о планах Священного союза и направлял все свои интриги на то, чтобы ускорить его вооруженное вмешательство в испанские дела.

Намерения европейской реакции не составляли тайны и для вождей либералов. Однако внутренне слабое испанское либеральное движение не было в состоянии пойти на единственно действенную, неотлож-

ную меру защиты революции — не могло покончить с королем Фердинандом и с монархией.

Потоки пламенных речей не рождали дела.

* * *

О слабости испанского либерального движения судить можно лучше всего, если сопоставить его с якобинской революцией во Франции.

Якобинцы убрали с исторического пути своей родины выродившуюся династию, экономически и политически слабая испанская буржуазия и ее идеологи-либералы робко остановились у ступеней трона.

Французская революция и особенно питавшие ее идеи просветительного движения совершили величайший переворот в сознании народа, показав ему подлинное лицо католической церкви. Кадисская же конституция санкционировала «единую истинную религию, католическую, апостолическую, римскую».

Наконец революция во Франции дала землю крестьянам и, таким образом, связала их неразрывно со своей судьбой. Испанские либералы, бывшие выразителями интересов части помещиков и тех слоев городской буржуазии, которые владели землей, не пошли дальше отмены феодальных привилегий и прав сеньоров. Поэтому-то крестьянство и оказалось впоследствии легкой добычей контрреволюции.

Отсюда проистекало последнее и главное отличие испанской революции от революции во Франции. Тогда как французская революция была мощным, неудержимым движением вперед целой нации, революция в Испании захватила преимущественно лишь городское население.

* * *

Прошло девять лет с того времени, как учредительные кортесы в Кадисе провозгласили отмену сеньоральных повинностей. Принятый депутатами закон не был проведен в жизнь, но глубокое впечатление, произведенное им на народные массы, еще не изгладилось.

С момента созыва кортесов 1820 года крестьяне с нетерпением ждали, что даст им новая конституционная власть.

Первая сессия кортесов открылась 9 июля 1820 года. А уже через два дня депутат Альмеро Альпуэнте выступил с речью, в которой горячо настаивал на немедленном подтверждении закона 1812 года и об отмене сеньоральных прав. Этот представитель городской демократии потребовал отмены и самого права сеньоров на владение землей. В кортесах разгорелись жаркие прения. Гаско, другой представитель демократии, предложил уничтожить церковную десятину и снизить взимаемые с крестьян государственные налоги. Гаско выражал сомнение в том, что крестьянина удовлетворят такие отвлеченные блага, как конституция, свобода, правопорядок, если ему по-прежнему нечем будет утолить свой голод.

Альпуэнте требовал отмены всех крестьянских налогов и повинностей. «Прямые и косвенные налоги, — заявлял он, — отнимают у крестьянина не только весь его доход, но даже и насущный хлеб. Они высасывают всю кровь. Мы не можем и не должны ничего требовать от крестьянина. Что может дать тот, кто ничего не имеет? А почему эти несчастные ничего не имеют? Потому, что другие имеют всё! Эти важные господа, эти гранды — вот кто завладел всем! И пока эти узурпаторы не вернут захваченного, мы не должны ничего требовать у народа. Испанский народ подобен вьючному животному, нагруженному так, что оно не в силах подняться с земли».

Много таких же речей лилось с трибуны кортесов. Слова эти доходили до народа, будили в нем уверенность, что наконец-то будет уничтожен вековой помещичий гнет.

К концу 1820 года испанское крестьянство пришло в движение. Во многих местах крестьяне отказывались вносить деньги по повинностям сеньору, прекращали уплату церковной десятины. Кое-где пошли и дальше — приступили к разделу помещичьих земель и накопленных в поместьях запасов: зерна, вина, оливкового масла, бараньих туш. В Авиле крестьяне

нарезали себе наделы из нераспаханных земель крупнейшего землевладельца страны герцога Медина Сели. Во многих провинциях, особенно в Валенсии и Мурсии, крестьяне делили между собой выпасы и не тронутую плугом целину. Депутат Лопес говорил в кортесах об этом движении крестьян: «Множество деревень не только отказалось платить повинности сеньорам, но и завладело их землями, пастбищами, лесами... Крестьяне отказываются платить арендную плату, обращают землю в свою собственность».

Вопли дворян, требовавших присылки военной силы для охраны их поместий, всполошили правительство. Министр внутренних дел Аргуэльес, не колеблясь, принялся за «наведение порядка». Мятежных крестьян согнали с помещичьих земель, «законным» владельцам возвратили их скот и продукты. Зачинщики самовольного дележа были строго наказаны.

Карательные меры, к которым прибегло либеральное правительство, ошеломили крестьян. Значит, пока что ничего не изменилось в Испании. Речи речами, а сеньор как был, так и остался безраздельным хозяином земли и всего, что добыто трудом арендатора и батрака.

И все же в эту пору, в середине 1821 года, крестьяне еще не теряли надежды на то, что кортесы принесут освобождение от помещичьей кабалы и дадут им и землю. В народе еще не чувствовалось равнодушия к новой конституционной власти и уж подавно не было к ней враждебности. Народ ждал!

И вот долгожданное свершилось — 7 июня 1821 года кортесы приняли закон об отмене сеньоральных прав. Все крестьянство Испании всколыхнулось. Со всех концов страны деревенские общины посылали в кортесы благодарственные адреса и письма.

Закон заключал в себе чрезвычайно важный пункт: каждый землевладелец обязан был письменными актами доказать свое право на владение землей. Если бы этот закон вошел в силу, многие дворянские угодья стали бы бесхозяйными. Едва ли пятая часть помещиков-дворян могла бы представить такие документы: ведь почти все дворянские земельные

владения были в свое время приобретены путем самочинного захвата.

Кто же получал право собственности на такие земли? Государство? Обрабатывающие их крестьяне? На столь важный вопрос закон не давал ответа. И в этом заключалось его несовершенство.

Закон от 7 июня 1821 года был решающим рубежом в развитии революции. Лидеры либералов сознавали всю жизненную его важность для упрочения конституционного режима в стране. Если удастся перешагнуть через этот рубеж — покончить с сеньоральными привилегиями, — крестьяне станут верным оплотом конституционного порядка. Тогда никакие нашептывания деревенских падре, никакие призывы контрреволюционных банд «воинов веры», которыми кишели горы Испании, не смогут более прельстить крестьян. Но купцы и ремесленники, адвокаты и офицеры, составлявшие главную опору либерального лагеря, не отдавали себе отчета в самом главном: в необходимости без промедления и наиболее полно утолить земельный голод крестьянства.

Согласно конституции 1812 года закон 7 июня, как и всякий другой закон, подлежал санкции короля.

Прошло восемь долгих месяцев, прежде чем законопроект вернулся из дворца в кортесы. Фердинанд отказался подписать его, наложил на него свое вето.

Уже неоднократно восторженные сталкивались со злобным упрямством короля. Они хорошо знали, какими средствами можно побудить Фердинанда выполнить волю народа. Не раз народные манифестации принуждали трусливого монарха к покорности. Но в этот решающий час левые либералы не прибегли к активным действиям. Все ограничивалось гневными речами в кортесах и в клубах, резкими статьями в левых газетах. Закон, от которого зависела судьба революции, застрял в парламентской процедуре. Либералы не то чтобы прямо предали революцию, а с удивительной беспечностью оставили ее на произвол судьбы.

В отличие от французской революционной буржуазии, депутатов якобинского Конвента 1793/94 года, испанские либералы оказались в аграрном вопро-

се поразительно недальновидными. Такое отсутствие политической прозорливости у тех, кто стоял во главе движения, осуждало революцию двадцатого года на неминуемую гибель.

Именно с этого времени, то есть после отклонения королем законопроекта от 7 июня, крестьяне потеряли веру в то, что конституционная власть даст им землю. Но вместо того чтобы обратить свой гнев на короля и его феодально-аристократическое окружение, большинство крестьян, находившееся в плену монархических иллюзий, стало винить во всем сторонников конституции. Контрреволюционное духовенство усиленно разжигало недовольство крестьян новыми порядками, запугивало их надвигавшейся войной, твердило о грядущем возмездии тем, кто будет поддерживать «черных» (то есть либералов).

* * *

К середине 1821 года в масонском движении Испании произошло событие большой важности. Недовольные политикой вожаков масонские низы — мастеровые, ремесленники — вышли из лож и образовали новую массовую организацию комунеросов [1], вступившую в борьбу с масонами.

Теперь, в 1821 году, всякий, кто вступал в конфедерацию комунеросов, приносил клятву бороться за освобождение человечества, за неограниченную власть народа, давал обет защищать интересы испанцев от злоупотреблений со стороны короля, мстить каждому тирану. Талантливый трибун Ромеро Альпуэнте руководил всеми действиями этой политической организации, вобравшей в свои ряды до 70 тысяч человек, в том числе и женщин.

---

[1] Полное наименование этой организации «Конфедерация благородных комунеросов». Комунеросы — значит общинники.

В XVI веке комунеросами назывались повстанцы из городского люда, возмутившиеся против тяжелого феодального гнета. Они боролись за старинные права и вольности городов Испании. Это движение, жестоко подавленное Карлом I, возглавляли Падилья, городской староста Толедо, и жена его Пачеко.

Движение комунеросов выросло из политических и социальных устремлений неимущих масс населения Мадрида и нескольких других больших испанских городов, главным образом Барселоны, Валенсии и Севильи. Недовольные бездействием кортесов и правительства, комунеросы стремились к расширению рамок революционного движения, требовали от новых, конституционных властей защиты интересов городской бедноты от гнета сильных и богатых.

С самого начала движения комунеросов они стали добиваться свержения Фердинанда. В уличных демонстрациях демократические массы Мадрида бурно выражали свое недоверие коронованному лицемеру. В дальнейшем, по мере обострения политической борьбы, ненависть простого люда столицы к королю становилась все более ожесточенной. Однако комунеросы никогда, ни на одном этапе революции не проявили себя как сознательные противники монархии, как последовательные республиканцы. Сидящий на троне Бурбон, говорили они, плох, его надо сменить, но Испания как была, так и должна остаться монархией. Идея народовластия, республики, рожденная Великой французской революцией, пугала даже эту политическую группу, опиравшуюся на неимущий люд испанских городов.

Почти одновременно с организацией комунеросов возникло и движение безрубашечников. Само название говорит о социальной направленности этой группы. Но в тесных рамках испанской революции это движение не получило развития и быстро заглохло.

VI

ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

В конце октября 1821 года кортесы приняли закон об упразднении монашеских орденов. В ответ церковники с невиданной дотоле дерзостью повели пропаганду среди крестьянства, всячески стараясь подбить

его на реакционный мятеж. Король отказался утвердить это парламентское решение, и между троном и правительством возник конфликт.

— Ваше величество поступит мудро, — сказал выведенный из себя Аргуэльес, — если откажется навсегда от противодействия кортесам. Этим вы избавите Испанию от новой революции. А ведь разъяренные и доведенные до крайности революционеры не пощадят и династии!

И на этот раз Фердинанд испугался, отступил. Он старательно соскоблил с парламентского акта свое размашистое «нет» и поставил сбоку «утверждаю».

Но этим дело не кончилось. Прикинувшись, будто он глубоко оскорблен оказанным на него давлением, Фердинанд отказался почтить своим присутствием торжественное, закрытие сессии кортесов, покинул Мадрид и заперся в Эскориале. Здесь, вдали от беспокойной столицы, он чувствовал себя увереннее. В уединении дворца-монастыря можно было наметить и кое-какие планы.

Попытаться пустить в ход гвардию?.. Хвала господу, Армии наблюдения более не существует! Если отдать пост капитан-генерала Кастилии своему, надежному человеку?..

И вот, совершенно неожиданно для правительства и для Постоянной депутации кортесов [1] появился королевский указ об отставке сторонника *либералов* генерала Вигодета и о назначении на пост капитан-генерала Кастилии реакционного генерала Карвахаля.

Министры вдруг прозрели: им стал ясен контрреволюционный замысел короля. Но на кого опереться в предстоящей борьбе?.. *Либералам* пришлось поневоле обратиться за помощью к народным клубам.

С трибун клубов, на перекрестках улиц снова начали раздаваться призывы к оружию, угрозы по адресу короля. Вожди восторженных заговорили о том, чтобы, подняв народ, отправиться за королем в Эскориал.

---

[1] Постоянная депутация кортесов — орган, осуществляющий во время парламентских каникул высшее наблюдение за конституционным порядком.

Фердинанд забил отбой — отменил назначение Карвахаля и поспешил вернуться в Мадрид.

Утром 21 ноября толпы разъяренных мадридцев поджидали Фердинанда за городскими воротами на эскориальской дороге. Король, королева и инфанты въехали в столицу под негодующие крики народа. Эта сцена напоминала вынужденный переезд Людовика XVI из Версаля в Париж в октябре 1789 года.

Вечером на дворцовой площади мадридцы танцевали, пели Трáгалу, провозглашали здравицы в честь Риэго.

Стали требовать выхода короля к народу. Когда Фердинанд показался на балконе, над морем голов подняли к нему мальчика, одетого в траур, — сына некогда казненного генерала-патриота Ласи:

— Вот мститель за своего отца!

— Скоро придет твой час, проклятый Бурбон!

— Смерть палачу!..

* * *

Вожди восторженных, оказавшие правительству поддержку в критическую для него минуту, предъявили теперь ряд требований, и первое из них — возвращение Риэго из ссылки. Аргуэльес предложил для изгнанника пост капитан-генерала Арагона. Одновременно Мина и многие другие восторженные получили назначения в военном командовании и в администрации.

Между обоими крылами либерального движения на короткое время воцарился мир.

Риэго пробыл в Сарагосе на посту капитан-генерала восемь месяцев — с января по сентябрь 1821 года. В этом своем почетном изгнании Рафаэль имел достаточно досуга, чтобы отдать себе ясный отчет в судьбе Испании и в собственной своей участи. Как и другие искренние революционеры среди либералов, он ясно видел, что дальнейшее развитие политической жизни в тех формах, какие установились после мартовского переворота, роковым образом приведет к новому торжеству абсолютизма. Король, высшее духовенство, крупные помещики Испании, действуя за-

одно с абсолютистскими государствами Европы, столкнут конституционный режим в пропасть.

Что же нужно делать, чтобы парализовать союз темных сил?

Велика была популярность Риэго в массах городского населения. Но эта любовь к герою революции пугала и раболепных и умеренных. Больше того, она рождала неприязнь к нему даже среди политических деятелей одного с ним лагеря.

Кирога, ставший депутатом кортесов, не останавливался перед клеветой, чтобы очернить своего недавнего соратника. Не отставал от него и весьма влиятельный в кортесах и среди масонов Алкала Галиано, при всяком удобном случае заявлявший об опасности для дела свободы чрезмерной славы «некоторых честолюбивых вождей».

Ненависть с одной стороны, зависть — с другой... Герой Кабесаса чувствовал, насколько ложно его положение: большая популярность без подлинного влияния. Риэго не мог оставаться безучастным при виде того, какая огромная опасность угрожает конституционному режиму. Нужно было избавить Испанию от Фердинанда и его окружения! Но как сломать многовековой трон, не подставив страну под удары Священного союза?

Казалось, судьба посылает испанским революционерам союзника. В 1821 году в Сарагосе укрывался от преследований полиции Людовика XVIII видный французский карбонарий Кюньо де Монтарло, автор грандиозных политических планов освобождения Европы от гнета Священного союза. Монтарло сделал шаги к сближению с капитан-генералом Риэго. Знакомство двух революционеров вскоре закрепилось их политическим единомыслием.

В тайном карбонарском кружке, созданном Монтарло, приняли участие и другие французские эмигранты-карбонарии, а также несколько ближайших друзей Риэго. Здесь зародилась мысль о создании федеративной испанской республики. Мнение большинства склонялось к тому, что следует сначала вызвать к жизни республиканское движение во Фран-

ции, а затем объединить силы французских карбонариев и восторженных Испании, чтобы одновременно покончить с монархией в обоих королевствах.

* * *

Планы сарагосских карбонариев зрели, однако, в недоброе время. В Испании стремительно нарастала реакция.

В начале марта Фердинанд уволил в отставку правительство Аргуэльеса и назначил новых министров во главе с крайне умеренным либералом Фелиу.

В отличие от Аргуэльеса, боровшегося на два фронта — против восторженных и против раболепных, Фелиу сосредоточил всю силу своих ударов на радикальном движении. Он сменил капитан-генерала Мадрида, назначив на этот важный пост вернувшегося из американских колоний генерала Морильо, а политическим начальником столицы сделал бригадира Сан-Мартина. Оба эти генерала были известны своими реакционными настроениями.

Особенно ненавистен был новому правительству капитан-генерал Галисии Мина, душа революционных обществ этой провинции. Когда Фелиу попытался сместить его, отважный герильер перешел к открытому неповиновению. Мину поддержали все воинские части Галисии.

Вспыхнули волнения и в богатейших провинциях Испании — Каталонии и Андалузии. Севилья и Кадис отказались подчиняться приказам «двуличного Фелиу» и прогнали прибывших к ним ставленников нового правительства. Патриоты Кадиса уже начали восстанавливать городские укрепления и мобилизовать верные конституции войска.

Отовсюду в кортесы поступали негодующие послания с требованием отставки Фелиу и остальных министров. Объединить силы, пойти на Мадрид, свергнуть реакционное правительство, разогнать бездеятельные кортесы, низложить Фердинанда — одним словом, «двинуть вперед революцию» — такова была программа недовольных.

Но революция, которая прошла мимо жизненных, кровных интересов подавляющей массы испанского народа, крестьянства, оказалась теперь перед грозной опасностью. Невежественные крестьяне, отравленные религиозным дурманом и слепо повинующиеся своим падре, собирались в вооруженные банды, творившие волю контрреволюционной Апостолической хунты.

Это апостолическое «воинство» начало борьбу «за короля и веру». Командовали им всякие проходимцы, которые разрешали своим солдатам безнаказанно грабить. Во многих местах к этому сброду присоединялись солдаты городских гарнизонов.

Апостолические банды стали блокировать города, и вскоре в крупнейших центрах начал ощущаться недостаток в продовольствии. Когда «солдаты веры» наталкивались на отряды конституционных войск, они применяли старые методы герильи — обращались в бегство, рассыпались по лесам, уходили в горы.

Мина, командовавший в Галисии значительной армией и опиравшийся на города своей провинции, не решился все же на одновременную борьбу и с апостолическими бандами и с властями Мадрида. Он вынужден был вскоре покинуть свой пост.

Неудача Мины поколебала андалузских патриотов. Революционеры столицы, скованные репрессиями, оставались пассивными свидетелями событий, не решаясь предпринять что-либо.

Так в треугольнике революционеры — правительство — реакция осенью 1821 года победа досталась правительству. Фелиу всюду смещал местные власти и назначал верных ему людей.

* * *

Архиепископ Сарагосский разъезжал по епархии, открыто призывая свою паству к контрреволюционному мятежу. Он распускал провокационный слух, будто капитан-генерал Риэго собирается взорвать собор богоматери дель Пилар — весьма чтимую верующими святыню. Риэго вынужден был без конца заглядывать в разные глухие углы Арагона, чтобы опровергать ложь князя церкви.

А в Мадриде уже решили заменить его угодным правительству человеком. 29 августа король предписал отставить Риэго как «чрезмерного либерала и демократа». Пост капитан-генерала Арагона получил Мореда — в прошлом сподвижник кровавого Элио.

Возвращаясь из очередной поездки по провинции, Риэго приближался со своим эскортом к Сарагосе. У городских ворот ему преградил дорогу начальник гарнизона. Офицер протянул Рафаэлю пакет:

— Генерал, я имею распоряжение не впускать вас в город!

Риэго прочел бумагу. Мореда сообщал генералу Риэго, что он смещен с поста и ему предписывается немедленно, не заезжая в Сарагосу, проследовать в Каталонию, в город Лериду.

Рафаэля возмутила оскорбительная форма отставки.

— Полковник, вам известно, что я капитан-генерал Арагона?

— Не может быть двух капитан-генералов! Этот пост занимает теперь генерал Мореда.

— Но знаете вы по крайней мере военный устав? Как сменяется командующий вооруженными силами провинции?

— Я знаю одно: я обязан повиноваться распоряжениям моего начальника.

Продолжать разговор бесполезно... Риэго оборачивается к спутникам и машет рукой:

— Войдем в город!

— Ни шагу дальше! Со мною рота солдат. Я не остановлюсь перед крайностью, если вы попытаетесь войти в город силой!

— Сабли наголо! — кричит взбешенный Риэго.

Но из ворот бегут солдаты с ружьями наперевес.

— Дон Рафаэль, будьте благоразумны. В Мадриде дела вашей партии безнадежны. Если я пристрелю вас, как куропатку, то получу за это награду от короля. Послушайтесь доброго совета, поворачивайте в Лериду.

* * *

«Достопочтенный сеньор! Военные и гражданские власти Лериды узнали, что ваше превосходительство по решению правительства должно прибыть в наш город. Спешим выказать вам со всей искренностью наше удовольствие по случаю предстоящего вашего приезда в Лериду. Мы увидим в стенах нашего города первого героя испанской свободы и национальной независимости, высокие и достойные дела которого будут бессмертны в истории. Чтобы дать вам публичное доказательство благодарности и преклонения, мы просим вас сообщить о дне и часе вашего приезда. Мы знаем, что ваше сердце полно горечи, и не можем остаться равнодушными к этому. Мы надеемся, что подготовляемая нами торжественная встреча, подсказанная искренним чувством, будет вам приятна. Заверяем вас, что у всех граждан Лериды вы найдете братский прием».

На это послание, датированное 6 сентября 1821 года, Риэго в тот же день ответил:

«Почтенные мои сограждане! Горькая чаша, которую заставляют меня испить вот уже второй раз, забыта мною благодаря прекрасным чувствам, высказанным вами. Я бесконечно вам признателен за проявление любви. Мне трудно передать в словах горячую благодарность, наполнившую мое сердце. Я прибуду в ваш славный город завтра между девятью и десятью часами утра. Впервые после долгого времени придется мне вступить на почву Каталонии, обитателей которой я люблю всей душой за беспримерную доблесть, выделяющую их среди прочих племен свободной Испании. *Рафаэль Риэго*».

Со всех концов Испании Риэго получал приветственные адреса: либеральная молодежь высказывала ему свое сочувствие. И это утешало изгнанника.

Но вторая ссылка Риэго, как и первая, была недолгой. В декабре по всей Испании происходили выборы в новые кортесы. Восторженным удалось провести многих своих кандидатов. Избранным оказался и Риэго.

Об этом Рафаэлю сообщила в начале декабря избирательная хунта его родной провинции Астурии. Теперь он мог вернуться в столицу и принять участие в политическом руководстве страной.

* * *

Кортесы открылись 1 марта 1822 года. Преобладающее влияние левых сказалось уже при выборе председателя. Несмотря на яростное противодействие нового правительства, возглавляемого правым либералом Мартинесом де ла Роса, депутаты избрали на этот почетный и ответственный пост Риэго.

Отвечая на тронную речь короля, новый председатель кортесов бросил в лицо Фердинанду:

— Кортесы покажут всей нации, что подлинное величие короля заключается в точном исполнении им законов!

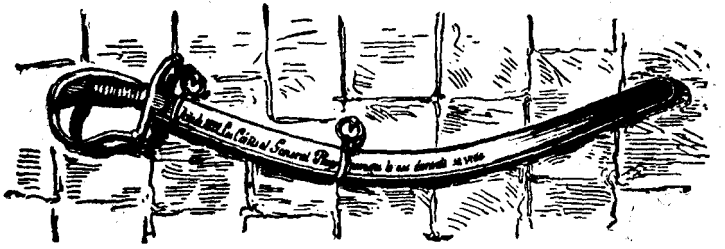
Вопреки заявленным королем отводам, Риэго добился избрания в парламентские комиссии лиц, способных отстаивать дело революции.

С первого же заседания чувствовалось резкое недовольство кортесов поведением двора. В кулуарах крайние депутаты стали поговаривать о том, что своевременно было бы использовать параграф конституции, позволяющий объявить короля находящимся в состоянии умственного расстройства и на этом основании установить до его выздоровления регентство.

На одном из заседаний депутаты с трибуны восхваляли мужество Мины и андалузцев, отказавшихся повиноваться реакционным ставленникам правительства. Де ла Роса пробовал было возражать. Он заговорил об опасности, угрожающей со стороны людей крайних принципов. Резкий звонок председателя оборвал первого министра:

— Уважаемый министр должен знать, что я, Рафаэль дель Риэго-и-Нуньес, президент кортесов, стою во главе людей, которых он изволит называть крайними!

Через несколько минут де ла Роса заговорил о священных прерогативах королевской власти. И снова зазвенел колокольчик председателя:



Почетная сабля, преподнесенная кортесами Риэго.

— Я прошу достопочтенного сеньора выбрать другое выражение. У конституционного короля нет прерогатив! Он имеет только обязанности.

Вся работа кортесов проходила теперь среди общего возбуждения, под знаком быстро надвигавшейся гражданской войны. Каждый день приносил тревожные новости. В Аранхуэсе взбунтовалась гвардейская часть. В Валенсии артиллерийский дивизион с криками: «Смерть конституции!», овладел цитаделью. Правительству с трудом удалось подавить оба контрреволюционных выступления.

Депутаты отовсюду получали сведения о подготовляемых королем и раболепными бунтах. 9 марта кортесы потребовали от правительства отчета. Казалось, что это заседание закончится свержением кабинета правых либералов. Однако левое крыло кортесов слишком понадеялось на свои силы. Де ла Роса ловко лавировал, всячески ублажал в своих речах депутатов центра. Обещаниями, лестью, игрой на интересах отдельных провинций он создал в кортесах группу «порядка и монархии», возобладавшую над восторженными.

Хозяином положения осталось правительство.

* * *

Юношей покинул Рафаэль отцовский дом ради борьбы за свободу родины. И с того времени он больше не принадлежал себе. Война, плен, снова

вооруженная борьба, водоворот политических событий...

Жизнь Риэго уже близилась к ее трагическому концу, когда он изведал радость глубокой и нежной привязанности. От того дня, когда Тереса переступила порог его дома, и до последней разлуки легло только пятнадцать месяцев — немногим больше года. Этим временем и отмерено личное счастье Риэго.

Рафаэль был старше своей племянницы Тересы дель Риэго на тринадцать лет. Когда молодой офицер впервые уходил с полком из Овьедо на театр войны, на шее у него повисла смуглая девочка с острыми коленками и неуклюжими руками. Насмешница Тересита на этот раз не смеялась — она залила весь мундир лейтенанта обильными слезами.

В 1814 году полковник Риэго, получивший назначение в экспедиционную армию, заехал в родной город. Здесь он встретил тихую, застенчивую девушку, бросавшую на него украдкой из-за густой завесы всегда опущенных ресниц взгляды, полные восхищения. Не верилось, что это все та же Тересита: девушка была стройна и грациозна, как астурийская яблоня. Рафаэль ловил себя на том, что весь интерес пребывания в родительском доме сосредоточился для него на шестнадцатилетней племяннице.

Бурные годы заставили забыть о приглянувшейся девушке. А во время изгнания из Мадрида на родину Рафаэль с новой силой испытал ее очарование. Между влюбленными произошло объяснение.

Но только через год, когда Риэго после избрания его в кортесы обосновался в столице, он решился, наконец, сделать Тересу подругой своей нелегкой жизни.

Рафаэль нашел для себя и жены покойный угол подальше от задыхающегося в июньском зное Мадрида. Их приютила деревушка Мирафлорес, лежащая на склоне сьерры.

После многочасового парламентского заседания Риэго отправлялся в горы верхом. Он отъезжал на несколько лиг, и столица — раскаленное пекло — пропадала внизу в бурном тумане. С высот тянуло свежестью.

Вдали показывалась Мирафлорес. На самом краю деревни стоял домик, увитый глициниями и усатыми виноградными лозами. На пороге ждала Тереса.

Рафаэль лазил по горам, собирал лаванду, учил Тересу ловить прыгающую в холодных струях форель. Он радовался давно забытой радостью детства, когда удавалось извлечь из-под камня сонного, лениво загребающего клешнями рака.

Душевный покой рождал уверенность в радостном будущем. Заглядывая в лицо молодой жены, Риэго отдавался мечтаниям — он видел перед собою долгие годы, полные трудов и успехов...

* * *

Король тайно совещается с преданными ему гвардейскими офицерами:

— Ближайшие к столице провинции оголены, остались без войск. Черные направили все свои силы в Наварру и Каталонию на подавление феотов[1]. Им перестали повиноваться и королевские карабинеры и Кордовский полк... У самых ворот Мадрида, в Сигуэнсе, восстал пехотный полк, а с ним и вся провинция. Мой план прост: четыре гвардейских батальона неожиданно для черных уйдут в Пардо, а два останутся здесь — охранять дворец. После этого я вызову к себе во дворец, будто для совещания, Морильо и Сан-Мартина, правительство и членов аюнтамиенто. Арестую их всех и оставлю здесь под охраной. Двух батальонов гвардии для этого хватит!.. Потом отправлюсь в Пардо и во главе четырех батальонов двинусь на Мадрид. Я уверен в успехе!

— Ваше величество, черные немедленно мобилизуют свою народную милицию.

— Вы справитесь с этим сбродом! Но если бы и произошло что-либо непредвиденное, наше дело послужит прекрасным поводом для вступления в Испанию французских войск. По моим сведениям, они уже

[1] Феоты — солдаты контрреволюционной «армии веры».

сосредоточены вдоль Пиренеев... Гвардейцы, я рассчитываю на вашу беззаветную преданность трону!

— Мы все готовы умереть за трон и веру!..

— Ваше величество может положиться на свою гвардию!

— И помните, сеньоры: когда захватите кортесы, не упустите этого Риэго!

* * *

Торжественное закрытие кортесов состоялось 30 июня. Депутаты и монарх расстались чрезвычайно холодно. Вызывающий вид Фердинанда предвещал недоброе. Кортесы давно опасались подвоха со стороны короля. А он злорадствовал, что переступает порог парламента в последний раз.

Когда Фердинанд усаживался в коляску, чтобы отбыть во дворец, враждебно настроенная толпа окружила королевский экипаж. Раздались оглушительные крики: «Да здравствует Риэго!»

И тут контрреволюционный нарыв прорвало раньше назначенного срока.

Под дробь барабана со штыками наперевес пикет гвардейцев набросился на ненавистных им черных.

Король поспешил уехать в сопровождении гвардейцев. На мостовой осталось несколько раненых.

Возмущенная толпа бросилась к дворцу. Рассвирепевшие гвардейцы стали стрелять в народ сквозь решетку дворцовой ограды.

Гвардейский лейтенант Ландабуру, известный своей приверженностью комунеросам, стал требовать, чтобы прекратили стрельбу по безоружным людям. Гвардейцы подняли его на штыки.

Все это видел Риэго — от кортесов к дворцу вела короткая прямая улица. Он подошел к артиллерийской батарее, расположенной у здания кортесов, и обратился к командовавшему ею офицеру:

— Лейтенант, надо послать несколько ядер во дворец!

— Кто вы такой, чтобы приказывать мне?

— Я — президент кортесов.

— В таком случае отправляйтесь в кортесы и распоряжайтесь там!..

И столичный гарнизон был ненадежен. Конституционный режим мог опереться лишь на народную милицию и на вооруженное население города.

Риэго стал действовать. Он мобилизовал стоявшие в городе части милиции, расставил по улицам патрули и потребовал срочно созвать аюнтамиенто.

Энергичные меры революционных властей как будто заставили бунтовщиков во дворце присмиреть. А глубокой ночью четыре гвардейских батальона покинули дворец и ушли в деревню Пардо, лежащую в двух лигах от столицы.

Как только капитан-генерал Мадрида Морильо узнал об этом, он бросился вдогонку за мятежными гвардейцами. Но напрасно пытался он образумить бунтовщиков. Никакие уговоры не действовали. Гвардейцам уже выдали для храбрости двойную порцию вина. Они вопили пьяными голосами:

— Да здравствует абсолютный король!

— Смерть конституции!

— Генерал, присоединяйтесь к нам!.. Будем вместе бить черных!

Риэго лихорадочно накапливал силы для отпора реакции, раздавал оружие членам клубов, добровольцам. Командование милицией он возложил на Эваристо Сан-Мигеля.

Между тем гвардейцы в Пардо, готовые к удару по Мадриду, с нетерпением ждали короля. Ждали несколько дней, но он все не приезжал.

А Фердинанд и не думал становиться во главе батальонов, которые он же сам подбил на мятеж. Ведь это было опасно! Ни жив ни мертв, король отсиживался теперь во внутренних покоях своего дворца.

В ночь с 6 на 7 июля потерявшие терпение батальоны гвардии двинулись из Пардо на Мадрид. Они прошли беспрепятственно до самого центра столицы — до площади Пуэрта дель Соль. Здесь их встретили отряды добровольцев и милиции.

Завязалось кровопролитное сражение. Со всех сторон к конституционалистам спешили подкрепления.

После двухчасового боя гвардейцы потерпели жестокое поражение. В поисках спасения они укрылись во дворце, превратившемся в осажденную крепость.

Одной из частей народной милиции, атаковавшей дворец, командовал Бальестерос. Фердинанд выслал к нему парламентера, прося прекратить огонь. Генерал ответил:

— Передайте королю, чтобы он немедленно отнял оружие у окружающих его бунтовщиков. Иначе штыки свободных испанцев пробьют себе путь до самой королевской спальни!

В азарте борьбы гвардейцы отказались вести далее начавшиеся было переговоры об их разоружении и сдаче. Сражение возобновилось с удвоенной яростью.

Положение осажденных вскоре стало безнадежным. Части из них удалось отчаянным броском прорваться сквозь кольцо осады. Они кинулись в сторону поля Каса дель Кампо. Здесь солдаты конституции настигли гвардейцев и дали им примерный урок. Поле густо покрылось телами убитых.

А тем временем вооруженные мадридцы с боем прошли за дворцовую ограду, пробились в самый дворец и уже поднимались, стреляя, по парадной лестнице. Еще минута — и король пал бы от руки возмущенного народа.

И тут случилось нечто, трудно понятное для нас, но весьма типичное для буржуазных революционеров начала прошлого века. Узнав об угрожавшей Фердинанду расправе, Риэго, сражавшийся на Каса дель Кампо, галопом помчался во дворец во главе конного отряда. Он поспел как раз вовремя, чтобы установить в дворцовых покоях тройную цепь своих людей и таким образом задержать нападающих.

— Граждане Мадрида, я не позволю посягнуть на жизнь короля!

Против воли Риэго мадридцы не пойдут...

Рафаэль с обнаженной шпагой устремляется в анфиладу пышных зал. В одной из них, куда он вбежал наугад, разыгрывается сцена, совсем уж лишенная царственного величия. Завидев страшного революцио-

нера, королева и дон Карлос с пронзительными воплями бросаются к портьерам, ища за ними спасения. А его величество, всхлипывая, старается заползти под низкое кресло.

— Государь, — кричит Риэго, отвернувшись от жалкого зрелища, — ваша жизнь вне опасности! — И бежит дальше.

Внутри дворцовой ограды еще бьются за короля кучки гвардейцев. На одном из балконов показывается Фердинанд. Он мечется, размахивает руками:

— Так их, так их! Бейте проклятых гвардейцев!.. Всех до одного!

* * *

Де ла Роса был уличен в попытке сговора с контрреволюционными мятежниками. Фердинанду пришлось уволить его в отставку и поручить формирование нового кабинета Лопес-Баньосу, одному из вождей восстания на острове Леон. Баньос взял себе портфель военного министра и привлек в правительство своих ближайших политических друзей. Первым министром нового кабинета стал Эвариcто Сан-Мигель, один из вождей восторженных.

Внутренний смысл этого события заключался в том, что радикальное крыло либералов, совершившее революцию 1820 года, получило, наконец, в свои руки кормило правления.

Первой заботой нового кабинета стало назначение своих единомышленников на важнейшие государственные посты. Это создало напряженные отношения между восторженными и комунеросами, также принимавшими активное участие в подавлении бунта гвардейцев. Особенно остро столкнулись интересы этих двух политических групп при распределении командных должностей в армии. Среди комунеросов было много видных военных.

Однако министры нового кабинета не захотели отдать в руки комунеросов ни одной дивизии.

Завладев государственным управлением, левые либералы освободились, наконец, от пут, наложенных

на революционную энергию народа тремя министерствами, следовавшими одно за другим, — министерствами Аргуэльеса, Фелиу, де ла Роса, состоявшими из представителей умеренно-либерального дворянства. Однако после отстранения от власти умеренных в левом крыле буржуазных революционеров не стало единства. Комунеросы-демократы, тесно связанные с городскими низами, требовали от Сан-Мигеля и его министров решительных действий, настаивали на необходимости наказать врагов народа, очистить органы гражданской власти и армию от явных и скрытых противников конституционного строя.

Но в этом жизненно важном для революции деле восторженные проявили себя как малодушные, мягкотелые либералы. Они упорно отвергали применение крутых мер, настойчиво повторяли, что убеждение — лучшее средство привлечь к себе сторонников даже из вражеского лагеря. «Надо, — твердили восторженные, — убеждать колеблющихся и противников в правоте конституционного дела».

Отсюда возник и затем все ширился конфликт в лагере левых либералов, пришедших к управлению страной летом 1821 года. Отбросив от власти умеренных, восторженные и комунеросы сразу же после этого вступили в острую политическую борьбу между собой. Этим не преминул воспользоваться лагерь контрреволюции.

Сила была, разумеется, на стороне «Правительства семи патриотов», как называли кабинет Сан-Мигеля. Но комунеросы все же добились того, что им поручили следствие по делу о мятеже 7 июля. Они арестовали вожаков раболепных и некоторых министров смещенного кабинета, а заодно и генералов Морильо, Сан-Мартина. Судьи начали строгое следствие и намеревались, в случае доказанности обвинения в измене, казнить виновных.

Восторженные вскоре увидели, как неосмотрительно поступили они, насколько опасно было для их политических интересов отдать в руки соперников такой мощный рычаг репрессий, как суд. Судьи-комунеросы уже собирались расследовать действия самого Сан-

Мигеля во время подавления мятежа. Недолго думая, правительство отстранило комунеросов от следствия, выпустило на свободу всех арестованных и ограничилось обвинением против офицеров гвардии.

В эти критические дни все усилия восторженных и комунеросов — этих единственных последовательных защитников революции — растрачивались во внутренней борьбе. Речи комунеросa Ромеро Альпуэнте в клубе памяти Ландабуру волновали Сан-Мигеля и его коллег, пожалуй, больше, чем начатое правительством Франции сосредоточение войск на пиренейской границе.

Своеобразно сложились отношения нового правительства с председателем кортесов Риэго. В народе и в клубах ежедневно повторяли, что «Риэго спас в июле революцию, которую сам он и сделал». Так оценивали испанцы заслуги Риэго. И это лишь усиливало зависть, терзавшую многих из старых его боевых товарищей. После июльской победы и прихода к власти Сан-Мигеля стало явно чувствоваться желание отстранить Риэго от важнейших государственных дел.

VIII

ИНТЕРВЕНЦИЯ

В конце 1822 года в итальянском городе Вероне собрался конгресс Священного союза. Созванный по инициативе императора Александра I и князя Меттерниха, конгресс имел целью организовать вооруженную интервенцию для восстановления абсолютизма в Испании. В соответствии с принципами, провозглашенными на конгрессе в Лайбахе и уже примененными для подавления революционных движений в Неаполе и в Пьемонте, собравшиеся в Вероне государи подписали 22 ноября 1822 года секретное соглашение: «Высокие договаривающиеся стороны» поручали Франции

вторгнуться своими вооруженными силами в Испанию и восстановить политический порядок, существовавший там до 9 марта 1820 года.

Глава французского кабинета граф Виллель, опасавшийся внутренних волнений, восстания французских карбонариев и либералов, долго сопротивлялся тому, чтобы подавление испанской революции вооруженной силой было возложено на Францию. Но интервенты не располагали достаточно сильным флотом, и вторжение в Испанию возможно было только со стороны Франции. Государи Священного союза оказали давление на Людовика XVIII и в конце концов заставили его подчиниться их решению.

Вскоре после закрытия Веронского конгресса французский король назначил министром иностранных дел поэта Шатобриана, ярого реакционера, глашатая военного похода на испанскую революцию. Этот последыш феодальной Франции оказался довольно ловким дипломатом. Втягивая свою страну в преступную войну с Испанией, он не только обманывал французский народ баснями о зверствах испанских революционеров, но и пытался провести участников Священного союза, преследуя втайне враждебные им цели.

В своих мемуарах Шатобриан пишет, что Франция, соглашаясь предпринять военный поход в Испанию, получала возможность усилить свою армию. А это открывало перспективу пересмотра французских границ, установленных в 1815 году Венским договором. «Грохот пушек на Бидассоа должен был отозваться на Рейне, сделать возможным освобождение Рейнской области из-под владычества Пруссии и вернуть ее под власть Франции». «Но мы не могли, — писал поэт-дипломат, — выбалтывать наши секреты с трибуны».

* * *

9 января 1823 года. У ворот здания кортесов теснится огромная толпа. Сегодня министры огласят перед депутатами ноты иностранных держав и ответ на них правительства Испании. Мадридцы еще до рассвета пришли сюда, оскорбленные вызывающим пове-

дением Священного союза и полные сознания великой опасности, надвигающейся на страну.

Когда Сан-Мигель взошел на трибуну, в зале воцарилась гробовая тишина. Он огласил одну за другою ноты России, Австрии, Пруссии и Франции. Четыре державы, угрожая разрывом дипломатических отношений, требовали отмены действующей в Испании конституции и возвращения королю самодержавной власти, отнятой у него военным восстанием. Нота испанского правительства, врученная французскому послу, давала достойную отповедь интервентам:

«...Правительство никогда не сомневалось насчет того, что учреждения, принятые испанцами свободно и по доброй их воле, причинят страх многим кабинетам Европы и станут предметом обсуждения Веронского конгресса. Но, уверенное в своих принципах, опираясь на свою решимость защищать современную политическую систему и национальную независимость любой ценою, оно спокойно ожидало результатов конгресса.

...Нет, отнюдь не военный мятеж установил новый государственный порядок в 1820 году. Храбрецы, восставшие на острове Леон, были лишь орудием общественного мнения и общих упований. Нет ничего удивительного в том, что новый порядок породил недовольных. Это — неизбежное следствие всякой реформы, которая исправляет вековые злоупотребления. Во всех странах и у всех наций всегда имеются люди, не могущие примириться с господством разума и правосудия. ...Армия, которую французское правительство держит на Пиренеях, не может успокоить беспорядки в Испании. Опыт доказал обратное: существование кордона питает безумные планы фанатиков, уверовавших в скорое иностранное вторжение на нашу территорию.

...Помощь, которую в данный момент французское правительство должно было бы оказать испанскому, заключается в отказе от всякой помощи. Роспуска армии на Пиренеях, удаления бунтовщиков, врагов Испании, укрывшихся во Франции, — вот чего требует право, уважаемое цивилизованными народами.

...Каковы бы ни были решения французского правительства в данных обстоятельствах, испанское правительство будет спокойно следовать своим путем. Постоянная приверженность конституции 1812 года, мир с другими народами, непризнание ни за кем права вмешательства — вот девиз и правило его поведения в настоящее время и впредь».

В Мадриде в тот же день начались бурные народные демонстрации против наглого вмешательства иностранных держав во внутренние испанские дела.

Послы держав Священного союза покинули Мадрид. Надвигалась война.

* * *

Испанские либералы, несмотря на мужественный ответ интервентам, не были готовы к вооруженному отпору. Точнее говоря, они не были к нему способны.

Внутреннее положение в стране осложнялось с каждым днем. Многие крестьяне уходили в отряды контрреволюции.

Осенью 1822 года капитан-генерал Каталонии Мина наголову разбил апостолические банды в этой провинции, овладел их оплотом — Кастельфульитом — и даже захватил Сео-де-Урхель — местопребывание контрреволюционного регентства, созданного абсолютистами для управления районами, в которых они хозяйничали. Разгромленные феоты перешли границу и укрылись под крылышко Франции.

Но победа Мины была лишь местным и кратковременным успехом. С начала 1823 года вся Испания снова кишела бандами. Через несколько дней после заседания кортесов, отвергшего ультиматум иностранных держав, и сама столица едва не стала добычей феотов. Их отряды соединились на Эбро под началом Бесьера, проходимца, перекинувшегося из тайных республиканских кружков в лагерь поповской контрреволюции. Бесьер двинулся со своими людьми на Мадрид. Он дошел до Гвадалахары, что в восьми лигах от столицы.

Правительство выслало против Бесьера значительные силы во главе с О'Дали, новым капитан-генера-

лом Мадрида. Но его отряд рассеялся после первого же выстрела.

Это было грозным предзнаменованием. Конституционная армия почти не имела ни талантливых, надежных руководителей, ни нужного снаряжения.

Пришлось отдать командование столичным гарнизоном хамелеону Лабисбалю. Лабисбаль остановил банды Бесьера у самого Мадрида, в Гаэте. Но, отогнав феотов, он не стал их преследовать и дал отступившим спокойно отойти в глубь Арагона. Видимо, этот генерал снова начинал ставить на две карты.

* * *

В конце января 1823 года на открытии французского парламента Людовик XVIII заявил о своем решении направить армию за Пиренеи «для освобождения возлюбленного нашего родственника католического короля Фердинанда VII».

В середине февраля испанское правительство сделало кортесам представление о том, что угрозы французского короля вынуждают его принять меры предосторожности, приготовиться к эвакуации столицы.

Всем стало ясно, что страна не готова к обороне. Некоторые депутаты открыто заявляли, что французам достаточно одной дивизии, чтобы дойти до Мадрида. Они жаловались на слабость армии, на недостаточное вооружение крепостей, на преступную беспечность военного министра и всего кабинета, не позаботившихся о своевременном снабжении армии ружьями, пушками и порохом.

Из наличных военных сил были сформированы две оперативные и две резервные полевые армии. Войска Каталонии с Миной во главе образовали первую оперативную армию. Бальестеросу отдали вторую армию, состоявшую из войск Сантандера, Старой Кастилии, Басконии, Наварры, Арагона и Валенсии. Первая резервная армия, включавшая войска мадридского района, отдана была под начальство Лабисбаля и, наконец, вторую резервную армию, созданную из войск Галисии, подчинили генералу Морильо.

И дислокация армий и выбор командующих были грубейшей стратегической и политической ошибкой правительства восторженных. Вторая армия растянулась поперек всего полуострова — от Валенсии до Бидассоа. Командующий лишен был возможности не только находиться в угрожаемых местах, но даже издали руководить операциями. Впоследствии, когда Бальестерос узнал, что французы перешли границу в районе Ируна, ему не оставалось ничего иного, как оттянуть войска, занимавшие приграничные провинции, и, оставив путь к Мадриду открытым, отойти к Валенсии.

Из четырех генералов, которым конституционное правительство доверило судьбы страны, по меньшей мере два — Лабисбаль и Морильо — были враждебны ее политическому режиму, и только Мина мог почитаться солдатом, верным до конца.

Из темных закулисных соображений к командованию не был привлечен Риэго. Он потребовал у правительства средств на формирование корпуса вольных стрелков, но Лопес-Баньос и Сан-Мигель ответили резким отказом.

В начале марта, когда французская армия еще стояла на границе, кортесы постановили эвакуировать двор, правительство и парламент далеко на юг, в Севилью.

Фердинанда, который со дня на день ожидал прихода французов, решение черных увезти его с собой привело в бешенство. Король представил кортесам свидетельства семи врачей о том, что он страдает подагрой, а его супруга — коликами, и эти тяжелые недуги делают для них путешествие невозможным.

Целую неделю шел торг между двором и парламентом. В конце концов решено было отложить эвакуацию до 20 марта. Эту дату подсказали Фердинанду его советники, уверявшие, что французские войска к тому времени как раз успеют вступить в Мадрид. Но интервенты заставили себя ждать. И королю пришлось отбыть из столицы вместе с черными.

VIII

ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Франция, наследница славной революции, Франция передовых идей, гуманизма и свободы, не хотела этой подлой войны. В ней громко звучали голоса протеста против готовящегося удушения испанской конституции.

— Вы хотите отдать Испанию на расправу инквизиции и иезуитам! — уличал правительство лидер либералов Манюэль.

Французские карбонарии и демократы надеялись вывести из повиновения войска, собранные для похода за Пиренеи. Популярный журналист Поль-Луи Курье обратился к солдатам с прокламацией:

«Солдаты! Вы идете восстановить в Испании старый режим и уничтожить революцию... И когда вы восстановите в этой стране старый режим, вас вернут сюда, чтобы вы и здесь сделали то же самое. А знаете ли вы, друзья, что такое старый режим? Для народа — это налоги, для солдат — черный хлеб и палки. Итак, палки и черный хлеб — вот что значит для вас старый режим! Вот что предстоит вам восстановить сначала там, а затем и у себя... И когда вы вернетесь из похода, вы получите все палочные удары, которые причитаются вам с 1789 года!»

7 апреля 1823 года племянник Людовика XVIII герцог Ангулемский приказал войскам перейти пограничную реку Бидассоа.

Карбонарий полковник Фавье с сотней преданных свободе людей пытался остановить солдат. Он обратился к ним с горячим призывом:

— Солдаты! Куда вы идете?.. В вашем авангарде идут капуцины и воры. Вами командуют эмигранты и изменники. Вы идете уничтожать свободу, которую ваши отцы добыли ценою крови!

Фавье протягивал солдатам герцога Ангулемского трехцветное знамя Французской революции:

— Отшвырните прочь вашу белую тряпку с бурбонскими лилиями! Возьмите знамя свободы и с ним поверните назад, против собственных угнетателей!

Но недаром 100-тысячная армия интервентов подвергалась долгой муштре и основательному отбору. Это была хорошо вышколенная ударная колонна абсолютизма. Несколько пушечных ядер положили конец карбонарской романтике. Интервенты вошли в Испанию.

И тотчас испанской свободе пришлось расплачиваться за бездарность и нерешительность ее вождей.

Державшие северную границу части Бальестероса стали поспешно отходить на юго-восток, к Арагону.

Морильо, стоявший в Галисии, увидев, куда ветер дует, поспешил продаться французам. Вскоре предал дело революции и Лабисбаль. Как только французы показались у Мадрида, он издал прокламацию с требованием установления нового правительства.

Крестьяне повсеместно встречали интервентов спокойно, а нередко и помогали им — ведь этого требовали пятьдесят тысяч падре и сто тысяч монахов. Поход превратился для войск герцога Ангулемского почти что в военную прогулку. Уже 23 мая, на сорок девятый день похода, интервенты заняли Мадрид.

Почему же они почти нигде не встретили сопротивления? Только после окончания испанской кампании французский премьер граф Виллель приподнял краешек завесы над секретом этих военных успехов французских интервентов. Из слов Виллеля явствовало, что можно воевать и золотыми пулями. Когда в палате депутатов министра настойчиво допрашивали о стоимости испанского похода, он сказал прямо:

— Я не хочу давать палате никакого отчета! Финансовая комиссия может принять это, как ей угодно... Она никогда не дознается до конца, чего это нам стоило!

Щадя подкупленных генералов испанской армии, премьер-министр оставил в тайне эту сторону военных подвигов «ста тысяч сыновей святого Людовика», как напыщенно именовали армию интервентов французские реакционеры.

* * *

Революция гибла. Либеральное правительство, глядевшее издалека, из Севильи, как расползается по швам его система обороны, приступило к формированию новой резервной армии под командованием Вилья Кампа для защиты последнего своего оплота — Андалузии.

К концу второго месяца войны французы заняли весь северо-запад и центр Испании.

Герцог Ангулемский учредил в Мадриде регентство, во главе которого поставил мракобеса герцога Инфантадо.

Снова, как и десять лет тому назад, по градам и весям Испании корчевали столбы с Досками Конституции, восстанавливали монастыри, охотились за либералами, устраивали вокруг костров изуверские шабаши.

Бальестерос состязался с французскими генералами в быстроте бега: кто раньше доберется до Андалузии?

И только мужественный Мина высоко держал в Каталонии врученное ему революцией знамя.

Со своей маленькой армией Мина не мог долго противостоять французам. Он перешел к партизанской борьбе, всеми тонкостями которой владел в совершенстве.

Шестинедельная кампания Мины против дивизий генералов Донадье и Кюриаля — чудо предусмотрительности, находчивости и решимости. Герилья прежних лет, когда крестьяне были на его стороне и каждый пастух становился гостеприимным хозяином и помощником, канула в вечность. Мина понял это и сумел переменить тактику. Он нашел средства, как принудить крестьян предоставлять ему приют, снабжать продовольствием и — что важнее всего — не выдавать его передвижений неприятелю.

Мина сумел заставить крестьян говорить французам то, в чем он хотел их уверить. Прием его был прост: он появлялся внезапно в местности, которую покинул накануне и где после него уже успел побывать враг. И тогда горе тем, кто предал его!.. Парти-

заны Мины способны были делать по десяти лиг, чтобы наказать изменников. И ни одна каталонская деревня не решалась помогать французам.

Так, держа в железной руке население деревень и опираясь на дружественные демократические слои Барселоны, Таррагоны, Жероны и других городов, Мина приковал к Каталонии 20 тысяч солдат маршала Монсея.

Но все это оказалось бесполезным, ибо Мина был почти одинок в своем сопротивлении врагу.

А министры-восторженные даже в эти грозные дни не хотели сбросить с себя путы лояльности в отношении короля, которыми связывала их конституция, и растрачивали свой небольшой запас энергии на игру в бирюльки — на юридические толкования прав суверена.

В начале июня в Севилью пришло известие о том, что французские войска перевалили через Сьерру-Морену и вступили в Андалузию. Резервная армия Вилья Кампа рассыпалась — ее как бы не существовало.

11 июня собрались кортесы и потребовали от правительства доклада о положении на театре войны. Министры чистосердечно сознались, что ничего не могут поведать ни о численности французских дивизий, ни о направлении их марша. Во всяком случае, Севилья в опасности. Нужно эвакуировать кортесы, правительство и двор на остров Леон, в Кадис. Остров уже дважды устоял. Можно надеяться, что и теперь Леон окажется неприступным.

Кортесы вынесли решение о немедленном переезде в Кадис. Но король категорически отказывался двинуться в путь: он рассчитывал на восстание абсолютистов в Севилье.

— Моя совесть и любовь к подданным не позволяют мне покинуть этот город! — заявил Фердинанд пришедшей к нему делегации кортесов.

Узнав о таком ответе, правительство растерялось. Что тут делать?

Выход из тупика нашел хитроумный Алкала Галиано. Он внес в кортесы законопроект, гласивший: «При-

нимая во внимание отказ его величества поставить в безопасность его царственную особу, а также его семью, кортесы объявляют, что настал момент рассматривать его величество в состоянии умственного расстройства, как это предусмотрено статьей 187 конституции 1812 года. Поэтому будет учреждено временное регентство, которое будет обладать исполнительной властью только на время переезда».

Кортесы приняли предложение. Тут же назначили регентство.

12 июня Фердинанд вынужден был со всей семьей покинуть Севилью. А 15 июня регентство сложило свои полномочия, и короля снова водворили на трон.

Так, уже находясь на краю гибели, испанские либералы сумели сохранить монархию, лишив Фердинанда разума и престола «лишь на четыре дня».

* * *

Кирога пришел к Риэго с особым заданием от нового военного министра генерала Сальвадора. Но он сделал вид, будто случайно заглянул к старому товарищу по оружию.

— Здравствуй, Рафаэль! Вот мы и снова в Кадисе! Три года тому назад мы отсюда открыли Испании путь к свободе...

— А теперь вот сидим сложа руки в ожидании победы наших генералов!.. Да только нам ее не дождаться... Я случайно натолкнулся на вопиющие факты. Калатрава и Аргуэльес втайне разрабатывают нечто вроде капитуляции. Но я ничего не могу предпринять против изменников, я бессилен.

— Да, я тоже слыхал об этом. Видно, дела наши совсем уж плохи...

— Они действительно плохи. И прежде всего потому, что плохи люди, которым эти дела доверены.

Риэго подошел к окну и показал вдаль:

— Вспомни, Антонио, нас была здесь горсть против целой армии. И мы побеждали!

— Что ж нужно делать?! Скажи, ты ведь президент кортесов. После короля ты первый человек в Испании!

Риэго горько усмехнулся:

— Ты знаешь так же хорошо, как и я, почему «первый после короля человек» лишен всякого влияния. Министры доверяют мне не больше, чем ты!

— Что касается меня, — счел нужным запротестовать Кирога, — ты напрасно...

— Тебе же известно — я потребовал две тысячи человек, чтобы пройти рейдом по Андалузии, и мне отказали! Возмутительно и смешно: всем вам не дает спать моя злосчастная слава!

— Что ж, ты правильно понимаешь свое положение, Риэго... Позволь дать тебе совет: я слышал, что донья Тереса готовится к отъезду в Гибралтар с твоим братом. Оставь и ты эту безнадежную возню и отправляйся вместе с ними в Лондон.

Риэго зашагал по комнате. Жилы на лбу его вздулись.

— При всей твоей неприязни ко мне я не думал, Кирога, что ты способен на... на такую подлость. В отношении боевого товарища!.. Чтобы удалить меня таким путем из Кадиса... И вы посмели рассчитывать на мое согласие! Одна мысль об этом способна довести меня до крайности. Нет ли у тебя, честный Кирога, иных предложений для меня?

— Есть, есть...

— Тогда говори поскорей и уходи. Но берегись: есть оскорбления, которых не потерпит и былая дружба.

— Ты можешь покрыть себя новой славой...

— Прошу без лирических прикрас!

— Говоря кратко, тебе предлагают быть начальником штаба армии Бальестероса. Ты будешь и наблюдать за ним.

— Недурно придумано, черт побери! Славную фигуру буду я представлять собой под началом человека деспотичного, как великий визирь! Вам ведь прекрасно известно, что дон Франсиско со мною не в лучших отношениях...

— Отвечай, Риэго: ты принимаешь предложение?
Напряженное молчание. Риэго разводит руками:
— Что ж, принимаю...

* * *

Маленькая барка проскользнула мимо французских передовых судов, блокировавших Кадис, прошла незамеченной Гибралтарский пролив и 17 августа бросила якорь в порту Малаги.

Командующий гарнизоном Малаги генерал Саяс уже вел переговоры о сдаче города французам. Риэго арестовал Саяса и отправил его морем в Кадис. Так же поступил он и с настоятелями четырех мужских монастырей, монахи которых призывали народ к восстанию и к истреблению черных. На женские монастыри он наложил контрибуцию в тысячу реалов с каждой монахини. С города был взыскан налог в два миллиона реалов для покрытия военных расходов.

Прибытие Риэго внушило бодрость тем, кто был сторонником новой Испании, кто хотел защищать ее.

Генерал Риэго обратился с воззванием к солдатам гарнизона Малаги:

«...Боевые друзья! Мы победим наших врагов и будем существовать свободными людьми или же подпадем под их власть и станем влачить нашу жизнь опозоренными, закованными в цепи. Что касается меня, я никогда не перестану быть испанцем и буду неизменно сражаться рядом с испанцами! Вы всегда сможете видеть своего командира, вашего боевого товарища, разделяющим как успехи и славу, так и все лишения мужественных бойцов, выполняющих свой долг. Но я сумею наказать твердой рукою малодушных, трусов, бесчестных — всех, кто будет вредить славе и свободе отечества. Да здравствует конституция и доблестные ее защитники! Да здравствует конституционный король! Ваш боевой товарищ и генерал *Рафаэль Риэго*».

Риэго задался большой целью: начать из Малаги восстановление армии, дезорганизованной предательством генералов. Батальон за батальоном, полк за

полком собрать войско в кулак и создать угрозу в тылу французов, осаждающих Кадис.

О деятельности Риэго в Малаге скоро узнал противник. Чтобы раздавить зарождающийся на юге новый центр сопротивления, французский штаб сформировал сводный франко-испанский корпус в 12 тысяч человек. Одна из дивизий, под командованием абсолютистского генерала Хуана Каро, выступила против Малаги со стороны Ронды. С востока, от Альмерии, двигалась дивизия генерала Боннемена. С юго-запада грозил генерал Ловердо. Враг был в пять раз сильнее конституционалистов.

* * *

Снова, как три года тому назад, Риэго пришлось пережить в Малаге тяжелые дни.

Его достигла весть, что 31 августа на фортах Трокадеро, господствующих над Кадисом, поднято французское знамя. Значит, дни Кадиса уже сочтены...

Почти одновременно с этим он узнал о капитуляции Бальестероса. Оттесненный графом Молитором к Гранаде, Бальестерос отправил парламентеров к французам. Ценой признания мадридского регентства он сохранил за собой командование капитулировавшей армией. Генералу было предписано оставаться с его войсками на месте и ждать дальнейших распоряжений штаба герцога Ангулемского.

Кругом царит измена... Конституционная Испания рассыпается в прах! Не безумие ли противиться неизбежному, оставаться в горящем здании, готовом каждую минуту рухнуть и погрести под собой неосторожных?.. Тереса шлет из Гибралтара через верных людей умоляющие письма. Она взывает, просит во имя их любви присоединиться к ней и прекратить ее муки. Одна ночь пути на паруснике — и он будет в кругу родных людей, вне опасности...

Но при одной лишь мысли о бегстве волна протеста поднимается из глубины сердца. Бросить на поругание врагу все, чему отдавал с юных лет свои помыслы и надежды, — свободу Испании?.. Нет, это не для

него! Он не уйдет от борьбы, не может уйти! Он выполнит свой долг перед родиной до конца!

Еще не все потеряно. Разве в Каталонии не бьется Мина? А Эмпесинадо и Веласко тревожат захваченные врагом Севилью и Мадрид...

Риэго изменил свой план: он пробьется к расположению капитулировавших войск Бальестероса и призовет их снова взяться за оружие. Может быть, удастся пробудить чувство чести и в доне Франсиско... Во всяком случае, с ним или без него, со всей его армией или только с частью ее — двинуться дальше на северо-восток, в Каталонию, на соединение с Миной!

* * *

С 4 тысячами солдат Риэго выступил 3 сентября из Малаги. Немедленно после его ухода генерал Порас, оставленный комендантом города, начал переговоры с французами и на другой день сдал Малагу генералу Ловердо.

Риэго пошел вдоль берега Средиземного моря на Восток. Но навстречу ему из Мотриля уже спешил Боннемен. Открытым оставался только путь через нагорье Альпухаррас.

Труднодоступными перевалами, обходя пропасти этой суровой сьерры, Рафаэль повел свой отряд на север. Он рассчитывал, перевалив через горный массив, достигнуть Приэго, у которого стояли полки Бальестероса.

Граф Молитор, командовавший французскими силами на юге Испании, приказал генералу Ловердо немедленно оставить Малагу и бросить подчиненные ему войска на преследование Риэго. В то же время Боннемен с пятью батальонами пехоты и тремя кавалерийскими полками должен был попытаться перерезать Риэго дорогу, выдвинувшись к Алькала-ла-Реаль.

Маскируя свое движение маршами и контрмаршами, не прекращая похода и ночью, патриоты в течение нескольких дней ускользали от преследователей и постепенно приближались к лагерю капитулировавших войск.

8 сентября Риэго удалось переправить своих людей через набухший от дождей Хениль. Тут их настигла и атаковала французская кавалерия — правда, без большого для нее успеха. Дав несколько арьергардных боев, испанцы оторвались от врага и скрылись в неприступных нагорьях Альпухаррас.

О движении Риэго стало известно Бальестеросу, и тот решил на всякий случай выслать навстречу отряду две бригады. В Приэго при штабе остался один лишь полк.

На рассвете 10 сентября у передовых постов лагеря капитулировавшей армии внезапно показался Риэго во главе своих батальонов. Не зная его намерений, Бальестерос приказал стрелкам открыть огонь. Рафаэль поднял над головой белый платок.

— Дон Франсиско, прекратите стрельбу! Прошу начать переговоры.

Бальестерос решил, что Риэго хочет сдаться французам и пришел просить его посредничества. Командующие сошлись посреди двух линий солдат, ставших на небольшом расстоянии фронтом одна к другой.

Разговор между генералами только что начался, как вдруг бойцы Риэго по его знаку стали бросать шапки в воздух и с криками «Союз! Да здравствует Риэго! Да здравствует Бальестерос! Да здравствует конституция!» побежали, держа ружья прикладами вверх, к солдатам Бальестероса.

Линии смешались, началось братание. Сам Бальестерос оказался в объятиях Риэго. Двух генералов тесным кольцом окружили офицеры-конституционалисты.

Как будто все идет гладко... Но Бальестерос, захваченный врасплох неожиданным поворотом событий, говорит более откровенно, чем сам того хотел бы. И Рафаэлю становится ясным, что дон Франсиско зашел слишком далеко в своих отношениях с врагом и от соглашения с французами не откажется.

При таких обстоятельствах пришлось действовать решительно. Офицеры Рафаэля, как было условлено заранее, арестовали и тотчас увели Бальестероса.

Наступил решающий момент.

— Солдаты, товарищи мои и братья! — обратился Риэго к войску. — Я прибыл к вам из Кадиса от наших конституционных кортесов. Изменивших генералов я покараю и поведу вас в бой за...

Но ему не дали договорить. Со всех сторон несутся крики:

— Долой войну!..

— Освободите дона Франсиско!

— К дьяволу черных!

Риэго надрывается:

— Солдаты! Я взываю к вашей...

Но уже осмелели офицеры-капитулянты:

— Это подлый предатель! Он взял нашего командующего обманом!

К Риэго подбегает генерал Балансат:

— Сейчас же освободите дона Франсиско, или я прикажу стрелять!

Риэго готов был дать бой. Но тут вернувшиеся разведчики донесли, что две бригады Бальестероса возвращаются в лагерь. С часу на час могли нагрянуть и французы. Надо было поскорей уходить.

Форсированным маршем уводил Риэго своих людей. Ни один офицер, ни один солдат из корпуса Бальестероса не последовал за ним. Более того, почти вся его кавалерия осталась с изменниками.

По пятам за отступающими гнался Боннемен. А от Кордовы на них устремился генерал Фуассак-Латур.

К вечеру 12 сентября Риэго с двумя с половиной тысячами солдат занял Хаэн и попытался спешно укрепить его для защиты. Уже назавтра туда подошла дивизия Боннемена. Французы взяли город под жестокий артиллерийский обстрел.

Пришлось выступить из Хаэна и дать бой.

Воодушевляемые примером вождя, батальоны мужественно дрались за каждую пядь земли, обильно поливая ее своей кровью. Но враг имел подавляющий перевес в числе и был несравненно лучше вооружен. К Боннемену подоспел Шуазель. Яростными атаками неприятель протаранил линию пехоты Риэго и зашел ей во фланг.

Конституционалисты побежали. Откатываясь с позиции на позицию, цепляясь за скалы, за каждый природный рубеж, устилая путь трупами, солдаты Риэго достигли Манча-Реаля и укрылись в нем.

На улицах города завязался кровопролитный четырнадцатичасовой бой. Люди дрались с мужеством отчаяния — так, как умеют драться испанцы. Штыковые атаки следовали одна за другой непрерывно. Раненный в руку Риэго сражался в первой линии своих бойцов.

Когда он отдал приказ об отступлении, на улицах Манча-Реаля лежало 500 человек убитых и тяжело раненных его солдат.

Риэго повел своих людей к Ходару, в сторону Сьерры-Морены, в расчете пробиться к Картахене и оттуда морем достигнуть Каталонии, чтобы соединиться с Миной. Но Фуассак-Латур бросил наперерез ему д'Аргу с тремя эскадронами егерей и тремя ротами гвардейской пехоты.

Д'Аргу оставил в тылу свою артиллерию и налегке ночным маршем примчался на рассвете 14 сентября к Ходару. Здесь уже стоял в боевом порядке отряд Риэго — полторы тысячи пехотинцев и 300 всадников.

Рафаэль построил своих бойцов в два каре. Одно из них в завязавшемся бою потерпело тяжелое поражение, второе же отступило в порядке.

И тут закончилось сопротивление солдат конституции. Совершенно истощенные трехдневными боями с врагом, в десять раз более многочисленным, люди не выдержали выпавшего на их долю испытания, рассыпались в разные стороны.

Риэго с тремя преданными ему офицерами ускакал от гнавшихся за ним французских егерей.

* * *

Андалузская осень уже раскинула свой пестрый наряд по склонам гор. Кругом все дышит покоем и миром.

Затерянный в холмах хутор. Пожилой крестьянин возится у колодца. Этому, пожалуй, можно довериться...

Риэго спрыгнул с коня.

— Друг, — обратился он к крестьянину, — ты можешь хорошо заработать... Мы щедро заплатим! Проводи нас только до Каролины.

Такие посулы за столь малую услугу показались крестьянину подозрительными. Уж не разбойники ли?.. А может, это сам предводитель смутьянов, что бродит тут в горах... этот проклятый Риэго?

Он отказался наотрез.

Риэго наводит пистолет:

— Иди вперед, веди нас! И берегись... Предателю не будет пощады!

Крестьянин как будто передумал:

— Дадите сто реалов — пожалуй, проведу.

— Получишь двести. Только чтоб поскорей! Да устрой нам ночлег на сегодня.

Проводник предложил всадникам следовать за ним и вскоре подвел их к уединенной усадьбе.

На пороге дома стоял хозяин, радушно встретивший прибывших. Это был брат проводника.

Когда поужинали, Рафаэль вспомнил о своей лошади, разделявшей с ним с самой Малаги все тяготы похода. Он вышел к ней во двор. Конь еле жевал. В пути он потерял подкову и захромал на одну ногу.

Стали устраиваться на ночь. Рафаэля не тревожили никакие подозрения. Но один из его спутников, англичанин Джордж Меттиас, сражавшийся в рядах конституционалистов, счел необходимым принять меры предосторожности. Он запер вход в дом и спрятал ключ.

Ночь прошла спокойно. Утром Рафаэль сказал проводнику, что нужно подковать коня.

— Сеньор, я отведу его в кузницу.

— Нет, приведи уж лучше кузнеца сюда.

Проводник ушел, предварительно шепнув брату, чтобы тот глядел в оба и не упустил богатую добычу.

Беглецы уселись за завтрак. Англичанин не сводил глаз с окна, предчувствуя недоброе.

— Генерал, — вскочил вдруг Меттиас, — мы пропали! Сюда идут вооруженные люди...

Распахнулась дверь. В дом ворвались крестьяне с ружьями:

— Первый, кто шелохнется, получит пулю!

— Друзья, — закричал англичанин, — мы окружены!.. Весь двор полон врагов!

Риэго выступил вперед, опустил шпагу:

— Мы ваши пленники.

* * *

Когда 30 французских гусар отвозили Риэго и его товарищей в Андухар, им с большим трудом удавалось сдерживать натиск враждебной толпы. Остервенелая, натравливаемая попами, она набрасывалась на Риэго, как стая кровожадных волков.

В Андухаре пленник сказал начальнику конвоя, показывая на бесновавшихся людей:

— Этот полный злобы народ удавил бы меня, если бы не было ваших гусар. А ведь только в прошлом году здесь, в Андухаре, меня носили на руках... Дома были празднично иллюминованы, и под моими окнами не смолкали приветственные крики...

Шесть дней — с 15 по 21 сентября — Риэго оставался в андухарской тюрьме. Затем французский комендант получил предписание передать его испанским властям для дальнейшего препровождения в Мадрид.

Весть о пленении вождя революции быстро облетела всю Испанию. Эмпесинадо с отрядом партизан устремился к Андухару, чтобы отбить Риэго. За шесть дней он прошел пятьдесят лиг! Он ворвался в город с боем. Но слишком поздно: еще накануне под охраной целого полка Риэго отправили в железной клетке в Мадрид.

* * *

20 сентября французские войска захватили замок Санти-Петри на самом острове Леон. Дисциплина в рядах конституционных войск катастрофически падала. Через семь дней на острове взбунтовался ба-

тальон гренадер. Можно было опасаться беспорядков и в других воинских частях.

Руководившие обороной генералы пришли к выводу, что положение безнадежно. Правительство сообщило об этом кортесам.

Несмотря на протесты левых, большинство депутатов подало свои голоса за предложение правительства передать короля французам.

Отъезд Фердинанда был назначен на 1 октября. Накануне он милостиво согласился подписать следующее обращение к народу.

«Испанцы, первая забота короля заключается в том, чтобы обеспечить счастье своих подданных. Я спешу успокоить страхи тех, кто может опасаться воцарения тирании. Соединенный с народом, я вместе с ним испытал до конца превратности войны, но закон необходимости заставляет положить ей конец. В этих тяжелых обстоятельствах только мой властный голос сможет устранить месть и преследования. Только справедливое и мудрое управление сможет объединить волю всех, и только мое присутствие в лагере неприятеля сможет рассеять ужасы, грозящие этому острову. Я решил выехать отсюда завтра. Но прежде чем я сделаю это, я хочу огласить чувства моего сердца, обнародовав следующую декларацию.

1. Объявляю от моей несвязанной, свободной воли, обещаю, клянусь верой и заверяю моим королевским словом, что, если необходимость и потребует изменения уже существующих политических учреждений, я установлю правительство, которое даст полное счастье нации, обеспечит личную неприкосновенность и гражданскую свободу испанцев.

2. Я решил установить общее забвение, полное и совершенное, всего прошлого, без всякого исключения, чтобы, таким образом, воцарились между испанцами мир, покой, доверие и единство, которых так жаждет мое отеческое сердце...

Кадис, 30 сентября. *Я король*».

Фердинанд ни минуты не сомневался в том, что все эти обещания и обязательства не стоят и той

бумаги, на которой они написаны. Свою подлинную волю он проявит через несколько дней, когда снова станет королем «божьей милостью».

Фердинанд покинул Кадис в богато разукрашенной лодке, провожаемый приветствиями горожан, депутатов и министров. На противоположной стороне, в Пуэрто-де-Санта-Мария, его ждали герцог Ангулемский, Инфантадо, пестрая толпа прелатов и грандов. Здесь был и Бальестерос, поспешивший к Кадису, чтобы лично поздравить Фердинанда с освобождением.

И первое, что соизволил изречь восстановленный в своих неограниченных правах испанский самодержец, было:

— Если я в чем-нибудь повинен, то только в том, что не повесил в 1814 году четверти всех испанцев!

На другой день после оглашения кадисской декларации абсолютный король «осчастливил» своих подданных новым декретом. Он объявил «недействительными и лишенными всякой силы все акты правительства, именуемого конституционным и управлявшего моим народом с 9 марта 1820 года по 1 октября 1823 года».

Когда Фердинанд приготовился к отъезду в Мадрид, глава регентства герцог Инфантадо издал такой циркуляр:

«Король, наш повелитель, изъявил желание, чтобы во время его переезда в столицу на его пути не находилось бы на расстоянии пяти лиг ни одного лица, которое в течение конституционного периода было депутатом кортесов, либо министром, либо государственным советником, членом высшего суда, командующим, генералом, политическим начальником, чиновником министерства. Этим лицам запрещается навсегда появление в столице или в королевских резиденциях, от которых они обязаны держаться на расстоянии в пятнадцать лиг».

«Желанный» ничему не научился и ничего не забыл.

IX

СМЕРТЬ РИЭГО

Дорога от Андухара до Мадрида — тяжкий, мучительный путь. Двенадцать дней катит по нагорьям, долинам и степям Испании железная клетка, влекомая мулами. Кончилась Андалузия, началась Манча-Реаль. А за нею Кастилия.

В деревнях и городах монахи науськивают на пленника толпу изуверов, и она потешается. Когда Рафаэль никнет к железным прутьям своей подвижной тюрьмы, удары палок, уколы ножей обжигают его лоб, глаза, уши. Стражи только тогда отгоняют толпу, когда появляется опасность, что заключенного не удастся довезти живым.

Риэго тяжело болен. В воспаленном мозгу мечутся, вытесняя друг друга, лихорадочные видения... Жестокие бои, речи перед народом... Когда огненный диск, катящийся по небосводу, уходит за край земли и поднимается вечерний ветер, Рафаэлю чудится, что Тереса веером обвевает его горячую голову. Страдалец наслаждается прохладой, посылаемой нежною рукой...

В пять часов утра 2 октября Риэго привезли в Мадрид. Его сдали графу Торре-Альта, наспех приспособившему для заключения опасного мятежника Дворянскую семинарию.

Все прилегающие к семинарии улицы заняты войсками. Конные патрули не позволяют никому приблизиться к тюрьме.

Граф — знаток своего дела. Искусство пытки, телесной и душевной, у него в крови — оно унаследовано от предка-инквизитора. Граф приказал забить досками окно комнаты, в которую заключили Рафаэля. Только на самом верху оставлена маленькая отдушина. В ней — клочок неба.

На ногах узника кандалы, вокруг пояса железный обруч. Кандалы и обруч прикреплены короткими цепями к железному кольцу, вмурованному в стену.

Две недели Риэго мечется в бреду жестокой горячки. Но милостивая смерть не хочет вспомнить о нем. Торре-Альта приказал докторам сделать все, чтобы заключенный не ускользнул из рук палача. И Риэго поправляется.

27 октября он уже в силах предстать перед королевским судом.

Прокурор оглашает обвинительное заключение — документ, насквозь пронизанный лицемерием, ложью и чудовищной клеветой на народного героя.

«...Если бы судьи, которым поручено расследование действий преступного Риэго, вздумали перечислить все злодеяния, заполняющие его жизнь, им не хватило бы для этого многих дней. Учитывая, однако, что дело должно быть рассмотрено без отлагательства, до прибытия в столицу его величества, прокурор ограничивается ужаснейшим и отвратительнейшим из всех его преступлений — государственной изменой...

...Бесчестный Риэго использовал малодушие солдат, предназначенных для усмирения Америки, он забыл обязанности, связанные с его положением, и провозгласил конституцию, уничтожившую священнейшие права его суверена, разрушившую основы монархии, наших нравов, обычаев и нашей святой религии. Это он попрал ногами священнейшие обязательства, нарушил присягу, данную им при вступлении в славную военную семью, под знамена короля, его повелителя. Наконец оный Риэго не только выпустил пресловутую прокламацию, но, став во главе разнузданных солдат, осквернил испанскую землю, когда силой оружия принудил жителей принимать участие в предательстве и клятвопреступлении. Он смещал учрежденные законом власти и на их место устанавливал власти конституционные, состоявшие из мятежников и смутьянов. Этим-то он и заслужил себе имя «героя Кабесаса».

...Он принудил короля, нашего владыку, принять эту достойную проклятия конституцию, источник стольких несчастий Испании. На балконах и открытых площадях он выступал с мятежными речами, стремясь доставить победу зловредной конституционной системе.

...Прокурор основывает свое обвинение на злодеяниях, которые этот государственный изменник учинил, как депутат кортесов, когда голосовал за насильственное препровождение короля и королевской семьи в Кадис, против воли его величества, возмущенно отказывавшегося подчиниться подобному требованию. Он применил насилие и угрозы и так далеко зашел в своей дерзости, что лишил короля даже той видимости власти, которую за ним еще оставил до тех пор переворот. Это преступление не имеет себе подобного в летописях испанского народа.

...Все это указывает ясно на наличие посягательства на права его величества — преступление, которое наши законы карают смертью. Мы уличаем таким образом дона Рафаэля дель Риэго в ужасном злодеянии».

Заканчивая свою гнусную речь, прокурор требовал, чтобы Риэго «был приговорен к смерти, чтобы его имущество подверглось конфискации, чтобы голова его была выставлена в Лас-Кабесасе, а тело его четвертовано, и одна часть была выставлена в Севилье, другая — на острове Леон, третья — в Малаге, четвертая — в Мадриде, на указанных для этого местах».

Суд вынес Риэго смертный приговор. Судебный приговор был передан на королевское утверждение. Фердинанд заменил четвертование повешением.

* * *

Среди ночи 4 ноября Риэго был переведен из здания семинарии в тюрьму де ла Корте. А на другой день в полдень ему сообщили приговор.

Риэго принял известие о близкой смерти спокойно.

Зачем ему жить теперь? И как жить?

Тереса и Мигель вне опасности. Отец и мать умерли давно — судьба избавила их от этого горя.

После ухода судебного пристава Рафаэль лег на каменные плиты и потянулся к середине камеры, насколько позволила короткая цепь. Голова пришлась прямо под маленьким квадратным окошком в потолке. Взор впился в бездонную синеву.

Так, никем не тревожимый, пролежал он час, прощаясь с воздухом, светом, пространством. Глаза были сухи, сердце билось ровно. Даже когда возник перед ним образ Тересы, Рафаэль не испытал страдания: «Она меня простит... Я ведь не мог иначе, я нужен был родине...»

Дверь камеры открылась. На пороге стоял Торре-Альта. Он как-то по-кошачьи подошел к своей жертве и, нагнувшись, заглянул в широко раскрытые глаза:

— Сеньор Риэго, я приношу вам благодарность от всех честных испанцев! Сегодняшний день останется в их памяти, как величайшая победа трона и святой веры над духом смуты и революции. То, что вы решились перед лицом вечности на такой прекрасный шаг, уготовит вам великое прощение в загробном мире!

Безмолвно глядел Рафаэль на говорившего. Он был уже далеко. Мучительно снова втягиваться в дела жизни через этого грязного палача.

Торре-Альта протянул Риэго свежий, еще пахнущий типографской краской номер мадридской «Гасеты». В ней на видном месте Рафаэль прочел:

«Я, Рафаэль дель Риэго, заключенный в часовне смертников тюрьмы де ла Корте, находясь в здравом уме и твердой памяти, веруя в таинства нашей святой религии, установленной матерью нашей церковью, в лоне которой я желаю умереть, движимый голосом моей совести, говорящей во мне все сильнее вот уже две недели, — я желаю, прежде чем уйду навеки от подобных мне, сказать всем, у кого сохранилась обо мне память, что я умираю примиренным со всемогущим провидением, потому что признаю себя повинным в грехах, заслуживающих смерти. Точно так же я объявляю, что раскаиваюсь глубоко в участии, которое я принимал в так называемой конституционной системе, в революции и пагубных ее последствиях. Я прошу господа нашего простить мне все эти прегрешения. Я прошу прощения святой религии и моего короля. *Дон Рафаэль дель Риэго».*

Ужас овладел Рафаэлем.

— Это ложь... Это гнусная ложь... — простонал он.

— О дорогой сеньор, об этом знаем только вы да я! Все испанцы принимают и всегда будут принимать это ваше раскаяние за чистую, прекрасную правду. Подумайте, как великолепно ваше покаяние: подлого революционера Риэго как не бывало!

С воплем рванулся Рафаэль к своему мучителю. Железные кольца впились в тело, дыхание перехватило. Узник без сознания свалился на пол.

Когда он очнулся, графа уже не было в камере. Но у самых глаз Рафаэля лежала газета.

Скорбно глядел поверженный герой в разверзшуюся перед ним пропасть. Этого не вмещает его сердце! Это ужаснее самой смерти... Испания будет вспоминать о нем, как о трусливой собаке!

Риэго заплакал громко и жалобно, как ребенок. Долго темные своды слушали его стоны.

Но вот во мрак, окутавший сознание, проник луч надежды... Он еще сможет сказать народу правду, когда его поведут на казнь.

Вне себя от нахлынувшей радости, Рафаэль закричал из последних сил:

— Мадридцы услышат!.. Знайте же, проклятые... услышат!..

* * *

Уже с раннего утра 7 ноября легионы монахов заполнили улицы, ведущие от тюрьмы к огромной виселице, воздвигнутой на площади Севады. Французский генерал Вердье расставил по всему городу пикеты.

Когда в камеру вошел доминиканец и проговорил традиционные слова: «Крепись, сын мой, ты скоро предстанешь перед твоим господом», Рафаэль сосредоточил все свои помыслы на последнем земном деле: прокричать народу правду. Он жадно схватил кубок бодрящего вина, протянутый ему монахом.

К вину был подмешан опиум. Через полчаса, когда смертника усаживали в «позорные сани», он уже впал в забытье.

Страх, спутник всякого преступления, терзал палача.

Пока герой Кабесаса еще дышит, он опасен. Полки солдат, толпы монахов — но и этого мало! Риэго связали, туго притянули к сиденью. По сторонам саней — два дюжих монаха с молитвенниками в руках и кинжалами под рясой.

Впереди процессии вооруженные всадники, за ними полицейские, далее огромное распятие. В санях, запряженных ослом, оглушенная опиумом жертва с крестом в руках.

У перекрестка процессия задержалась. Там, подобрав полы сутан, пляшут монахи. Они распевают хриплыми голосами новую песню, сочиненную ими во славу Фердинанда.

Прославим мы цепи,
Прославим мы гнет!
Да здравствует Фернандо,
Да погибнет народ!

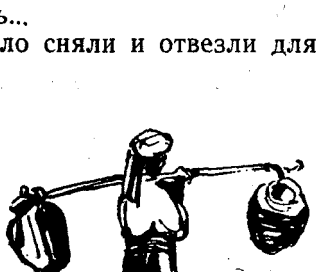
Голова Риэго безжизненно свешивается на грудь. Только раз открывает он глаза, когда какой-то абсолютист плюет ему в лицо.

Площадь Севады. Монахи развязывают приговоренного и усаживают на первую ступеньку эшафота. Его заставили очнуться от дурмана, но он не держится на ногах.

Рафаэля волокут на помост. Палач набрасывает ему на шею петлю.

Свершилось...

Вечером тело сняли и отвезли для погребения на Кампо-Санто.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

Победоносные русские армии освободили Европу от тирании Наполеона. Великий этот подвиг стоил русскому народу неисчислимых жертв.

Выполнит ли теперь царь обещания, которые, по слухам, он дал в годину бедствий: освободит ли крепостных? Введет ли конституцию?

Очень скоро передовые русские люди убедились в том, что Александр I, упрочив победой над врагом свой трон, и не помышлял об уступках народу.

И тогда в среде дворянской молодежи, служившей в войске, стала зреть мысль о необходимости покончить силой оружия с крепостным рабством крестьян и с народным бесправием. В гвардии и в армии возникли тайные общества с масонским ритуалом, но с целями политическими и революционными.

С неослабным интересом следили будущие декабристы за событиями в далекой Испании. Они горячо приветствовали рождение Кадисской конституции. Пестель, светлый ум декабристского движения, почти буквально следовал за ее текстом, когда писал в своем проекте российской конституции — в «Русской Правде»: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства».

В России стало известно, что вернувшийся из наполеоновского плена Фердинанд нагло попрал конституцию, принятую народом Испании. Почему же испанские революционеры не смогли этому воспрепятствовать?

В тайных кружках русского офицерства не было конца обсуждению достоинств и слабых сторон Хартии Кадиса. Ночи напролет спорили о том, как предохранить будущую российскую конституцию от возможных на нее посягательств монарха. Многие, очень многие в среде дворянских революционеров начинали постигать, что конституционные вольности станут нерушимым достоянием государства и народа русского лишь при одном условии: необходимо убрать царя, покончить с монархическим режимом.

Один из основателей Союза спасения, М. Мамонов, уже в 1815 году подвел опыту испанского народа

поучительные для русских итоги. Он писал, что щадить тиранов — это значит приготовить, сковать себе кандалы более тяжелые, чем те, от которых хотят освободиться. «Что же кортесы — разосланы, распытаны, к смерти приговариваемы. И кем же? Скотиною, которому они сохранили корону».

Но вот Риэго поднял испанскую армию на борьбу с тиранией. Все, что было в России передового, встретило эту весть с восторгом, с горячей верой в конечное торжество испанских патриотов.

В тайных офицерских кружках имя Риэго стало знаменем борьбы с ненавистным самовластием царя. Только одного исторического героя — Брута, древнеримского борца с тиранией Цезаря, они ставили вровень с героем Кабесаса.

Бард декабристов К. Рылеев зовет русскую дворянскую молодежь оставить пустые забавы, отдаться святому делу борьбы за свободу. Он грозит ленивым и равнодушным худшей карой — восставший народ отвернется от праздных:

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
. . . . . .
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

* * *

Велик был восторг дворянских революционеров, когда России достигла весть о победе дела Риэго и его сподвижников.

Николай Тургенев записал в своем дневнике в конце марта 1820 года: «Вчера получено... известие, что король испанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия гиспанская! Слава гишпанскому народу! Во второй раз Гишпания показывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству... Инсургенты вели себя весьма благород-

но. Объявили народу, что они хотят конституции, без которой Гишпания не может быть благополучна, объявили, что может быть предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству, но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце гиспанского народа».

Рылеев и его друзья любили говорить о Кронштадте, как о будущем острове Леон.

Среди декабристов был офицер, очень близкий по духовному облику герою Кабесаса — Сергей Муравьев-Апостол, человек кристально чистой души, горевший жаждой подвига. Через два года после подавления испанской революции он попытался повторить в украинских степях рейд Риэго.

* * *

Осень 1823 года. Старшие офицеры 7-го корпуса Второй русской армии, расквартированного в окрестностях Тульчина, на Украине, давали парадный обед императору Александру I. Царь только что закончил смотр полков корпуса.

В палаточном лагере полукругом расставили столы. Император уже сел на почетное место и готов был приступить к еде, когда ему подали срочный пакет, только что доставленный фельдъегерем из Парижа. Царь вскрыл конверт. В нем было послание министра иностранных дел Франции Шатобриана.

— Господа, — обратился Александр по-французски к сотрапезникам, — поздравляю вас — Риэго схвачен!

Генералы, штаб- и обер-офицеры словно онемели. Одни широко раскрытыми глазами изумленно глядели на царя, другие потупились, стараясь скрыть охватившее их волнение.

Среди приглашенных к обеду было несколько офицеров-декабристов, членов Южного общества, в глубокой тайне готовившего здесь, во Второй армии, вооруженное выступление, которое должно было поддержать задуманное Северным обществом восстание

гвардейских полков в столице. Привезенная из Парижа весть поразила их в самое сердце. Риэго!.. Значит, пришел конец мужественной борьбе испанских братьев!..

Тягостное молчание прервал придворный шаркун, парадный генерал М. С. Воронцов. Состроив радостную гримасу, льстиво склонив голову набок, он воскликнул:

— Какая счастливая новость, ваше величество!

Царь ничего не ответил. Он окинул взглядом лица собравшихся и нахмурился. Слишком уж не шло это восклицание к настроению остальных офицеров.

В эти месяцы Пушкин был на юге России. Как и все близкие к декабристам передовые люди, он тяжело переживал поражение испанской революции. Уже после казни Риэго, глубокой осенью, он узнал о гнусной выходке Воронцова. Поэт навеки заклеймил подлеца знаменитой эпиграммой, в которой только сместил хронологию событий:

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удавлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец: —
От одного мерзавца мир избавлен».
. . . . . .
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

* * *

После поражения революции и казни Риэго Испания вступила в полосу жестокой реакции.

Либеральная буржуазия и либеральное дворянство долго и безуспешно домогались влияния на государственное управление. Неизменно им преграждали путь к власти все те же извечные реакционные силы — феодальная аристократия и ее союзник — католическая церковь.

На протяжении всего XIX и первой трети XX века испанская бурбонская монархия словно закосте-

нела. Как и во времена Карла IV и Годоя, помещики и монастыри цепко держат в своих руках почти все земельные угодья страны. Миллионы полукрепостных крестьян, темных, неграмотных, влачат жалкое существование на грани голода, арендуя у помещиков землю сроком на «протяжение жизни трех королей и еще 29 лет».

Как никогда могущественна церковь. Искусства, наука, народное просвещение прозябают под контролем мракобесов-церковников. Половина населения неграмотна, две трети его никогда не переступали порога школы.

Но под гнетом церковно-феодальной монархии в стране зреют силы обновления. Недра Испании богаты, и в разных ее провинциях возникают принадлежащие иностранным компаниям копи, шахты, заводы, фабрики. Растет пролетариат — могильщик испанского феодализма.

В 1931 году прогнившее насквозь здание монархии с грохотом рухнуло под ударами прогрессивных сил. Мощное революционное движение призывает к жизни республику. Быстро наверстывается упущенное историческое время — страна начинает менять свой облик.

Пять лет развивается этот стремительный процесс обновления всей жизни страны. Однако прежние ее хозяева — поместное дворянство, промышленные магнаты, реакционные генералы, князья церкви — не хотят признать себя побежденными. Революция отняла у них влияние, грозит их богатствам, их беспечной, ленивой жизни паразитов. Они полны ненависти к новой Испании, но бессильны перед единой волей народа. И тут на помощь им приходят Гитлер и Муссолини.

Обильно снабженные фашистским оружием, мятежные генералы начинают в 1936 году истребительную гражданскую войну.

Почти три года молодая народная республика напрягает все силы в борьбе против фашистских мятежников и иностранных интервентов.

В годину тяжких испытаний народ вспоминает героя своего славного прошлого. Батальоны имени Ри-

эго с беззаветным мужеством идут в бой, бросая в лицо ненавистному фашистскому отребью слова старого боевого гимна:

Солдаты, на бой нас
Отчизна зовет.
Мы ею клянемся —
Победа иль смерть!..

Испанская революция не смогла устоять в неравной борьбе. Под ударами черных сил народная республика пала. Власть в стране захватил диктатор Франко, этот выкормыш фашизма.

Но надолго ли?..

В день, когда над испанской землей снова взойдет солнце свободы — а день этот уже недалек! — народ Испании воздаст достойную хвалу памяти своего национального героя, отдавшего жизнь за счастье родины, увековечит имя Рафаэля Риэго.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИЭГО

1784, *3 апреля* — Родился Рафаэль дель Риэго-и-Нуньес.
1808, *2 мая* — Вооруженное выступление мадридцев против французских оккупантов.
1808, *22 июля* — Капитуляция французских войск при Байлене.
1808, *июнь — август* — Первая осада Сарагосы.
1808, *осень* — Произведенный в офицеры Риэго уходит в армию, действующую против оккупантов.
1808, *декабрь — 1809, февраль* — Вторая осада Сарагосы.
1810, *начало года* — Почти вся Испания занята войсками Наполеона.
1810, *24 сентября* — Открытие учредительных кортесов в Кадисе.
1812, *март* — Обнародование Кадисской конституции.
1812, *весна* — Риэго захвачен в плен и отправлен во Францию.
1813, *ноябрь* — Испания освобождена от оккупантов.
1814, *осень* — Возвращение Риэго из плена на родину.
1820, *1 января* — Риэго поднимает знамя восстания против абсолютизма.
1820, *27 января — 13 марта* — Первый рейд революционной колонны Риэго.
1820, *9 марта* — Испанский народ вынуждает короля снова ввести конституцию.
1820, *1 сентября* — Жители столицы манифестируют в честь национального героя.
1821, *январь—август* — Риэго на посту капитан-генерала Арагона.
1821, *29 августа* — Фердинанд смещает Риэго с поста капитан-генерала.
1822, *1 марта* — Риэго избран председателем кортесов.
1823, *7 апреля* — Французская армия переходит испанскую границу.
1823, *17 августа* — С осажденного острова Леон Риэго отправляется морем в Малагу.
1823, *3 сентября* — Начало второго рейда Риэго.
1823, *14 сентября* — Гибель колонны Риэго.
1823, *7 ноября* — Казнь Риэго.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

а) Об эпохе

К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция в Испании. М., Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Боткин В. Л. Письма об Испании. СПб., 1857.

Каррель, Арман. Испания и ее революция. СПб., 1866.

Трачевский А. Испания девятнадцатого века. М., 1872.

Петров А. К. Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909.

Гальдос, Перес. Золотой фонтан. М., 1937. Сарагоса. М., 1938. Кадикс. М., 1939.

Майский И. М. Испания. М., 1957.

Косорез Н. Вторая буржуазная революция в Испании. М., 1941 (диссертация).

Мицкун Н. Вторжение Наполеона в Испанию и всеобщее восстание против интервентов. М., 1941 (диссертация).

Молок А. Французская интервенция в Испании в 1823 году («Исторический журнал», 1937, № 3—4).

Julian L. L'Espagne au XIX siècle. Paris, 1832.

Toreno. Histoire du soulèvement de la guerre et de révolution d'Espagne. Paris, 1836—1838.

Blaqiere. Examen historique de la révolution Espagnole. Paris, 1823.

Chateaubriand. Congrès de Vérone. Paris, 1841.

Baumgarten, Hermann. Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution bis auf unsere Tagen. Leipzig, 1865—1871.

б) О Ризго

«Procés du général Rafael del Riego». Paris, 1823.

Miguel del Riego. Memoires of the life of Rafael del Riego and his family. London, 1824.

«Don Rafael del Riego's Leben und Hinrichtung». Augsburg, 1824.

Burckhardt Ed. Riego und Mina. Leipzig, 1835.

Nard e Pirala. Vida Militar y Politica de don Rafael del Riego. Madrid, 1844.

Carmen de Burgos. Riego (un crimen de los Borbones). Madrid, 1931.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 7

Часть первая. ЦАРСТВО МРАКА

I. Венценосцы 27
II. Временщик 34
III. Юный Риэго 45
IV. Гаденыш 50
V. Лев в лисьей шкуре 56

Часть вторая. БУРЯ

I. Герилья 71
II. Мозг революции 96
III. У костра 114
IV. Плен 126
V. Изгнание оккупантов 137

Часть третья. «ЖЕЛАННЫЙ» ВЕРНУЛСЯ

I. Второй Камбиз 147
II. Риэго возвращается на родину 159
III. Армия бунтует 173

Часть четвертая. ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

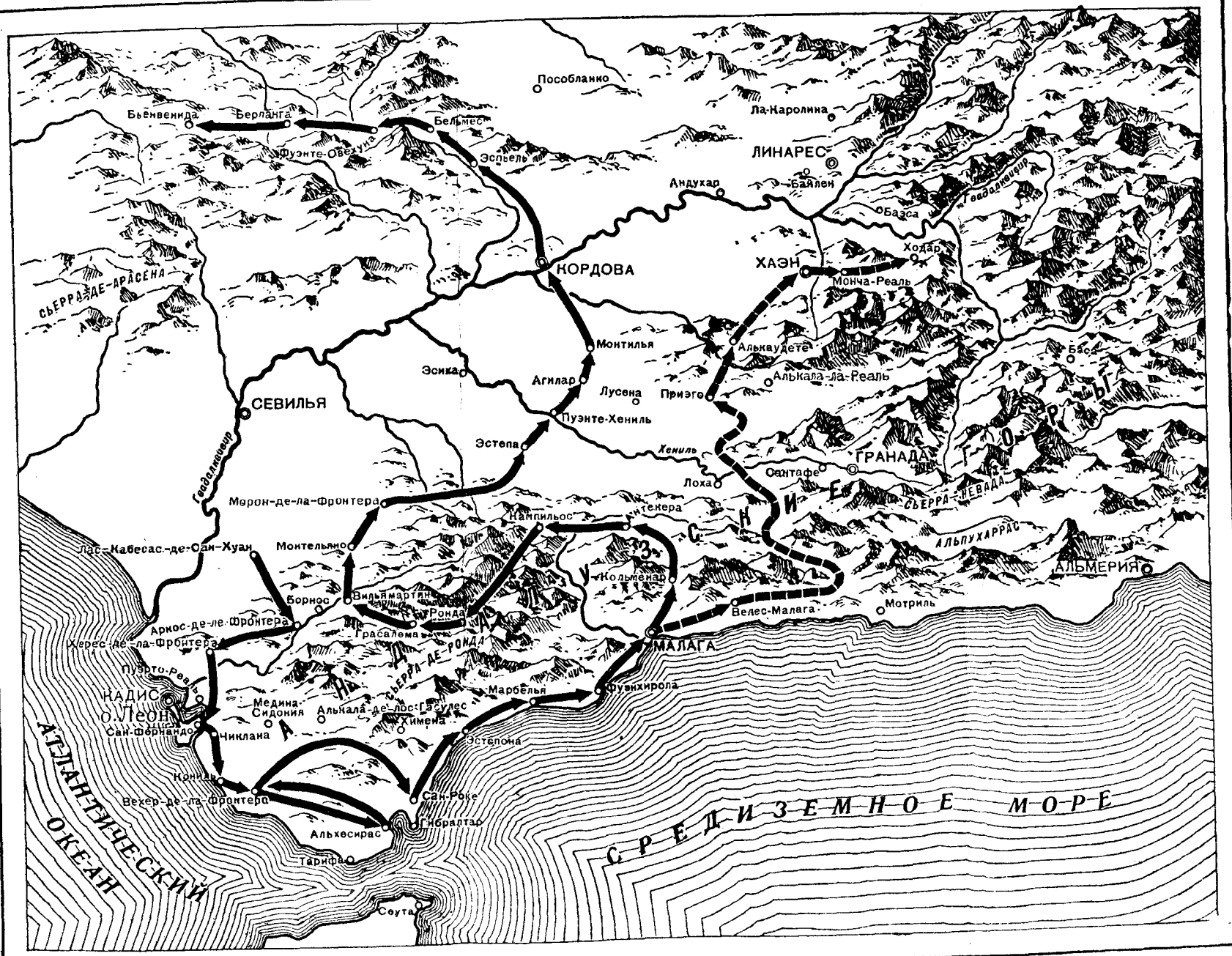
I. Восстание на юге 189
II. Рейд Риэго 208
III. Революция побеждает 227
IV. «Жри ее, собака!» 244
V. Дела внешние и внутренние 259
VI. Изгнание и возвращение 266
VII. Интервенция 283
VIII. Поражение революции 289
IX. Смерть Риэго 305
Послесловие 311
Основные даты жизни и деятельности Риэго . . . 318
Краткая библиография 319

Ревзин Григорий Исаакович

РИЭГО

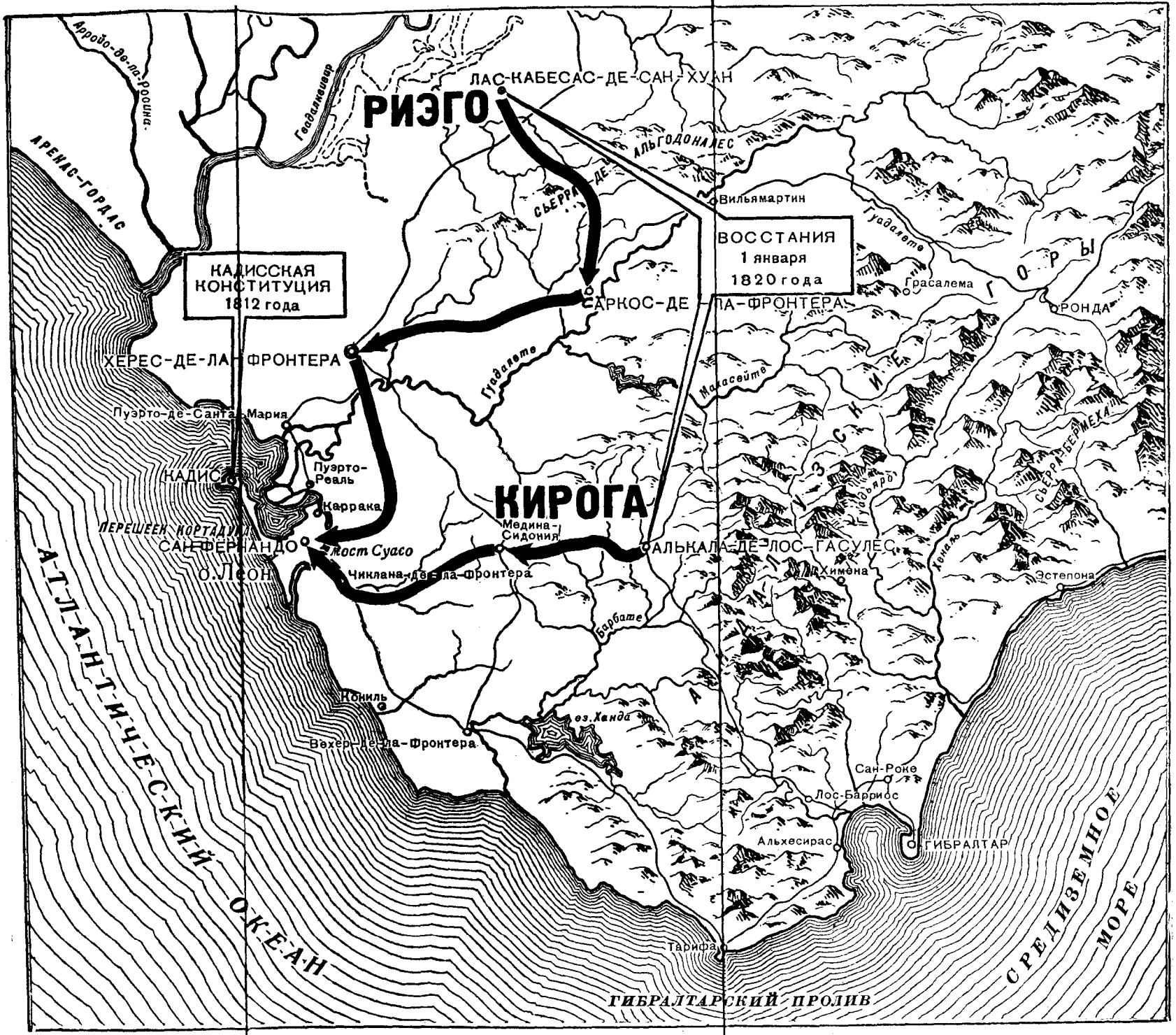
Художник *Лев Подольский*
Научный редактор
доктор исторических наук *А. И. Молок*
Редактор *Е. Грушко*
Серийное оформление художника *М. Серегина*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *В. Корнеева*

А03752 Подп. к печати 6/V 1958 г. Бумага 84 × 108¹/₃₂ = 5 бум. л. = 16,4 печ. л. + 9 вкл. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 30 000 экз. Цена 6 р. 65 к. Заказ 2845
Типография «Красное знамя» изд-ва „Молодая гвардия".
Москва, А-55, Сущевская, 21.



Первый рейд 1820г. Второй рейд 1823г.

Два рейда Риэго.



Восстание на острове Леон.